

Виктор Мишин

МОЯ ВОЙНА

Выжить вопреки

Испытания

Чужой

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Виктор Мишин

**Моя война: Выжить
вопреки. Испытания. Чужой**

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мишин В. М.

Моя война: Выжить вопреки. Испытания. Чужой /
В. М. Мишин — «Издательство АСТ», 2021 — (Коллекция.
Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-137369-6

Андрей Морозов волею судьбы оказался в тысяча девятьсот сорок первом году. Идет самая страшная и разрушительная война в истории России. Пережив начало войны, он оказывается в спецшколе ОМСБОН НКВД. Здесь парней со всей страны готовят одному – диверсионной деятельности в тылу врага. Андрей, помнящий из прошлой жизни много того, что помогает ему сражаться с врагом, становится командиром подразделения диверсантов. А группу забрасывают в тыл к врагу. Благодаря удачному внедрению в подразделение вермахта, ему удаются опасные и необходимые для страны диверсии. Захват вражеских офицеров и выявление диверсантов – все это приближает Великую Победу. Но какой ценой все это дается Андрею?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-137369-6

© Мишин В. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Выжить вопреки	6
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Виктор Мишин

Моя война

© Виктор Мишин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выжить вопреки

Звук топающих сапог вражеских солдат казался грохотом. В голове словно набат звучал: бумм-бумм, бумм-бумм. Я лежал возле развороченной взрывами ячейки, недалеко от дороги, по которой проходила колонна немецких войск, боясь пошевелиться. Дело в том, что я на войне, на Великой Отечественной. Подразделение, в котором я служил, только что раздолбали, как и многих до нас, вот и лежу, пытаюсь удержаться от того, чтобы не заорать. Страшно, очень страшно. Господи, сколько молодых и не очень людей полегло и еще больше поляжет в этой войне...

Зовут меня Андреем Морозовым. Мне двадцать один год. На дворе тысяча девятьсот сорок первый год, июнь месяц. Нахожусь я километрах в двухстах, может чуть больше, от западной границы СССР, куда меня привезли на днях из Минска. В столицу Белоруссии я приехал в вагоне-теплушке из Ярославля, где меня призвали в первых рядах, как уже отслужившего срочную службу, в действующую армию, то есть на фронт. Надо же так неудачно попасть! О чем именно говорю? Так я ведь не коренной житель этого времени, я – долбаный попаданец. Так-то. Случилось все как-то внезапно, на работе упал с высоты, так, метров десять, не больше, да вот хватило, видно. Там мне было тридцать пять, здесь двадцать один, вторая жизнь, блин блинский. Работал в строительной компании, вот и доработался. Тело, в которое я попал, было не только молодое, но еще и крепкое. Роста в «теле» было около метра восьмидесяти, в плечах не очень широк, но и не задохлик. ТАМ у меня было всякое за мои долгие тридцать пять, через многое прошел, многое попробовал. Теперь, видимо, придется вспоминать, обязательно нужно вспомнить, все свои умения и навыки, чтобы просто прожить хотя бы на день дольше, чем другие бойцы.

Сюда попал две недели назад, толком даже осмотреться не успел, как война началась. Повестку принесли быстро, оперативность тут была на высоте, да и родные пособили в этом. Уже двадцать пятого июня я выехал в Минск. Родители «тела» мгновенно собрали меня в долгий путь. Хоть и плакали, но мне казалось, что они даже рады тому, что я уйду. За все короткое время, что был в этом мире с новыми родителями, усвоил одно, водка – беда! Мой новый батя пил так, что я аж икал вначале от удивления. Мама регулярно получала от него люлей, до моего появления, конечно. Когда уже при мне такое случилось, папаша быстро как-то протрезвел.

– Слышь, батя, еще раз руку поднимешь на мать, я тебе эту самую ручонку сломаю! – сказал я тогда в сердцах, что поделать, естественная реакция, но папаша охренел от моего наезда. Мужик он был довольно крепкий, поэтому озверел мгновенно. Сбив меня с ног ударом кулака в ухо, он даже намылился попинать сапогами по ребрам, но я, наконец, «проснулся». Да, тут привыкли уважать мнение главы семьи, пусть даже он прожженный алкаш. Мать получала по лицу просто так, для порядка, а этот боров наслаждался, видимо. Может, даже и хорошо, что все так случилось. Именно это происшествие помогло быстрее все осознать и смириться с судьбой. Поймав тогда ногу папаша, летевшую мне в бок, я с силой ее крутанул вокруг своей оси, заставив родственничка грохнуться на пол. Тот взвыл, как кабан, и попытался было встать, но я уже был возле него. Схватив за правую клешню, я быстро присел и, воспользовавшись своим коленом как подставкой, сломал отцу руку в локте. А затем чуть не получил уже от мамы поленом по голове. Вот почему и говорю, что предки были рады моему отъезду на фронт. Представляете, мама тогда еще два дня на меня огрызалась за то, что сломал клешню этому, блин, любителю бить женщин. Кормильца лишил возможности работать. Начавшаяся война помирила нас, но вот ощущение постоянной лжи, идущей от родителей, не отпускало. Так уж случилось, что я и в той, прежней жизни рано остался без родных, так что и здесь не

особо переживал. Но о прошлом не буду, это табу, мне очень тяжело его вспоминать, тем более у меня теперь новая, может и короткая, но все же интересная жизнь.

«Господи, да сколько же их?» – в голове уже просто вопил какой-то суслик, заставляющий меня встать и бежать прочь отсюда. Но я не мог пошевелиться. Во-первых, на мне еще пара таких, как я, лежит, точнее, им похуже будет, они мертвые. А во-вторых, куда бежать-то? Кругом фрицы, мать их за ногу. Вон, два часа уже мимо колонной идут и все никак не пройдут. Вот и вкусил я, наконец, все прелести первых дней войны. Прямо с эшелона начался мой военный путь. Везли нас в Гродно, но не довезли. Поезд раздолбали с воздуха, и пришлось сначала убегать в сторону, а затем по приказу политрука нашего батальона возвращаться к составу и вытаскивать из лежавших вагонов все и всех, кого и что можно было достать. Вагон, в котором ехало оружие для целого полка, получил самую первую бомбу и разлетелся по окрестностям. До места назначения топали с одной винтовкой на троих, уж сколько было, я тут ни при чем. Да и все равно не дошли. Возле одного из небольших мосточков, переброшенных через различные речушки, нас тормознули какие-то ухари. Возле обочины стояла черная «эмка», из нее вылез аж цельный полковник и приказал батальону занимать позиции возле моста. Приказ был... О, приказище, а не приказ. Нас было двести четыре человека в батальоне, а приказали нам, ни много ни мало, остановить врага и не дать ему переправиться. Нормально так, чего, вполне себе выполнимо, мы вообще его разгромить могли бы, нас же целых две сотни непобедимых красноармейцев! Оружия нет? О, лучше бы наш командир, капитан Башмаков, даже и не заикался об этом. Его обвинили в трусости, в разгильдяйстве и халатности. Хотели даже увезти с собой, да начштаба батальона вступился, полковник и отстал. «Эмка» тут же уехала, а мы получили приказ окапываться. Полностью прочувствовал на себе, что такое знаменитые стрелковые ячейки. С одной стороны, вроде бы хорошо, копать не слишком много, а вот с другой... Еще до первого боя мне было страшно. Страшно сидеть одному, без оружия, без продовольствия, сидеть в этой ямке и... Бояться. Было ужасно страшно. Казалось, все уже давно плюнули на все и разбежались. Прислушаешься, нет, кто-то вроде скребется рядом, вроде успокаиваешься, но через пять минут снова слушаешь. И постоянное чувство голода...

В первый раз немцы появились после обеда. Часов у меня не было, так что, во сколько точно это произошло, не знаю. Я сидел в своей норе и внезапно услышал выстрел. После третьего любопытство все же пересилило страх, и я решил вылезти и посмотреть, что происходит. Увидел только улепетывающий от нас мотоцикл с коляской, врагов даже не разглядел. Что-то темное осталось лежать на земле, но что это такое, я не знал. Байк, видимо, не доехал до моста, когда его обстреляли наши бойцы, развернулся и дал деру. Значит, сейчас он сообщит о том, что его тут обидели, и все, придут его друзья, заступаться. Я уже начал потихоньку привыкать к происходившему вокруг, к требованиям командиров, безалаберности бойцов, к медленному течению времени. Куда ни глянь, все настолько непривычно, что иногда выводит из себя. С одним бойцом, помню, еще на вокзале поспорили. Я подошел время спросить, а он лишь кивнул и отвернулся. Но часы-то на его руке я видел, поэтому и подошел вообще. Напомнив о себе, бы удивлен ответом:

– Чего пристал, сейчас посмотрю! После этого мне уже стало плевать на время, я просто ушел.

До вечера немцы так и не появились. Доел последний сухарь, да, выдали днем по горсти черных сухарей, мне было жутко интересно, почему командиры не посылали никого на ту сторону моста. Зачем? Так фриц-то на мотике явно был не в одиночестве, а уезжал один водитель, понятно? Блин, да трофеи собрать, вот зачем! Я еще совсем не понимал, что такое война, но вот почему-то мысль о трофеях не давала покоя. Наверное, это потому, что у самого

не было ни фи́га, ни е́ды, ни во́ды, ни ору́жия. Если найду из чего стрелять, может, и страх куда-нибудь пропадет.

Я никому не озвучивал своих мыслей, да и некому было меня слушать, все так же сидят в своих ячейках и не отсвечивают. Дождавшись, когда полностью стемнеет, я осторожно вылез из ямки и посмотрел вокруг. Чуть в отдалении, возле рощи, что находилась метрах в двухстах, была установлена палатка. Наверняка отцы командиры там. Еще раз убедившись, что на меня никто не смотрит, точнее, не видит, темно уже, я осторожно пошел к мосту. Тут до него было метров сто, моя яма была практически в первой линии, копали мы, можно сказать, в шахматном порядке. Пошел, это, конечно, сильно сказано, крался я так, что боялся дышать. Добравшись до моста, ползком перебрался на ту сторону и стал искать трупы, которые удалось разглядеть вечером. Странно это все, нам вроде как запрещено использовать вражеское оружие, но осмотреть убитых-то можно было! Мало ли чего у них с собой было. Карты, еда, да блин, оружие-то тоже необходимо, говорю ведь, что своего-то нет. Как воевать? Мародерство? Да по барабану.

Нашел. Хоть и пришлось буквально ползать по траве, так как было темно, но нашел. А хорошо у нас кто-то пострелял. Два трупа в немецкой форме и мотоцикл. Оказывается, мотиков было два, второй был одиночкой и, видимо потеряв наездника, рухнул на землю. Кто был вторым трупом, непонятно, то ли пассажир с одиночки, то ли с того, что успел удрать. Так или иначе, но я стал обладателем немалых трофеев. У одного на шее был автомат, рядом с другим лежала винтовка. Причем наша, СВТ. А еще в будущем, помню, читал как-то, что фрицам нравились наши «Светки», а вот советские бойцы их только хаяли. Собрав все из карманов убитых фрицев, а было немало, не брал только деньги, зачем они мне, я рассовал все по двум ранцам, что были на убитых. У того, что был с автоматом, водитель мотоцикла, как я думаю, был еще и пистолет в кобуре. Взмахнув на себя немалую поклажу, я двинул назад. Удивительно, но почему-то было почти не страшно. Блин, надо было с фрицев сапоги снять, а то в этих долбанных ботинках с обмотками я уже замучился ходить. Решил, что сделаю еще одну ходку, но, видно, не судьба. Только успел подойти к своей ячейке, причем в этот раз меня уже видели, многие ребята сидели возле своих ям, как попал под раздачу.

– Ты где был, боец? – Блин, а на фи́га так орать-то, врага привлекать? На меня орал командир нашего батальона, капитан Башмаков. Оказывается, он с командирами рот и взводов обходил позиции, а меня не было в ячейке.

– Виноват, товарищ командир. Добывал оружие, чтобы было чем бить врага! – отчеканил я, но не громко.

– Чего? – даже споткнувшись от моего заявления, спросил командир. – Чего ты делал?

– Добывал оружие, товарищ командир. Днем видел, как были уничтожены солдаты противника. Решил сходить и взять оружие. Ведь у нас нет своего, а приказ оборонять мост есть.

– Ты откуда такой умный? – спросил уже начштаба.

– Красноармеец Морозов, призван из запаса... Вот, товарищ командир, возьмите, вам пригодится! – с этими словами я протянул капитану немецкий пистолет-пулемет и запасные магазины к нему, а также бинокль, уж этому подарку он наверняка порадует.

– Ты еще что-то взял?

– Да, вот, – я указал на ранцы, – если можно, винтовку я оставлю себе...

– Оставь, патроны-то к ней есть? А то у нас ведь и патронов кот наплакал.

– Да, в ранце лежали, больше сотни, – удовлетворенно ответил я.

Надо ли говорить, что забрали у меня все, что принес, за исключением винтовки и патронов. Правда, я был немного нечестен, утаил две гранаты, спрятал к себе в сидор еще там, возле трупов.

Думал, что все будет хорошо теперь, но утро началось с политинформации. Политрук битый час объяснял бойцам, что красноармеец Морозов поступил плохо. Во-первых, он обо-

крал убитых, во-вторых, взял оружие врага, а это показательно, делать этого нельзя. Ну и, в-третьих, ушел с позиции, никого не предупредив, то есть чуть ли не дезертировал. Везде я был неправ. Меня поставили перед строем, где потребовали обещать больше такого не делать. Я был удивлен, что меня вообще не расстреляли тут, поэтому чуть расслабился. Политрук вдруг добавил, что вообще-то мне полагается трибунал. Вот тут я и провалился...

– Товарищ политрук, а как же воевать, если своего оружия у нас нет, а вражеское вы брать запрещаете? – Дайте мне самое большое полено, я об него убьюсь. Ну, не понимаю я таких ограничений. Надо сразу заметить, человек я прямой и никогда не молчу, если совершают глупость или ко мне несправедливо относятся. Начальник ли, командир, я всегда говорю правду и как есть. И терпеть не могу, когда лебезят.

– Взяв в руки оружие врага, вы тем самым показываете ему, что цените именно оружие противника, значит, считаете советское оружие плохим!

– Товарищ политрук, так нет же советского. А вообще, я же нашу, советскую винтовку у них и забрал, вот же она! – с этими словами я снял винтовку с плеча и показал этому горлопану. – Немцы же пользуются нашим оружием, для того чтобы нас убивать. А я считаю, для уничтожения врага все средства хороши.

– Но ведь ты же и немецкое взял? – не унимался политрук.

– Да, но я его сдал...

– Бойцы, партия Ленина – Сталина дает нам лучшее оружие в мире, никогда не берите пример с таких бойцов, как Морозов... – Бла-бла-бла. Конечно, не нужно брать пример с меня, берите с трусов и паникеров или политруков. Они вас живо научат, как быстренько сдохнуть за Родину. Как меня бесит уже эта болтовня, кто бы знал! Посмотрев по сторонам, поймал взгляд командира батальона. Увидел его и даже не понял, показалось мне или нет. Командир мне подмигнул и кивнул головой. У него на груди висел немецкий трофейный автомат. Ну, или пистолет-пулемет, не важно, как именно он зовется.

Избавил и меня, да и всех бойцов от этой болтовни тот же командир батальона. Просто дождавшись паузы в речи политрука, он громко объявил:

– Заканчиваем политинформацию! Бойцы, по местам! – И все ломанулись в свои ячейки. Очевидно, что бойцы, так же как и я, страдали от такой партийной заботы. Нет, согласен, политическая работа в армии нужна, но все должно иметь свои рамки.

Очень хотелось есть, кажется, я уже больше ни о чем не думаю, кроме еды. Блин, чего я лоханулся и не положил в свой сидор что-нибудь из жратвы. У фрицев были консервные банки в ранцах, не знаю только с чем. Еще какие-то хлебцы в бумаге, или это галеты были, черт его знает. Одно скажу, если бы похитрее был, сейчас бы сидел сытым.

Солнце начинало жарить. Утро еще фактически, но жара стоит... Блин, речушка совсем ведь рядом, а не искупаться. Вчера, после «раскопок» бойцы так просили разрешить им окунуться, но нет, ждем врага, какое купание. От нечего делать решил разобрать винтовку. Я ведь о ней, если честно, почти ничего не знаю. Подумав, решил найти старшину, есть тут один мужичок, сам видел, как он объяснял одному молодому бойцу, как нужно ухаживать за оружием. Вылез на «волю» и осмотрелся. Все чего-то делают, копошатся. Кто-то курит, у меня, кстати, вообще нет табака, да и не хочется пока вроде, кто-то читает газету. Нормально так, врага ждем. Старшина оказался возле роши, шел от палатки командиров.

– Ты чего вылез? – остановил тот меня, когда приблизился.

– Товарищ старшина, не поможете с винтовкой? – спросил я, протянув ствол.

– А-а, – протянул тот, – это можно. Пошли.

Мы вернулись к моей ячейке и, свесив в нее ноги, уселись на землю. Старшина довольно шустро разобрал СВТ-40 и разложил детали на мою запасную портянку, это я успел ее достать.

– Смотри внимательно, – начал он показывать, – грязь вот здесь, видишь эту хреновинку? – Я кивнул, рассказ мне уже нравился. – Не даст тебе стрелять, заклинит нафиг. Смотри, регулятор чистится вот так...

Минут двадцать я вникал, так долго, потому как старшина не прерывался. Привык он, видимо, новобранцам объяснять, а ведь я вообще-то служивший. Автомат Калашникова обслуживал, чай, здесь не труднее. Когда я довольно легко собрал за минуту винтовку в боевое положение, старшина кивнул и, хлопнув по плечу, потопал по своим старшинским делам. Я еще разок проделал все манипуляции с винтовкой и, наконец, зарядил ее. У немца с собой было только два магазина от нее, жаль, часто придется переснаряжать, а так мне нравилась пока эта «игрушка», не знаю, правда, как в бою себя покажет, но в руках лежит приятно. Кстати, этот же старшина дал ответ по патронам, что были у фрица в подсумках. Я просто не знал маркировку, оказывается, у меня было аж двадцать зажигательных патронов, хорошо, пригодятся.

Около десяти утра в небе зашумело. Все задирали головы, стараясь хоть что-то разглядеть, но тщетно. Самолеты, а это были они, или летели где-то в стороне, или очень высоко. Но это была на самом деле фигня, ибо страх пришел чуть позже, когда голову опустил. На той стороне реки, за мостом, поднималась пыль. И тут же прозвучал сигнал:

– Немцы!

Все, кто был наверху, попрыгали в свои ямки, я и так в ней был, поэтому только взял в руки каску и водрузил ее на голову. Тяжелая, зараза. Местность за мостом была интересная и удобная именно для противника. Метров через двести рельеф опускался, образуя таким образом удобное для сосредоточения противника место. Хреново, минометы бы сюда, но у нас даже гранат обычных почти нет, что уж говорить об артиллерии.

– Бойцы, внимание, – раздалось эхом над головами, – враг хочет переправиться, ему нужен мост, не дадим захватить его!

Странно, ладно бы мост нужен был нам, ну или, на худой конец, отступающим войскам. Не понимаю, на фига тут лежать, умирать, наверное, мы бы большегодились в другом месте... Спалили бы к чертям собачьим этот мостик, деревянный же! Брода тут нет, слышал, командиры говорили, немцам нужно было бы топать дальше, в поисках переправы, а это и время, и силы. Не понимаю.

На полосу земли перед мостом выехали два бэтэра, так как маскировки у нас не было, от слова совсем, немчура тут же открыла огонь из двух пулеметов. Втянув голову, осторожно наблюдал, ждал сигнала. Командиры предупредили, что будет ракета. Блин, да пока мы тут ждем, все уже в штаны накидают от страха, я в том числе. Чем дольше ты смотришь на эти долбаные пулеметы, тем меньше желание вылезать из ячейки.

– Да пошло оно всё! – буркнул я вслух и высунул голову. Как будто услышав мою речь, пулеметы на бэтэрах замолчали. Я как-то воспрял духом даже. Положил винтовку перед собой и начал целиться. И тут началось! Свист и вой, летящий с неба, заставил забыть обо всем. Я только без конца крутил головой, стараясь понять, как поступить.

Бах, бах, ба-бах, бах, бах! Разрывы слились в один. Мины, а это были именно они, противно завывая, накрывали всю местность перед мостом. Не было слышно ни единого выстрела с нашей стороны. Да и в кого стрелять? Минометы там, за складкой местности, хрен их достанешь, с бэтэров, видимо, корректируют огонь.

Одна из мин ложится где-то уж совсем близко, ибо меня в момент взрыва даже подкинуло. Блин, и чего теперь? Неужели вот так и погибали наши деды на этой сраной войне? Погибали не то что, не выстрелив по врагу, а даже и не видя его... Для чего же я попал сюда? Просто так, случился перенос и все? Сдох там, теперь здесь? Или это так и происходит, что после смерти душу человека просто переносит в другое время и место? Это только читать долго, на самом деле мысли проносились в голове со страшной скоростью, и каждая следующая была страшнее предыдущей. А ведь фрицы сейчас наверняка поднимаются уже в атаку. Под при-

крытием своих минометов они вполне могут рассчитывать на то, что удастся захватить мост. Блин, ну почему его не сожгли??

В этот момент наконец различаю звуки стрельбы. Прислушиваюсь и понимаю, что мины перестали грохотать. Вновь высунув голову, еле заставил себя это сделать, отмечаю краем глаза, что вокруг начинают стрельбу наши бойцы. Те, конечно, у кого было оружие. А вот и командир. Лежит уже впереди и призывно машет рукой, привлекая внимание бойцов. Ни фиги не понимаю, чего он там орет. Просто стряхиваю с винтовки землю и готовлю ее к выстрелу. А немцы-то и, правда, идут уже. Метров пятьдесят им до моста, странно, на фиги они минометный обстрел прекратили, вообще бы без потерь подошли.

Редкая стрельба с нашей стороны обуславливалась еще и тем, что обстрел минами явно не прошел бесследно. Сколько убитых, сколько раненых, наверное, не знает никто сейчас. Ловлю на мушку первого фрица, вон он, по прямой, меньше двух сотен метров до него. На секунду замираю, кажется, даже глаза закрыл. Наконец, все же жму на крючок – и не попадаю. Да уж, давно не брал я саблю в руки. А уж такую и вовсе никогда. Хоть бы увидеть, куда пули летят, чтобы понять, как нужно стрелять. Делаю еще один выстрел и теперь, о чудо, замечаю, как пуля вбивается в землю, не долетев до фрицевской шеренги несколько метров. А те ведь еще и двигаются. Хоть и почти пешком, но фрицы, слегка пригибаясь, стараются преодолеть расстояние до моста.

– Не дадим фашистам переправиться! – О, блин, он еще живой, что ли? – Командир был в первых рядах; да, уставы тут будут писать кровью.

– Эй, вы чего, очумели, что ли? – аж вслух сказал я, когда из ячеек начали вылезать уцелевшие бойцы. Причем поднимались все, как с оружием, так и без него. Мне совсем не хотелось подставляться под пули. Сложного ничего нет, тупо сдохнуть на просторах Родины, а кто за нее воевать-то будет?

Но я тоже вылез, иначе трусом ведь обзовут да под трибунал отдадут. Бежать оказалось вовсе и не надо. Вон они, враги, на фиги еще и сблизиться-то? «Светка» у меня стреляет точно, несколько раз выстрелив, я уже понял ее нрав. Фрицы, наступающие примерно ротой, в таких условиях не посчитаешь толком, остановились и залегли. Сколько их тут, сотня, полторы? В любом случае у нас нет шансов.

– Товарищ старшина, сейчас опять мины полетят! – кричу я, увидев рядом старшину.

– Брысь в ячейку! – ответил строго умный старшина и побежал к командиру. Со стороны немцев слышались трели свистка. Надо отдать должное старшине, сумел он убедить командира вернуться на позиции. Приказ последовал незамедлительно, но я уже и так укрылся. Снарядил один отстрелянный магазин и добил недостающие во второй. Вновь высунувшись из ямы, увидел дым, поднимающиеся из той низины, где сучковались фрицы.

– Танки! – вновь заорал кто-то. Блин, а я ведь и не сообразил раньше. Кто-то у нас приглядывает за той стороной, надо же, командир-то, видимо, соображает...

И точно. Рыча моторами, выпуская в небо белый дым из выхлопных труб, на нас выкатывались танки. Ух ты, а я думал, они пострашнее будут. Где тут хваленые немецкие «четверки» или «тройки»? К нам, точнее пока к мосту, лезли какие-то танкетки. Если вспоминать известную игру будущего, то больше всего эти танчики напоминали... Да чешскую табуретку они напоминают, вот что. Наблюдаю за ними поверх винтовочного ствола.

– А не ввали, значит, в книгах-то! – сплюнул я в сторону. На танках я отчетливо видел канистры с топливом, очень хорошо. Интересно, а еще кто-нибудь об этом знает? Орать и что-то доказывать не буду, попытаюсь поджечь один танк, авось наши и догадаются, что тут и почем. Вовремя я вспомнил о канистрах, ой вовремя.

Взяв один магазин, выщелкиваю из него несколько патронов. Достав из кармана «зажигалки», протер патроны тряпкой и вновь снарядил магазин, тут же вставив его на положенное место в винтовке. Не зная, как полетят новые пули, решил просто пострелять по ближнему

танку. Тот уже был у моста и вот-вот начал бы переправляться к нам, друзья его активно поддерживают. Их скорострельные пушки перепашивают землю перед нами, как хороший трактор. Черт, обзор хреновый у меня, но все же я начал.

Ракурс был очень неудобным, поэтому первые всполохи огня на корме этого маленького танчика, идущего первым, я заметил, когда тот почти доехал до нашей стороны реки.

– Горит, ребята, горит, гад! – кто-то совсем рядом восхищенно кричал. Слушать было некогда, у нас работы на весь день, танков-то вылезло аж восемь штук. Кстати, когда последний показался, я задумался. Идущий в хвосте «ромба» Т-3 на фоне малышей казался мастодонтом. Длинные антенны выдавали в нем машину командира роты. Пристально разглядывая командирский танк, отметил, что канистр на нем нет, хреновато, а как же нам его остановить? Пробивать его броню у нас нечем...

«Нужен рывок, но, думаю, никто не побежит. Точнее, не добежит», – подумал я. Осторожно выглянув, не увидел никого из готовых умереть. Люди так же сидели в ячейках и постреливали. Что ж, надо и мне продолжать, патроны зажигательные еще есть, использовал я только пять штук, теперь буду экономнее. Кстати, если немцы потеряют несколько машин, может, и не полезут дальше. Еще одно чудо чешско-немецкой инженерной мысли попыталось прорваться к мосту. Для этого желающему намотать на гусеницы наших бойцов нужно обогнуть неудачника, что уже горел. Черт, мне бы куда-нибудь в сторонку отойти, чтобы борт лучше видеть... Как по команде двигавшийся к мосту танк на секунду остановился за кормой горевшего собрата.

– Они хотят на буксир его взять, огонь, ребята! – донеслась команда. Блин, умные гады. Видят, что, объезжая препятствие, подставят нам борта, вот и решили оттащить горевший танк.

Плюнув на маскировку, просто вылезая из своей ямки и ползком ухажу в сторону.

«Господи, мне бы хоть метров двадцать проползти!»

Выстрелы слышны с обеих сторон, свиста пуль не слышу, а вот разрывы танковых снарядов вспухают регулярно. Черт, как же страшно-то!

– Куда, назад! Жить надоело? – вроде голос старшины. Меня хватают за ногу и стаскивают в какую-то яму. Встав на ноги, вижу старшину.

– Ты куда собрался, мать твою? – орет старшина.

– Этого случайно поджег, остальные так не подставляются, надо сбоку зайти! – ору в ответ я.

– Так это ты его зажег?

– Ну да, у меня же «зажигалки». Вы же мне сами маркировку читали.

– Давай, я прикрою, – как будто он один что-то сможет сделать.

Вновь я на земле и ползу, по сантиметру перемещая тело, стараясь не попасть кому-нибудь в прицел. На меня то и дело орут, огрызаются. Конечно, я же многим в прицел попадаю, ладно хоть не пристрелили еще, вот будет потеха, если меня свои же завалят. Наконец, осмотрев подступы к мосту, решаю, что достаточно уже, ракурс вполне себе хороший. Нахожу очередную ячейку, та немного разворочена близким взрывом и на дне лежит непонятная масса.

– Твою мать, как же вовремя! – сплевывая, говорю вслух. Только что меня знатно вывернуло, увидев, во что превратился боец, занимавший эту ячейку. Парень занимал все место в яме, пришлось, извинившись, встать прямо ему на спину. В глазах были слезы, это последствия после рвоты. Протираю глаза рукавом и понимаю, что теперь у меня полные глаза грязи. Ну что ж все так через задницу-то? Положив винтовку на бруствер, судорожно протираю глаза, вытянув из-под гимнастерки кусок нательной рубахи.

«Вроде ничего, вижу нормально», – проморгавшись, подумал я, беря в руки винтовку. Прошло всего минут пять, за это время немцам под огнем наших бойцов удалось прицепить горевший танк на буксир. Вот же черти профессиональные, и не боятся же огня и стрельбы! Танк, которому была отведена роль буксира, дал газу, выпустив в небо клубы белого дыма.

– Или сейчас, или будет поздно. Если тут застрянут сразу две машины, пройти здесь врагу будет уже гораздо сложнее, – разговоры с самим собой уже становятся нормой.

Второй танк я зажег уже с трех выстрелов. Начинаю учиться. Хорошо горит, выскакивающие танкисты пытаются убежать, их настигают пули моих товарищей по оружию. С той стороны слышна трель свистка, и оставшиеся корбочки начинают отползать.

«О, правильное решение, ползите вообще обратно, в ваш красивый Берлин!» – пролетает мысль.

«А вот это неправильно!» – я сваливаюсь в ячейку, забыв, что она вообще-то занята и места мне здесь мало. Дело в том, ЧТО я увидел. Немцы активно прятались, а из-за их спин вновь полетели мины. Блин, в этот раз они долбили еще дольше. Сколько же у них боеприпасов. Согласен, что враг на машинах, но ведь грузоподъемность-то не резиновая! А спустя минут тридцать, когда минометы вновь утихли, оказалось, что фрицы уже умудрились подцепить горевшие танки и начать их оттаскивать. Что делать? Стрельба была активной, причем, к сожалению, не с нашей стороны. Вообще, ощущение такое, что нас тут осталось всего десяток, может два. А, хрен бы на этот мост, зажечь его к чертям собачьим.

– Эй, поджигатель! – услышал я откуда-то сбоку.

– Кто тут? – не разглядев вначале, спрашиваю я.

– Лейтенант Светлаков, командир первой роты.

– Да, товарищ командир...

– Попробуй зажечь немца на мосту!

– Хорошо, только патронов осталось всего ничего.

– Они сейчас полезут снова, командир приказывает уничтожить мост, а как нам это сделать?

– Я попробую, виноват, сделаю! – почему-то я стал вдруг таким решительным и исполнительным...

Немцы и правда пустили вперед сразу все оставшиеся танки. Те полным ходом неслись к мосту, активно маневрируя и постреливая из пулеметов.

«Ну, давайте, давайте, на мост-то все равно по очереди будете въезжать!»

Один из наиболее вертких оказался на мосту. Он так и пролетел бы его, не брось перед ним кто-то из наших бойцов гранаты. Я даже видел, как связка полетела. Значит, кто-то из ребят подполз так близко, что смог добросить. Танку гранаты не навредили, но видимо, слегка разворотили настил моста, так как вражина встал как вкопанный. Это и дало мне возможность выстрелить. Хватило всего двух патронов, чтобы новый костер появился на переправе. Причем этот еще и рванул, что понравилось больше. Первые два, что я остановил, почему-то просто заглохли, а вот этот уже хорошенько так рванул. Как в кино, отлетающей башни не было, видимо, рвануло топливо в баках, до боекомплекта не дошло, но и то хорошо. Мост сейчас надежно заблокирован, чтобы освободить его вновь, немцы должны быть совсем без страха. А я думаю, что там, так же как и мы тут, хотят жить. Еще один из немецких танкистов, видимо, разозлился и сделал глупость. Ну, а что, думаете, у немцев все солдаты роботы? Я вас умоляю, там такие же люди, им свойственно и нервничать, и ошибаться. На скорости влетев на мост, он воткнулся в стоявшего товарища. Не знаю, что он хотел этим сделать. Столкнуть его в воду, или просто выпихнуть с моста, но, раскатав гусанку, замер, да еще и борт мне подставил. Ждать я не стал. Три новых выстрела – и еще один костер на мосту. Черт возьми, а мне понравилось!

В этот раз мин не было. Немцы затихарились и несколько минут не высывались. Оба бэтэра, едва высунувшись, так, чтобы пулеметчики в них могли стрелять, застыли в низине. Огонь был плотным, но, скорее, беспокоящим. Нам просто не давали высунуться, боясь, что мы пойдем в контратаку. А спустя еще полчаса над нами заревели двигатели самолетов. А я-то грешным делом думал, что не станут фрицы помогать какой-то маленькой части взять такой незначительный объект. Значит, все-таки значительный, если прислали аж четыре «юнкерса».

«Лаптежники» сначала прошлись пулеметами, видимо, присматривали цели, а вот на второй круг уже пошли с пикированием. Вообще, местность возле моста не давала возможности самолетам пикировать очень низко, деревья мешали. Бомбы упали кучно, грохот такой, что меня выбросило из ячейки, еле вернулся назад. Всего самолеты противника сделали три захода. Третьим вновь были пулеметы. До этого я еще на себе не испытывал такую жесть. Думаю, что если бы не знал ранее о ревунах на самолетах, запросто бы обделался.

– Эй, живые есть? – крикнул я, когда установилась тишина. Отвечать-то вроде и отвечали, но так редко, что не поймешь, живые там или уже нет...

Высунув голову, не увидел никакого шевеления ни у нас, ни у фрицев. Даже странно, чего это немцы не воспользовались нашим замешательством. Над позициями стоял густой дым, воронки от бомб дымили. Решил пробраться поближе к тому месту, где находились командирские. Зря это сделал. Блевать пришлось весь недолгий путь. Кругом растерзанные тела наших бойцов. Жуть. Сначала пытался глаза закрывать тем, у кого были открыты, но быстро понял, что просто не смогу дальше. Слишком много убитых, слишком. Ползал я, как оказалось, не один. Несколько бойцов во весь рост мчались к роще. Посмотрев им вслед и подумав, что они сейчас хорошая мишень, как будто сглазил. Затрещали пулеметы противника, и убежавшие попадали на землю сломанными куклами.

– Что? Не понимаю? – я лежал рядом со старшиной и, придерживая ему голову руками, пытался понять, что он говорит. Старшине перебило ноги, превратив их в месиво.

– Уходи, парень, не устояли мы... – наконец старшине удалось связно произнести слова, и он умер у меня на руках. Закрыв глаза этому воину, уже из моих глаз покатались слезы. Что делать-то, бежать? Обернувшись и взглянув на долбаный мост, я застыл. Страх сковал конечности, я просто не мог шевельнуться. По мосту уже вполне спокойно шли фрицы, до них всего было метров сто.

«Значит, такая уж судьба!» – мелькнула мысль. Хоть недаром сдохну, четыре танка остановил, хоть и не уничтожил, все какая-то польза. Увидев рядом со мной еще одного убитого бойца, я подтянул его за рукав, затащив на себя, просто положил голову рядом с головой старшины и приготовился ждать. Либо добьют сейчас, либо плен, третьего не дано. Со смертью смирился еще пять минут назад, а вот в плен не хочу. Не потому что, знаю, как там будут обращаться с контингентом, а просто не хочу служить фрицам.

Немцы топали и топали, наверное, их тут дивизия, очень долго идут. Но, что характерно, техники маловато для дивизии. Насколько смог мысленно представить и сосчитать, прошло единиц двенадцать, даже и не знаю чего. Гусеничных машин штук шесть, это по лязгу можно было понять, но сколько-то еще и обычных грузовиков было. Уже минут двадцать как враги идут мимо меня. Странно, не добивают почему-то... То ли решили, что здесь одни трупы, то ли малоохольные они еще, не ждут удара в спину. Немцы шли молча. Да уж, потрепали мы им нервы. Какой-то сраный стрелковый батальон неполного состава смог изрядно их проредить.

Когда грохот техники и звук шагов стал стихать, подумал, что, возможно, и выживу. Лишь бы трофейщики не нагрянули прямо сейчас. Эх, до темноты бы дожить, а там можно и свалить. Хотя бы попытаться это сделать. Куда идти и не посчитают ли это дезертирством, когда наткнушь на какую-нибудь часть Красной Армии, как-то и не думалось. Просто лежал и ждал момента.

До темноты так и не рискнул подняться, а когда все же это сделал, то чуть не шлепнулся назад. Тело было словно из дерева, руки ноги затекли. Медленно, стараясь быть незаметным, мало ли кто тут в округе остался у немцев, я пробирался к роще. Краем глаза отметил, что сожженные танки с моста фрицы оттащили. На той стороне реки у них было что-то вроде лагеря разбито. Горели два костра и слышались голоса. Дойдя до деревьев, нашел тут остатки палатки и трупы командиров. Все были обобраны, ни оружия, ни личных вещей не было. Блин, чего мне делать-то? Стучала в голове мысль о том, как поступали наши бойцы в таких ситуациях

там, в моем времени. Куда идти? Понимаю, что вроде на восток надо, к своим, да вот смогу ли пройти? Кругом немчура, а у меня ни оружия, ни еды, а есть хочется просто жуть как. Решил сходить к реке и посмотреть, что там делают фрицы. Больно уж грохот стоит серьезный на той стороне. Оказалось, шестеро немцев ремонтируют танки. Да-да, те самые танчики, что я лично поджигал сегодня днем! Оружия у фрицев в руках не было, пирамида с винтовками стояла чуть в стороне от работяг. Значит, это рембатовцы, их заставили чинить танки, которые не получили серьезных повреждений. Понятно. Блин, вон у них жратва стоит, в котелках прямо на земле. Бутылки какие-то, с вином, что ли? Появилась дерзкая мысль, что если переплыть речку, она узкая тут, да и захватить оружие у врага? Пирамида стоит в стороне от танков, если осторожно переплыть, то может и получится. А что потом? В плен вести их, что ли? Застрелить их прямо тут у меня наверняка не выйдет. Вдруг поблизости еще кто-то есть, а из винтовки быстро не постреляешь. Ну на фиг, пошел-ка я отсюда прочь, чего я, терминатор, что ли!

Роща кончилась как-то быстро, впереди лежало поле и... танки на нем. Костры по периметру подсвечивали такую картину. Около двадцати немецких бронированных машин стояли в готовности. Что они тут делают, на ночевку встали, что ли? Черт, одни вопросы. Хорошо было в батальоне, думать не нужно, что сказали, то и делай. Пушечное мясо, вот мы кто, от всей души хлебнул этого счастья. Обойти поле, пока ночь, вот что надо сделать, да только где гарантия, что и дальше фрицев нет... Решил чуть вернуться под деревья и там по окраине пройти. Слева под большой елью что-то белело. Подойдя ближе, разглядел убитого бойца, почему-то в одной нательной рубахе. Рядом лежала винтовка, наша «мосинка». Поднырнув под нижние лапы елки, я уселся рядом. Странно, но уже привык, что ли, позывов для рвоты не было совсем. Осмотрел труп, парень явно спрятался здесь, но умер от кровопотери. Вон у него весь живот в кровище, засохшей уже. Взял в руки винтовку и дернул затвор, пусто. Осмотр карманов, подсумков не было, тоже ничего не принес. Ладно, возьму хотя бы ствол, патроны могут найтись позже. Документов у бойца тоже не было, как и гимнастерки, где он ее обронил? Ответов нет.

Так, пробираясь в тени деревьев, я и обходил вражеский лагерь. Часовые были всего метрах в двухстах, но не замечали меня, да я и не шумел. Топал себе, пригибаясь к земле, и топал. Впереди темнела не то новая роща, не то вообще лес, там видно будет, когда дойду. Если дойду.

Заночевать я решил в лесу, что заметил ранее. Хотя ночь уже на исходе, конец июня, светает рано, но все же было еще темновато. Да уж, вот это был лес так лес, а не какая-то роща. Подлесок густой, но комаров мало, жарко, даже ночью. Зайдя поглубже, нашел местечко в овраге, там и остановился. Идти дальше и сил не было, и желания. Хрен его знает, идешь тут, идешь, а выйдешь опять на немчуру. Как уснул, даже не заметил. Очнулся от того, что кто-то вырвал у меня из рук винтовку. Тут же вскочил, но полетел обратно от удара в грудь.

– Хватит с него, Петро, не видишь, что ли, и так обосравшись сидит здесь, один и без патронов! – говоривший был в нашей военной форме, но без знаков различия и головного убора. Второй, который меня и ударил, выглядел так же. Оба небритые, грязные и злые.

– Вы чего, мужики? Я ж свой! – ляпнул я.

– Кому свой?

Я открыл рот, но не стал ничего говорить.

– Да валить его, да и баста! – вновь рыкнул тот, что был с моей винтовкой. Он даже отложил ее в сторону и достал штык-нож, блин, вот это свинокол!

– Давай по-быстрому, Петро, да пошли дальше, немцы рядом, недолго осталось топать.

– Вы к фрицам, что ли? – спросил почему-то я, хотя и так понятно, предатели.

– Почему к фрицам? – не понял говоривший.

– Не бери в голову. Идите, чего я вам сделал?

– Ты нас видел, вот и все! – беззлобно закончил разговор предатель и пошел в сторону.

Этот Петро с ножичком стоял рядом и начал наклоняться ко мне, отводя руку с тесаком в сторону, чтобы ударить меня. Эх, была не была! Хмырь уже было ударил меня, да только моя нога ему в пах прилетела все же чуть раньше. «Свинокол» из лап предателя выпал мгновенно, а тишину леса нарушил настоящий рев кабана. Я же ждать не стал и, схватив штык, со всей дури вогнал этому уроду в спину. Нож вошел в тощую спину примерно наполовину. Подхватив винтовку, я бросился бежать. Тот второй, что и говорил со мной, уже бежал к своему другу. В момент драки он успел немного отойти.

– Сука, я тебя порву сейчас! – заорал он, а я не слушал, а просто бежал. Благо уже было светлее, чем тогда, когда я только вошел в лес, а то бы запарился в деревья врезаться. Поднявшись наверх из оврага, я обернулся и, увидев в нескольких шагах преследователя, рванул прочь. Впереди стояло огромное дерево и, забежав за него, я остановился. Хрен ли тут бегать, загонит на фрицев еще! Я прижался к стволу могучего дерева, сжав винтовку в руках. У предателя в руках я видел наган, но ничего, я тоже умею стрелять, если надо, могу и прикладом пальнуть. На близком расстоянии вполне себе хорошая пуля. Даже на снаряд больше похожа. Слышу, как трещат ветки слева, и, приготовившись, подняв винтовку в руках, просто горю от нетерпения. Секунда, вторая, кажется, у меня даже сердце бьется с перебоями. Наконец, враг появляется там, где я его и жду, и я вылетаю. Тот успел выстрелить, правда, я так и не понял куда, ибо револьвер был направлен вниз. А вот мой «выстрел» прикладом влетел куда надо. Удар по ребрам затыльником «мосинки», это жесть. Кажется, я даже услышал, как треснули ребра у предателя. Тот, складываясь пополам, отлетел на пару шагов назад, выронив оружие. Быстро подняв наган, заглянул в барабан. Почти полный, это хорошо. Взведя курок, я просто выстрелил с двух шагов врагу в голову и... промахнулся. Уж больно тот крутился на земле.

– Твари, фриц не добил, так свои горазды. Суки конченные, вот вы кто! – я выплюнул слова, глядя на урода, что хотел меня убить.

– Не стреляй, парень, бери что хочешь, только не убивай! – скулил предатель.

– Чтобы ты и дальше убивал таких бойцов, как я? Нет уж гад, сдохни! – тот весь сжался, а я вновь выстрелил. На этот раз попал, может, потому что стрелял в грудь, а не в башку. Неважно, предатель дернулся несколько раз и кончился.

Пошумел я прилично, хорошо еще, что лес тут был действительно лесом, это не вчерашняя роща возле реки, просматриваемая вдоль и поперек. Быстро осмотрев карманы и сидор предателя, я побежал обратно к его другу, которому я ножик в спину засунул. Осмотр его тела также принес мне некоторые трофеи. Дальше я направился в глубь леса, уходя от возможной погони. Пробежать удалось немного, вряд ли хотя бы на километр. Тупо устал, да и сил больше не было, еще и ел последний раз нормально больше суток назад. В очередной раз запнувшись о какую-то корягу, просто упал, уже не сумев поймать равновесие. Минут десять просто лежал, успокаивая дыхание. Сколько всего произошло за последние сутки. Всего за сутки!!! Для человека из двадцать первого века это слишком много. Эмоциональный взрыв в голове не возникал только по причине того, что я все-таки немного был готов к такому. Откуда? Ну, было многое в прошлой жизни, друг Горацио. С кем я сейчас говорю? Да, дожил, блин!

Первым делом, как пришел в себя, решил скорее поесть. Обирая трупы предателей, видел в сидорах железные банки, наверняка консервы. Так и оказалось. Две банки тушняка, какая-то каша с мясом, гречневая вроде, аж три банки и банка сгущенки. Не густо, но и не пусто. Фляга с водой и ее соратница с водкой были приятным сюрпризом. Не то чтобы хотелось нажраться, но когда тяпнул колпачок беленькой, предварительно сожрав полбанки тушенки, в душе наконец-то потеплело. Когда успокоился желудок, пришла пора осмотреться. Черт, откуда столько синяков? Руки, ноги, да все тело было синим. Болело всё. Вытащив из сидоров все, я расстелил пустые мешки на земле и стал аккуратно раскладывать трофеи. Первым делом отметил патроны к нагану, немного, двадцать четыре штуки россыпью. Дальше шли шесть полных обойм к винтовке Мосина. Две гранаты, наши Ф-1. Нехило предатели прибрахлились.

Сколько человек они так обнесли, а может, еще и убили. Суки, одним словом. Из еды больше ничего не было, ни тебе хлеба, ни сала. Ладно, ем я немного, мне и этого хватит на пару дней, если не жрать в три горла.

Насыщение и порядок в трофеях привели к тому, что захотелось спать. Наученный горьким опытом прошлого пробуждения, стал искать место. В той жизни, в детстве, мне удавались хорошие шалаши на деревьях, а почему бы и сейчас такой не замутить. Выбрал большую березу, с густой, очень ветвистой кроной и, обхватив ствол с помощью ремня, начал влезать. Вещи, что висели за спиной, тянули вниз, особенно «мосинка», но я упорно лез наверх. Оказавшись на высоте шести-семи метров, обалдел. Внизу вообще ничего не видно, слишком уж густая крона и подлесок. Развесил на сучьях вещи и, достав штык-нож, принялся осторожно резать толстые длинные ветви, но только так, чтобы не нарушать общую маскировку. Как делать гнездо знаете? Да элементарно! Заплетаешь ветви между сучками, главное, чтобы эти самые ветви были длинными, тогда будут держать. Вставляя ветви одну за другой, я плел и плел свою паутину. Через часа полтора гнездо было готово. Я с удовольствием оглядел свое изобретение, на самом деле вовсе и не мое, и слез вниз. Все получилось, как и хотел. Вряд ли кто-то, идя по лесу, тем более во время войны, будет смотреть так высоко. Да если и посмотрят, гнездо все с листьями, да и вокруг густая крона, надо еще умудриться заметить его. С одобрением кивнув самому себе, полез было назад, но почувствовал позывы сходить до ветра. С собой вниз я брал только наган, поэтому, не раздумывая дольше, пошел искать место, главное, чтобы в стороне от гнезда. Найдя таковое, обрадовался, в лесу бежал небольшой ручеек, вот в него и сходил, а заодно и сполоснулся, уйдя чуть выше по течению. Когда холодная вода смывала с меня грязь, я аж закатил глаза. Так бы и рухнул прямо в ручей, но он очень илистый, не хотелось поднимать муть со дна. Стоя по щиколотку в освежающей холодной воде, я растирал тело нательной рубашкой, которую использовал вместо мочалки. Мыла бы кусок, да где его взять-то теперь, надеюсь, в будущем найду. Завершив туалетные дела, быстро вернулся назад к дереву с гнездом. Осмотрев подходы и не заметив ничего подозрительного, не хватало еще следы оставить, я вскарабкался наверх. Отстегнув ремень от винтовки, я перекинул его вокруг толстого, с мою ляжку, сучка и привязал к своему ремню. Теперь, даже если и рухнет гнездо, а это вряд ли, я все равно не упаду вниз. Наган был в кармане, вещи висели надежно, не упадут, теперь можно и поспать. Только смежил веки, как тут же провалился в глубокий сон. Видимо, организм был почти на пределе.

Проснулся в этот раз лишь от того, что сильно хотелось в туалет. Открыв глаза, обалдел. Все еще ночь? Блин, а я вроде выспался, да и тело отдохнуло наконец. Затем я окончательно проснулся, поняв, что в лесу уж как-то очень темно. Я же залезал сюда почти на рассвете, а тут темень... Вот же блин, я ведь продрых сутки, наверняка сутки. Слезать не хотелось категорически, было тупо лень. В туалет я хотел по-маленькому, поэтому справил нужду прямо с дерева, лишь встав так, чтобы не попало в гнездо. Закончив, перекусил. Полбанки гречневой каши с мясом упали в желудок категорически вовремя, было совершенно наплевать, что холодная, главное, сытно. Вновь выпив колпачок водки, я вытянул ноги, насколько мог, разминаясь. Нет, хорошее я гнездо устроил, почти во весь рост помещаюсь, это если боком лечь. Так я как бы оборачивался вокруг ствола дерева и места мне хватало. Идти куда-то в ночь не хотелось, да и не знал я, куда идти. Решил дожидаться рассвета, а там сориентируюсь по солнышку и пойду.

Рассвет забрезжил часа через три, это я по ощущениям решил. Солнце в лесу особо не видать, тем более рано утром, оно еще слишком низко. Собрал потихоньку манатки и начал спускаться. Лес был полон звуков, но это обычные для леса звуки. Птички поют, листва шумит, старые деревья потрескивают, красота! Идти сегодня по лесу было не в пример легче, чем вчера. Я сейчас все-таки сыт, да и отдохнул отлично. Солнце пока только угадывалось среди деревьев, но этого хватало, чтобы определять направление движения. Бродил больше суток,

два раза ложился отдохнуть, так, на пару часиков, основную усталость скинуть. Устал, как собака, но все же на второй день увидел просвет в деревьях.

Из леса я вышел как-то внезапно. Вроде густо было, а тут раз – и стою и смотрю на заливные луга, что тянутся, казалось, до горизонта. Слева, под горой, деревенька. Небольшая, дворов на двадцать, но скотины в ней хватало. Это, кстати, было странно, неужели немцы прошляпили такую богатую деревню? Мимо деревенских домиков пастух вел стадо на выпас. Слышно даже отсюда, как кнут щелкает, подгоняя буренок и не давая им разбредаться.

Минут пятнадцать просто наблюдал, но не обнаружил ничего подозрительного. Вообще, конечно, не хотелось бы выходить к людям. Это ж западные области, хоть и Белоруссия, а не Львовская область Украины, но как-то боязно. Решил подойти поближе, чтобы суметь разглядеть что-нибудь опасное для себя. Наблюдал аж... нескольких минут, вполне хватило. Просто увидев, как в деревне началось шевеление, я пошел прямо к ней. Дело было в том, что я увидел солдат. Немного, человек восемь, но это были явно бойцы Красной Армии. Уж очень корректно они себя вели. Издали не разберешь толком, но раз не шатаются по домам, а чинно сидят на улице, то, скорее всего, наши советские бойцы.

Меня окликнули сразу, как только появился в поле зрения. Рядом с сидящими на траве бойцами был какой-то командир.

– Эй, боец, подойди! – Призыв мне не очень понравился, но что поделать, когда ты простой красноармеец, а зовет вроде как командир.

– Красноармеец Морозов, сто третий стрелковый полк, восемьдесят пятая стрелковая...

– Документы есть? – оборвал меня командир.

– Да, конечно, – я расстегнул карман гимнастерки и вытащил документы.

– Молодец, что сохранил. Я лейтенант Борисов, собираю бойцов, вышедших из окружения. Остаешься с нами.

– Ясно, только я не был в окружении. Мой батальон разбили возле моста, который мы обороняли, я вроде как один остался. Немцы прошли мимо нас и направились дальше. Я очнулся в ячейке, никого живых нет, вот и пошел на восток.

– Вообще-то, мы сейчас все в окружении. Немец далеко прорвался. Молодец, что сохранил оружие и документы. Больше никого не видел в этом районе?

– Здесь только вас и встретил. Чуть дальше, извините, я не знаю, сколько я протопал по лесу, нарвался на двух бойцов, в нашей форме были. Они отобрали у меня винтовку и хотели зарезать, говорили, что идут к немцам.

– Как же ты смог уйти от них? – удивился лейтенант. – Это же предатели были! Попадают у нас такие гады, видел уже.

– Так я и не уходил, – пожал я плечами. – Убил я их, товарищ лейтенант.

– Вот так просто, без суда? – еще больше охренел от таких заявлений лейтеха.

– Именно. Какой тут суд нужен? Мне штык в печень пихают, а я что, как баран должен лежать и ждать?

– Ладно-ладно, верю...

– Да хоть верьте, хоть нет, а так и было, – ляпнул я.

– Следи за субординацией, боец! – одернул меня командир. – Все сейчас на взводе, не ты один. Присоединяйся к бойцам, скоро выдвигаемся.

– Если не секрет, куда? – поинтересовался я без особой надежды на ответ.

– Идем на восток, на соединение с частями нашей армии.

– Ясно, – козырнул я и пошел к бойцам. Представившись, был удивлен, что некоторые даже руки не подавали. Ну и ладно, цацы какие, я тоже буду сам по себе.

На привале пробыли еще час. Оказалось, лейтенант выкупал у деревенских жителей продовольствие, под расписку. Получили немного хлеба, именно его и ждали, пока испекут, пару небольших мешочков с какой-то крупой. Воды, жаль, набрали только во фляги, емкости

побольше не было. На выходе из деревни задрали головы кверху, в небе был бой, летали сразу восемь самолетов. Когда разглядел, понял, нашим амба, всего трое советских летчиков против пяти «мессершмиттов», печально. Бой длился минуты три, затем ушел в сторону, ну и мы пошли дальше. Топая через поле, командир даже не задумывался о маскировке и шел напрямик, боялся, что немцы появятся. Рядом дорога проходила, странно, что по ней никто пока не ездил. Так потихоньку мы добрались до леса, здесь лейтеха опять удивил.

– Идем по окраине, к дороге! – Я аж сглотнул.

– Товарищ командир, разрешите обратиться? – высунул свой язык я.

– Обращайтесь, боец.

– Может, лесом пойти, на дороге высока вероятность обнаружения противником...

– Ты что, трус? Ты должен бить врага, а не прятаться от него по лесам!

– Товарищ лейтенант, сколько вы набьете врага, если на нас выйдет хотя бы взвод фрицев? – я остановился, пошло оно все, не пойду я с этими смертничками.

– Ты как разговариваешь с командиром, да я тебя под...

– Да успокойся ты, лейтенант, – вдруг подал голос один из бойцов, кстати, этот мне руку подавал, Семеном его вроде зовут, – парень дело говорит. – Боец был внушительного роста, рядом с ним терялись практически все, не то что маленький лейтенантик.

– Это что, бунт? – разъярился командир, но было видно, что он нас боится.

– Да какой к хренам бунт, командир, ты о чем? Ты немца-то хоть видел, или только из училища?

– Я, я... – начал заикаться лейтеха, всё, не авторитет он, – я сюда на поезде ехал, его разбомбили вчера, искал хоть кого-нибудь, вот вас и нашел!

– Да ты чего оправдываешься? Нашел и нашел. Не наше дело это. Какой толк будет просто сдохнуть на дороге? Пойдем через лес, может, еще кого из наших бойцов найдем, глядишь к своим выйдем в нормальном составе.

– Хорошо, – вдруг окончательно скис лейтеха, – идем через лес.

– Да не кисни ты, лейтенант, мы ведь дело говорим. Я еще в Финской участвовал, опыт какой-никакой имею. Андрюха вон тоже наверняка служил, да и в бою уже побывал. Плохого мы не посоветуем.

– Ладно, бойцы, идем! – заметив, что у лейтехи пустая кобура, я обратился к нему вновь:

– Товарищ командир, вот, держите! – Я вытянул из кармана наган и протянул его лейтенанту. Тот сначала не понял, что я делаю, и тупо смотрел на меня и на револьвер.

– Это чего?

– Берите, говорю. У этих предателей в лесу забрал, вам нужнее, а то вам и стрелять-то не из чего. Эти гады наверняка кого-то из командиров убили, даже планшетка у одного была, правда, почти пустая.

Лейтеха сразу преобразился. Повертев револьвер в руках и проверив патроны, сунул его в кобуру и сказал:

– Спасибо, товарищ Морозов. Я ведь свой где-то потерял, влетит теперь. – Всё, вот теперь лейтеха наш, с потрохами.

– Забудьте. Мало ли кто и что сейчас теряет. Может, мы завтра танк найдем, что уж тут о пистолете думать! – завершил разговор Семен.

Так и пошли. Мы с Семеном впереди, лейтенант попросил. Именно попросил, а не приказал. Пробираться было нелегко, бурелом здесь был хороший. Пару раз запнувшись о корни деревьев, я пошел рядом с Семеном, а не за ним. В полдень остановились, найдя хорошее место возле лесного ручья. Вода в нем была уж больно чистая, не та коричневая муть, в которой я мылся до выхода к деревне. Эту, блин, даже пить стали все, нахваливая. Разведя костер, бойцы вымылись в ручье и повесили котелки для того, чтобы сварить кашу. Я не стал жмотничать и достал свои запасы.

– О, вот это дело, Мороз! – Ну вот и «погремуха» прилетела. Почему-то я не удивлен.

– Откуда это у тебя, боец? – спросил и лейтенант.

– Ну, так у предателей вещи были, не только наган, была и еда.

– А что еще было?

– Вот это, – с этими словами я вынул красноармейские книжки, их было восемнадцать.

– Откуда они у этих предателей появились? – ну точно молодой и неопытный нам командир достался.

– Командир, ты чего? – уставился на него Семен. – Обокрали наших бойцов, к хозяевам шли, надо же было им как-то выслужиться.

– А ты что же, мародерил, Морозов? – лейтенант опять «включил» уставника.

– Ни в коем случае, товарищ лейтенант. Это трофеи, разницу понимаете? – Черт, да что они все здесь на мародерстве помешаны? Точнее на пресечении этого действия.

– Хорошо, я понял, – кивнул командир. Блин, сколько ему хоть лет-то? Выглядит лет на семнадцать. Маленький, шупленький, даже обижать жалко.

Отдыхали мы около трех часов, именно столько отвел на отдых лейтенант. За это время успели и поесть, и помыться, аж жить захотелось. Все это время слышали шум моторов, самолеты противника пролетали где-то неподалеку, но не над нами. Чего им над лесом-то летать? Это позже, когда партизаны начнут действовать, а фрицы их повсюду искать, вот тогда да, будут шерстить кругом. Перед выходом я вычистил винтовку, осмотрев ее. Не понравилась трещина на цевье, вроде маленькая, да хрен его знает, как себя дальше покажет. Может, цевье треснет по всей длине от первого выстрела. И не попробуешь, во вражеском тылу лучше не шуметь, а мы именно в тылу врага, хоть и на своей, казалось бы, территории. Кстати, вот еще одна печалька. Сколько тут уже нахожусь, я имею в виду именно фронт, все никак не могу сориентироваться на местности. То ли в Белоруссии мы, то ли уже утопали в РСФСР. Последнее, конечно, вряд ли, далековато, но постоянно ловлю себя на мысли, что не понимаю, где мы.

Лейтеха, идя по лесу, как-то вообще скис. Семен пытался его подбодрить, но выходило, прямо скажем, фигово. Оно и понятно, он, наверное, представлял, как, выйдя из училища, попадет на фронт, будет командовать ротой или хотя бы взводом, героически защищать Родину, а вышло как? Идет с горсткой не то окруженцев, не то отступающих бойцов, которые к тому же его ни во что не ставят. Вот и топает, повесив голову.

На поле вышли как-то внезапно. Я уже привыкать стал, идешь вроде, идешь, чащобы такие местами, что хрен пролезешь, а потом вдруг раз и... поле. Либо болота, к счастью, сейчас в основном пересохшие. Поле на этот раз такое огромное, что конца не видно, и все в золотистой пшенице. Эх, жаль хлебушек-то, весь пропадет.

– Стой, бойцы, надо подумать, куда идти, – остановил нас командир, – карты-то нет, к дорогам, сами говорите, нельзя выходить.

– Именно так, товарищ лейтенант. Мы ведь почти ротой выходили из окружения, когда дорогу пересекали, нас и накрыли, – рассказал часть своей истории Семен.

– Что, просто переходили дорогу? Что же тут сложного-то? – лейтенант удивился так, что у него вид стал еще смешнее.

– А вы перейдите, товарищ лейтенант, а мы посмотрим, – усмехнулся Семен, все остальные горько усмехнулись.

– Давайте тогда прямо по полю пойдем, там нас точно никто не заметит, – ехидно усмехнулся командир, типа пошутить решил.

– Вдоль леса пойдем, вон там, – я указал рукой вправо, – лес загибается на восток, там и попробуем поле проскочить.

Так и пошли. На самом деле, другого выбора-то и нет. Самолеты летают, вдруг какой-нибудь немецкий ас углядит нас в поле, хрен он мимо пролетит, обязательно пройдет пулеметами, а то и пушками, бомбы на нашу маленькую компанию тратить будут вряд ли.

Вдоль поля мы шли недолго, уже через пару километров путь нам преградила река. Небольшая, наподобие той, мост через которую мы охраняли совсем недавно. Отрядив бойца на поиск брода, командир скомандовал привал. Никто особо не устал, так что разлеживаться не стали. Боец, которому выпало немного поплавать, справился быстро. Дело в том, что вышли мы вблизи проселочной дороги, а она вела именно к броду. Боец вплавь преодолел короткое расстояние и убедился в этом. Когда весь наш отряд переправился на ту сторону реки, нас окликнули:

– Кто такие? – из ближайших кустов на нас смотрели шесть винтовок и один ДП. Стало быть, наши. Похоже, дошли.

– Командир группы окруженцев, лейтенант Борисов, вывожу бойцов на соединение с частями Красной Армии, – откликнулся наш лейтеха. Он бы еще партбилетом помахал.

– Можете подойти, товарищ лейтенант, а бойцы пусть подождут!

Лейтеха направился к говорившему, тот, кстати, вышел из кустов, это был высокого роста красноармеец. Может, и в звании, но гимнастерка была солдатская. Нам было видно, что командир предъявил документы, а также не забыл попросить таковые у проверяющего. Спустя еще минуту лейтеха махнул нам рукой, показывая, что можно подойти. Так мы оказались в одном из разгромленных полков семнадцатой дивизии.

Проверка у особистов полка не заняла много времени. Может, это именно мне повезло, я при документах и в форме был, а это ценилось. Пока сидели в особом отделе, всяких людей повидал. Некоторые прямоком в лагерь отправились, а может, вообще к стенке, кто их знает. Привязались было, каким образом я оказался так далеко от того места, где воевал, от того моста то есть. Оказалось, я по лесам в одиночку прошел километров под пятьдесят на восток. Немало. Один лейтенант упрекнул сначала, что, дескать, бежал я без оглядки, но позже остыл. Интересовались предателями, Борисов доложил о моем «самоуправстве», но особисты только поинтересовались, обмолвившись, что туда им и дорога. Я немного трусил, вдруг привяжутся, веда я и правда убил граждан Советского Союза. А вдруг я все наврал, может, это я бежал с поля боя, а они меня останавливали. Но, как и говорю, все обошлось. Ведь вполне могло быть, что никаких предателей и вовсе не было. А раз нет тела, их же не видел никто, значит, и дела нет. А за красноармейские книжки похвалили, дескать, родные паек будут получать, потому как бойцы будут считаться погибшими, а не пропавшими без вести.

Освободив после проверки, нам приказали привести себя в порядок, пришлось топать к пруду, что был в конце деревни, которую и занимал этот полк, и стираться. Определили меня во взвод стрелков, представили командиру. Им оказался именно Борисов, с которым мы сюда и пришли. Удивился сначала, но бойцы, а были это все те же бойцы, с кем я и вышел сюда, объяснили, что Борисова причислили к одной из рот полка, оставив нас в том же составе. Было нас десять человек, затем добавили еще пятерых из новобранцев. Сюда, как оказалось, собирали всех новобранцев, что были мобилизованы, но не успели вовремя прибыть в свои части. Оружие было в этот раз, получили все. Борисов, зараза, когда ему ТТ выдали, он взял и сдал наган, как нештатный. Лучше бы мне вернул, но не положено. В первые сутки нас не трогали совсем, но на вторую ночь направили в караул. Заняли позиции, это, конечно, громко сказано, просто сидели в кустах у реки и наблюдали за подступами. Командование ждало наступления немцев именно на нашем участке, брод здесь был уж больно удобный, танки, машины, пройдет любая техника. Вот и сидели. На мой вопрос командиру о минировании брода и подступов, тот завис.

– А зачем?

– Товарищ лейтенант, но ведь наш заслон все равно сшибут, так чтобы затруднить врагу переправу, необходимо заминировать местность возле брода.

– Я доложу, а там уж пусть командование решает, нужно или нет.

Надо ли говорить, что на предложение нашего лейтенанта в полку покрутили у виска.

– Ты что, лейтенант, собрался драпать? Нам доверено охранять переправу от врага, вот и охраняй!

Это мне лейтеха и рассказал, а еще добавил, что хрен он еще пойдет с какой-нибудь идеей к начальству. Вот так и убивали инициативу в войсках. Сто раз подумаешь, стоит ли вообще что-то озвучивать. А ведь эти грозные командиры, что обвиняют нас в трусости, первые побегут, как пить дать. Да было бы у нас нормальное снаряжение, взрывчатка, детонаторы, хрен бы я вообще стал кому-то и чего-то доказывать, сейчас бы сам заминировал брод, да и баста.

Немцы появились на третьей сутки. Это был передовой дозор, по которому открыли огонь бойцы охранения. Вот гадство, наши даже не смогли трех мотоциклистов завалить, удрали те, теперь вот сидим и ждем, когда нам поплохее. Я-то уже бывал в подобной ситуации. Приведены в готовность все войска, что были сосредоточены возле переправы. А я вот сижу и думаю, а на фига? На фига немцам в лоб лезть? Они, как я думаю, просто обойдут нас, переправившись в другом месте, а затем пригонят сюда танки, только уже с нашего берега, да и раскатают нас как тесто. Просто в будущем часто об этом читал.

Не знаю, как бы получилось на самом деле, снялись мы раньше, я же говорил, что командиры побегут. После того, как немцы узнали о нашем присутствии тут, на нас посыпались бомбы. От деревни, в которой была расквартирована часть дивизии, остались одни головешки. Командиры тут же издали приказ отступить на пять километров восточнее, оставив возле брода заслон. Мне в этот раз повезло, оставили не нашу роту. Что может сделать пехотная рота, даже без минометов, не говорю об орудиях, я не знаю. Да и рота, шестьдесят стрелков при трех пулеметах, так себе сила. Минут на десять боя, может, и хватит, вряд ли дольше. Все понимаю, если вспоминать историю, то так и надо. Такие вот заслоны и дали возможность разбить немцев под Москвой. Ведь как ни крути, но время враги теряют.

Отступили мы, по моим меркам, гораздо дальше, километров на десять точно. Встали настолько хреново, что это отметил даже наш лейтенант Борисов.

– Что же это получается, – бубнил он, – вы мне запрещали передвигаться в чистом поле, а командиры полка и дивизии, наоборот, приказывают окапываться тут, так кто из нас умнее?

– Умнее командира только старший командир, – просто отметил Семен, – хрен бы с ними, только жаль, оставшись в живых в бою, тупо погибнуть в чистом поле чуть позже.

– Что я могу? – растерянно заметил Борисов.

– Да не о вас речь, товарищ лейтенант. Давайте рыть окопы.

Так даже этого нам сделать не дали. Прилетел один из «петухов», ну а как их еще называть, коли они все как петухи расфуфыренные, и приказал копать знакомые мне ячейки. Да что же мне так на командиров-то не везет? Даже обидно. Ну, казалось бы, какая вот именно этому дурачку разница, в окопе мы воюем или в ячейке, так нет же, гнет свое. Все равно нам в этих ячейках сидеть час от силы, чего запрещать-то?

К вечеру, в районе шести часов, немцы вновь попытались устроить нам Верден. Бомбили густо, народу побило... Мы, воспользовавшись утренней неразберихой, выкопали ячейки возле оврага. Так вот по нему во время бомбежки и отошли в сторону. Почти не зацепило никого, двух бойцов чуть пометило осколками и на этом всё. А вот в других взводах были потери. Даже не так, ПОТЕРИ! Кругом лежали убитые и раненые. Черт возьми, ведь добрая половина убитых целиком на совести нерадивых командиров. Эти ухари еще и затеяли похороны, понимаю, что надо, но... Когда на нас выперлись танки, даже вздохнули свободнее, сегодня все и закончится.

Надо отдать должное, дрались люди жестоко и держались стойко. Выдержали три атаки танками, хоть их и было-то всего десяток, прежде чем немцы успокоились на ночь. А пехтура у немчуры, как в кино, ведь и, правда, идут пешком, иногда вовсе не пригибаясь. Заняв оборону в километре от нас, немецкая часть прекратила обстрел. Что будет утром, не хотелось думать. Но командиры, наконец, поняли, что такое война. В двенадцать часов ночи нас под-

няли и погнали на врага в атаку. Было ли это бессмысленно? Я так не думаю. Хоть и получил пулевое ранение в руку, вскользь зацепило, да еще и ножевое в районе груди, я был доволен. Мы захватили позиции немцев, что стояли против нас на этом участке. Танки достались нам целыми, среди наших бойцов командир полка отыскал бывших танкистов и парни получили технику. Хоть и вражескую, но все же это были танки. У пленных узнали, что подкрепление этой части должно подойти к обеду, поэтому, несмотря на усталость бойцов, нас подняли и вновь приказали отступить. Отступать после хоть и маленькой, но победы, было приятнее, хоть и звучит это странно. Все бойцы вспоминали бой, делились впечатлениями. Глаза горят у бойцов, когда они побеждают. Мне было хреново, я еле шел, устав просто смертельно. Рука болела, но санинструктор, осматривая рану, только смеялся. А уж рассечение на груди и вовсе оставил бы без осмотра, если бы я сам не попросил хотя бы промыть. Правда, этот хмырь старый, ну да, мужику лет пятьдесят, сразу заявил, что ему нечем раны обрабатывать. Достал свою флягу со шнапсом, так тот еще и свистнуть ее у меня попытался.

Сегодня мы двигались дальше, чем накануне. В ротах оставалось по десять-пятнадцать бойцов, командиров тоже поубавилось. Погиб командир дивизии и его штаб, да-да, именно целиком. Штаб дивизии располагался рядом с нашими позициями, уж не знаю, кто его тут поставил. При обстреле артиллерией прямое попадание в их блиндаж. Да и какой там блиндаж, в один накат, так, земляночка несерьезная. Командовал сейчас майор Иванченко, командир полка. Весь день мы топали, подыскивая место для ночевки, это так командиры сказали. Устроившись, встали и сразу принялись вновь менять ландшафт. Лопаткой, конечно. Немцы снова нагнали нас к вечеру и обработали орудиями и минометами. Нашего командира убило пару часов назад, при обходе позиций. Немцы все время ведут беспокоящий огонь, даже в темноте. Подвешивают свои «люстры» и долбят. Парни все уже смирились, бояться перестал даже я, хоть и не привык еще к мысли, что придется умереть. Откуда такие мрачные мысли? А вы бы через бруствер посмотрели, думаю, по-другому бы говорили. Это ни разу не кино, где сидишь, смотришь и подсказываешь главным героям, что делать надо. Вот они, герои, сидят в ячейках, друг друга не видя. Интересно, а из нас вообще кто-нибудь доживет до победы? В роте убыль процентов шестьдесят, так это за два дня, как дальше-то воевать?

Ночью, около двух часов, уже начала появляться полоска света на горизонте, позиции обходили посыльные и предупреждали об атаке. О нашей атаке. Как, чем и зачем? Никто не понимал, но все соглашались, что это необходимо. Правда, чуть позже появившийся старлей, назначенный командиром нашей роты, пояснил:

– Была разведка, немцев там мало, максимум две неполные роты, даже батальона нет.

– А танки? – спросил кто-то.

– А что вам танки? Броском вперед, и ничего их железяки сделать не успеют! – оптимизм сержанта заражал людей. Наши танки, которые мы вчера отжали у фрицев, встали без горючки. На них надежды нет, все опять самим делать. Многие кивали речи сержанта и начинали готовиться к броску. Так же поступил и я. Проверил уже в который раз винтовку, кстати, трещина не расплзлась дальше, перемотал портянки и переложил в карманы гранаты. У меня их две было; чтоб по сумке не катались при беге, положил по одной в каждый карман галифе.

Никакой тебе артподготовки, откуда пушки-то взять, никакого шума вообще, кроме брякающего железа, что несли на себе бойцы. Мы спокойно шли к позициям врага. Гитлеровцы заметили нас очень поздно. Оказалось, у нас вовсе не так плохо с подготовкой. Те же разведчики, что и ходили к немцам, по сигналу командиров нейтрализовали часовых в траншее фрицев. Когда мы подходили, то нам уже были подготовлены проходы в колючке и разведчики подгоняли бойцов.

– Давай, братцы, быстрее, быстрее! Фрицы спят еще, вломим им сейчас, потом и сами отдохнем. – Молодцы, хлопчики, уважаю.

И ведь вломили! Мне кажется, что наши бойцы были настолько уставшими и злыми, что пошли бы и без оружия. К счастью, это не требовалось. Когда загрохотали выстрелы, мы были уже рядом и смогли сразу захватить инициативу. Отбивались фашисты умело, но трусов хватало и у них. Думаю, если бы встали стеной, было бы нам печально.

Вокруг свистели пули, даже и не поймешь, чьи именно. Прыгнул в траншею. За мной следом Семен и лейтенант Борисов. Так и держится с нами, даже не зацепили еще. Его командиром взвода назначили, а опыта у него ну вообще никакого. Семен его спрашивал тут, чего он все с нами трется, а тот ответил, нисколько не стесняясь, что мы удачливые. Ржали потом долго. Вот так везунчики, каждый уже по пуле отхватил, благо что ранения легкие. Гнать прочь мы его не стали, нормальный он все же парень, пусть с нами ползает, хоть толк будет. У лейтехи в руках ППД, мы с Семеном с винтовками. О, первый раз фрица вижу так близко. Из блиндажа на Сему вылетел какой-то оголтелый фашист и пытался его сожрать. Ну, а как еще это описать, когда он его обхватил и сжал в объятиях, одновременно пытаясь укусить? Ракурс был удобный, поэтому я вскинул винтовку и через секунду раздался сочный «бамс». Голова у фрица словно чугунок, звон, кажется, стоял на всю округу. Фашист обмяк, а у меня наконец «померла» винтовка. От этого удара все же лопнул приклад, и трещина прошла через все ложе. Патроны вытаскивать некогда было, да и хватало их пока, просто бросил свое «весло» и стал озираться.

– Держи! – Семен протянул мне немецкий пистолет-пулемет, товарищ сейчас приходил в себя после попытки удушения, все же фриц здоровый попался.

– Спасибо, – кивнул я, вынимая магазин и проверяя патроны. Я уже видел такой МП, даже осматривал, так что был в курсе, как им пользоваться. А сейчас еще и закрепил практически. Найдя фашиста, с которого Семен снял оружие, забрал запасные магазины и патроны из ранца. Негусто вышло, надо еще поискать.

– В сторону! – заорал я, вскидывая автомат и сразу давая очередь. Вдоль траншеи к нам бежали два фрица, вот их и срезал. Только с непривычки выпустил почти весь магазин.

– О, блин! – выдохнули оба моих, можно уже сказать, друга.

– Хорошая штука! – потряс я автоматом. – патронов еще надо найти, – бросил я и, пройдя несколько шагов по траншее, наклонился над фрицем, возле которого лежал еще один МП. В этот раз я даже закрепил подсумки с магазинами у себя на ремне. Не очень удобно, если честно, но сойдет. Осмотревшись, поймал взгляд Семена.

– Давай-давай, мы прикроем! – бросил тот, а я в ответ полез в ранец фашиста. Нашел там еще патроны, россыпью, прилично так, да что-то из еды. Ждать, когда сердобольные командиры решат покормить своих бойцов, как-то не хотелось.

– Куда дальше? – спросил я, вновь зарядив автомат.

– Наши траншеи чистят, пойдем к ним, – предложил лейтеха.

Впереди, за поворотом траншеи оказался блиндаж. Вход прикрывала настоящая дверь, сколоченная из толстых сучьев. Открывать ее как-то совсем не хотелось.

– Андрюха, у тебя гранаты есть? – спросил тихо Семен.

– Ага, – кивнул я, доставая «феньку».

Семен встал так, чтобы по нему не попали из блиндажа, если начнут стрелять, и попробовал открыть дверь. Очередь прозвучала мгновенно. Как в нас не попало, я так и не понял. Дело в том, что стреляли из чего-то мощного. Дверь была реально толстая, но пули пролетали и сквозь нее.

– Твою мать! – Семен, чтобы в него не попали, буквально вжался в стенку окопа.

– Ахтунг, гранаттен! – заорал я, когда очередь смолкла. Не-а, не повелись фрицы. Из блиндажа никто не выскочил. Я махнул рукой Семену, показывая, что нужно вылезти из траншеи и лечь на крышу блиндажа. Тот все понял правильно. Только вылезал долго, глубина окопа

была приличная. Оказавшись сверху на «блине», Семен попробовал дотянуться до двери. Черт, опять не везет, не достает он. Как быть-то?

– Андрюх, может, так кинуть, вдруг дверь не выдержит? – шепнул мне лейтенант. Смешно было слушать этот шепот, потому как вокруг пальба идет, что хоть ори.

– Давай так, я первую кину, если дверь откроется или улетит, ты вторую следом. – Я протянул ему вторую «феньку», больше у меня не было, остались только немецкие. Махнув Семену, чтобы вжался в землю, точнее в крышу блиндажа, я швырнул гранату. Взрыв бухнул негромко, в общей какофонии боя почти незаметно. Дверь не открылась и не слетела, но Семен, воспользовавшись тем, что из блиндажа не стреляли, свесившись по пояс, винтовочным стволом подцепил дверь сверху. Хорошо, что там не было запора с обратной стороны. Дверь начала открываться, изнутри тут же начали стрелять, а лейтеха швырнул гранату. Семену повезло, не зацепило, а вот тому, кто был внутри... Стрельба заткнулась мгновенно. Но Семен взял и еще раз приоткрыл дверь. Ничего. Вообще. Я первым встал и, взяв на изготовку автомат, направился к блиндажу. Возле двери меня окликнул лейтенант:

– Может, еще одну?

– Да времени уже нет, как бы фрицы на помощь не прибежали, вряд ли здесь рядовые сидели! – ответил я. Взявшись за ручку, блин, во фрицы педанты какие, даже ручку хорошую к двери прибили, я потянул дверь на себя. Суки, наверное, где-нибудь с хорошего дома сняли, а сюда присобачили. Открывая, я ушел в сторону, насколько это было возможно, конечно, но изнутри больше не стреляли. Внутри было темно, а фонаря ни у кого из нас не было, входить было как-то стрёмно. Но и стоять больше было нельзя. Что-то стрельба к нам смещается, наверное, фрицы опомнились и начали давать отпор. Задумавшись буквально на секунду, я дал длинную очередь из автомата веером. Ответа не последовало.

Все же первым внутрь шагнул я, хоть Семен и предложил свои «услуги». Сразу уходя в сторону, да еще и кувырком, я напоролся на... стену. Блин, чего-то я переборщил, думал, здесь побольше места. Поводив стволом из стороны в сторону, начал, наконец, приглядываться. Ситуация наибредовейшая. Меня могли убить раз десять, если не больше, но об этом как-то не думалось. Фриц был один. Он лежал возле пулемета, ага, стреляли сквозь дверь именно из МГ. К нашему общему обалдению, фриц еще и живой был. Семен, когда услышал мой голос, мгновенно оказался внутри. Проморгавшись, отшвырнул пулемет в сторону ногой и наклонился над фрицем.

– Осторожно, руки! – заорал я, но фриц, сука, уже поднял пистолет, уперев его в живот Семену. Выстрелил я мгновенно, наверное, только мое удачное попадание врагу прямо в голову, не позволило тому выстрелить, а может, у того уже и сил-то не было. Фашист обмяк, а Семен еще несколько секунд не мог понять, что произошло. Пули из моего автомата пролетели буквально у него перед носом, а кровь и мозги фашиста забрызгали все лицо.

– Вот гад! – только и смог произнести Семен, прежде чем очухался. А потом еще добавил: – Бляха, я, кажется, обделался. Первый раз так близко пулю видел...

Фриц оказался целым майором вермахта. Точнее, уже не целым, так как лежал без головы. Нам позже немного перепало, за то, что живым не взяли. Хотя тот и так был не жилец, его осколками гранаты серьезно посеколо, все равно бы сдох. А причина, по которой тот не стрелял из пулемета, была в том, что пулемет заклинило, тоже, скорее всего, из-за взрыва.

В том блиндаже мы хорошо так прибарахлились. Взяли ящик наших, советских гранат, трофейные, наверное, кучу патронов для немецкого автомата, да и сами автоматы в количестве трех штук были тут. Фрицев наши раздолбали. Да и было-то их меньше двух рот. Танкисты, правда, доставили хлопот. Всего один сраный гитлеровец, успевший запрыгнуть в свой танк, куролесил по позициям так, что передавил кучу народа, прежде чем его смогли взорвать. Это было чуть в стороне от того места, где бились мы втроем. Вообще, весь бой и был таким. Бойцы разбрехались по немецким траншеям и кто как мог, так и воевал, убивая противника

там, где видел, или умирал сам. Рядом с нами оказались еще бойцы, просто в горячке боя мы их не видели, зато чуть не подрались за трофеи. Точнее из-за мародерства. Так уж бывает, что некоторые люди даже на поле боя думают о сиюминутной выгоде. Так и тут получилось. Мы уже вытащили все ценное из «блина», когда один из наших, советских хлопчиков вдруг принялся вырывать зубы у трупов. Лейтеха сделал ему замечание, тот огрызнулся и послал его, ну и завязалась драка. Хорошо, до особистов не дошло, так разошлись.

В том бою мы потеряли половину состава. С утра, когда объявили общее построение, да, нам не дали отойти назад, приказав занять фашистские траншеи, нас посчитали. Активными оставались меньше двух сотен штыков. Чего мы тут навоюем таким составом, никому было не известно.

– Бойцы! – начал командир нашего воинского формирования. Как нас назвать теперь, даже не знаю. Вроде вчера были остатками дивизии, даже на полки разбиты были, а сейчас нас меньше двух рот. – Все видели, что можно бить гитлеровцев, не нужно бояться, мы победим! – Там еще много слов было, но бойцам уже было плевать, если честно, с высокой колокольни. Всем хотелось одного... Нет, вру, двух вещей не хватало сейчас. Хотелось сейчас только есть и спать. Мы с Семеном прибрались в блиндаже, который захватили, лейтеха позвал сюда оставшихся бойцов взвода. Так уж получилось, что выжили почти все, потеряли троих. Нас было вновь десять человек. Кроме одного новенького, все те, что выходили из окружения, это хорошо, уже сдружились. Наверху было тихо, даже самолетов не было, поэтому и командиры не стали мучить народ, а дали отдохнуть. Мне чего-то не спалось, предложил другим спать, а я сел за чистку оружия. За три часа, что спали ребята, я умудрился вычистить кучу стволов. Набил себе магазины автомата, собрал много, поэтому лишние, что не влезали в под-сумки, кинул в сидор. Все быстрее заряжать, чем набивать патронами магазины. Пружины ослабнут? Я вас умоляю, мы не в тылу, не успеют. Это в мирное время надо думать о пружинах, «диванные стратеги» вам подскажут.

После обеда нас посетил посыльный из вновь созданного штаба. Через час выдвигаемся, разведка доложила, что фрицев в округе нет. Мы на трофейной карте разглядели обозначенный брод, в двадцати километрах южнее, поэтому командир нашего формирования приказывал выдвигаться туда. Просто на картах фашистов было обозначено, что брод защищают наши, попробуем прийти к ним на помощь. Этаким у нас подвижной истребительный батальон. Людей бы еще где взять...

Напрямую не пошли, хватило ума у командира вести подразделение, забирая по дуге на восток. К вечеру, опять устав как собаки, только теперь еще и увешанные оружием, мы подошли к броду. Нас тут и ждали. Ну, не ждали, конечно, просто фрицы здесь спокойно себе переправлялись. Никакого заслона уже не было и в помине, зато немчуры хватало. Хорошо мы выслали разведку, та и принесла сведения о том, что делать нам тут нечего. Можно было, конечно, героически сдохнуть, но командир не повелся. Вновь решили отходить на восток, благо до фрицев у брода было три километра. Впереди был лес, на вид невзрачный, но посмотрим, как на самом деле. Пару слов о командире. Да, назвал он нас все же батальоном, сводным каким-то. Командиром был средних лет капитан с эмблемами артиллериста, по фамилии Величко. Вроде ничего, лозунгами не сыпал, был рассудительным. Это все со слов нашего лейтехи, которого вызывали на совещание. Его, кстати, хотели забрать в штаб, но он сам отказался, сообщив, что опыта у него мало и любой боец на его месте будет уместнее. Гад, еще ведь и меня предложил в качестве штабного работника. Слава богу, что капитан Величко отказал, сославшись на то, что я простой красноармеец. У нас ведь здесь командиры, когда узнают, что боец умеет не только крестиком расписываться, а еще и карту читает, впадают в какой-то ступор. Привыкли, что одни деревенские в армии, вот и выделяются. Но я старался не показывать, что знаю поболее, чем какой-то командир батальона. Они ведь и сами-то не слишком образованны, просто должность и звание обязывают казаться умнее, чем есть на самом деле.

Половину ночи провели в лесу, хоть и шли по окраине, особо не углубляясь, но блин, лес был такой густой, да топи еще попадались, что двигались с большим трудом. По пути обнаружили горстку бойцов, шестеро ранены, причем серьезно, пятеро готовы встать в строй. Это оказались бойцы из охраны брода, далеко отошли. Разбили их еще вчера, так что карты фрицев устарели, надо менять. На самом выходе из леса увидели деревушку, что мирно себе стояла в километре от нас. Разведчики ушли, но вернулись очень быстро, сообщив, что в деревне расквартирована немецкая танковая часть. Правда, танков у них всего ничего, да еще и ребята заметили работу сварочных аппаратов. Величко решил, что это рембат, поэтому начали готовить удар. Действовать решили после заката. Будет еще достаточно светло, но подойти сможем более незаметно.

– Мороз, как думаешь, получится у нас? – Семен прервал молчание.

– До сих пор получалось, – пожал я плечами.

– Их там немного, – вступил в разговор лейтеха, – разведчики доложили, что целых танков меньше десятка, да и экипажи возле них крутились, может, уже и вовсе ушли.

– Да, шум двигателей было слышно, часа два назад, после все затихло, – кивнул Семен.

Мы лежим под деревом и ждем команды. Темнеет уже, но солнце еще не опустилось целиком. Тремя взводами мы идем с правого фланга, там открытая местность, поэтому нужно преодолеть ее бегом. Как знать, может, и получится. Местность хоть и открытая, но не просматривается из деревни, так как находится под холмом. Нас используют как засадный полк. Три взвода, это всего лишь сорок три штыка, но при шести пулеметах. Мы должны быстро подобраться к холму и быть готовыми подняться, когда завяжется бой. Опасность представлял лишь путь до холма, а это метров пятьсот, дальше из деревни нас не увидят.

Через полчаса небо было уже темным, и лейтенант Борисов приказал подниматься. Наш взвод был весь укомплектован трофейными автоматами, кроме одного бойца, он шел с пулеметом. Но немцы были не тупее нас. Наверху, прямо на этом самом холме, который был нашей целью, у фрицев оказалась замаскированная пулеметная точка. Первые двести метров пути мы ползли на брюхе, поэтому и смогли их проползти, но вот потом... Когда наши недозводы рванули бегом, немчики нас и приголубили. Сколько сразу полегло, даже не знаю, но к холму мы подошли в количестве двадцати бойцов. Деревню-то наш батальон взял, там и было-то тридцать два фашиста, завалили тупо количеством, но вот потери... Капитан Величко на нас рассчитывал, как на засадный отряд, а получилось, что все с нас и началось, и уже основному отряду пришлось нас выручать. Немецкие пулеметчики своим огнем привлекли себе в помощь еще солдат, если бы не наши товарищи с противоположного фланга, нас всех бы тут и похоронили.

Рембат у фрицев оказался почти пустым. Те танки, что видели во время наблюдения разведчики, ушли догонять войска, а тут оставались лишь машины, с которыми возни много. Короче, кроме стрелкового оружия и двух минометов, захватить нам было нечего. Хорошо хоть к минометам оказалось достаточно мин, все хоть какой-то приварок. А нас тем временем осталось еще меньше. Правда, ненадолго. Узнав у пленных, да, были и такие, куда ушли войска, где сейчас фронт, утром мы двинули строго на восток. Оказалось, впереди нас ждал лагерь военнопленных. Фрицы организовали его после разгрома войск, что защищали тот брод, к которому мы вчера шли. Опять топаем по полю, вроде сказали рядом, но пока разведчики ничего не нашли. Кстати, те парни, что были у нас за разведку, так и оставались живы, нас даже удивляло и радовало это. Через час пути внезапно вернулись и наблюдатели. По их сведениям, прямо на нас движется колонна из трех грузовиков и бэтэра. Немцы, наверное, за техникой выехали. Ведь тут всего несколько километров до ближайшей части. Капитан Величко срочно организовывал засаду. Так как мы были в чистом поле, то сделать это было сложно. Вновь копаем себе лежки, правда, не на всю глубину, так, немного укрыться. Немецкий бэтэр пер первым, мотоциклов почему-то не было, хотя все ожидали именно их, привыкли уже к фрицевским поряд-

кам. «Ганомог» машина высокая, поэтому из нее не составило труда нас заметить. Пулеметчик принялся нас давить, а из подъезжающих грузовиков уже выскакивала пехота. Вот тут мне и поплохело, ибо Величко, до сих пор не дававший подумать о себе плохо, решил поднять нас в атаку. Может, человек просто устал, да надоело ему тут бегать, может еще что, но пришлось вставать. Ненадолго, конечно. Капитан погиб почти сразу, ведь он своим примером, как по уставу положено, решил идти впереди, увлекая за собой людей. Все вновь залегли, и оказалось, что никто не хочет вставать еще раз. До фрицев было метров триста, бэтээр вообще обнаглел и вылез на пистолетную дистанцию. Тут, слава богу, кто-то наконец-то вспомнил о двух минометах. Чуть позже мы узнали, почему они сразу не стреляли. Отползали ребята, чтобы занять позиции там, где их не будет видно. Когда мины начали падать к фрицам на головы, поплохело уже им. С бэтэера не поняли этого и продолжали переть к нам, пулеметчик за небольшим бронешитком аж захлебывался от радости. Мне все это надоело, и я решил его снять. Из автомата это вообще не получалось, слишком большой разброс был, поэтому попросил у нашего пулеметчика его МГ, сам тот почему-то никак не мог загасить бэтээр. Первой же очередью я то ли заставил вражеского пулеметчика убраться, то ли убил. Но стрелял я прицельно, поэтому мог и убить. Водитель «Ганомога», видимо не слыша более очередей сверху, решил, что он теперь уязвим, и остановился. Как только он вновь начал движение, но уже назад, прямо в бэтээр влетела одна из мин. Грохнуло, хлопнуло – и бэтээр остановился уже насовсем. Как самые ближние к нему, мы с Семеном рванули вперед. Зачем? Так это ж какое-никакое, но укрытие. Пулеметчик из нашего взвода последовал за нами и вскоре уселся в кузове бэтэера, поливая свинцом фашистов. Я хотел было прибрать пулемет, что стрелял по нам минуту назад, но его здорово повредило взрывом мины. Укрывшись в кузове, мы отстреливались от врага, который уже начал отступать. Видимо, поняли гитлеровцы, что нас здесь тупо больше, да еще и бэтээр потеряли. Два грузовика уже дымились, все изрешеченные пулями, а вот один, с самым хитрозадым водилой, уже развернулся и начал набирать ход. Он и так стоял за двумя своими собратьями, а теперь и вовсе сбежит. Близкими разрывами мин нашим парням удалось все же повредить колеса грузовика. Тот стал вилять, а затем и вовсе встал. Теперь уж можно и в атаку. Поднялись все, жаль, что Величко не вытерпел. Гитлеровцев добивали в азарте, когда подошли совсем близко, даже не стреляли, слишком злые были, поэтому и потеряли аж пятерых, добивая раненых фашистов. Ребята просто бросались на врага со штыками. Страшное дело, рукопашная схватка. Когда ты просто с кем-то дерешься, пусть даже и с врагом на войне, это одно, а вот так, словно стенка на стенку... Один боец отбивает винтовкой выпад немца, успевает ударить сам, а когда собирается добить, ему сзади втыкают нож в спину. Все смешалось, я тоже малость подрался, но не стал опрометью кидаться в свалку. Пистолет в одной руке, нож в другой, жалел только об одном, патронов в пистолете мало. Везло еще и в том, что у фрицев тоже с короткостволом ходят не все, а только офицеры и унтера. Все мельтешило вокруг, стрельба, взмахи винтовками и автоматами, удары ножами, лопатками. Кровь хлещет во все стороны, и над этим всем стоит такой мат, заслушаться можно. Победа все же была за нами, но в такую схватку почему-то больше влезать не хотелось. Русский мат на поле битвы сменился стонами и криками, раненых тоже хватало.

К лагерю, что устроили в лесу фрицы, мы вышли к обеду. Сил было мало, еще меньше людей. Новый командир, на этот раз старлей грузин, не стал даже придумывать план. Лагерь был в лесу, капитально устроить его немцы еще не успели, вышек и тех было всего две, да и то какие-то нелепые подобию. Подобрались поближе и ударили. Похоже, нашему командиру было уже плевать, попадет под дружественный огонь кто-то из пленных или нет. Тупо стреляли во все, что движется и что хоть немного похоже на вражеских солдат.

Никаких братаний не было. Перестреляв фрицев, старлей с длиннющей фамилией, заканчивающейся, конечно, на – швили, приказал всем строиться и, собрав оружие и боеприпасы, уходить глубже в лес. Так и сказал:

– Нам срочно надо отдохнуть, иначе мы сдохнем даже не от пули, а просто от усталости. – Мудрые слова, я думаю.

Пленных в лагере было немало, мы пополнили состав аж на триста с небольшим бойцов. В основном были именно красноармейцы, но встречались и командиры. Оружия на всех не хватало, поэтому решили вернуться в поле, где разбили немецкие грузовики, и подобрать все, даже карабины. До этого мы их просто не брали. Отрядив одну из двух уцелевших машин, старлей «Швили» приказал остальным выдвигаться. Машина привезет оружие только до лагеря, по лесу ехать она все равно не сможет, так что парни-барахольщики торопились. Устроив привал в лесу, командир хотел тем самым дать время тем, кто уехал за трофеями.

Если честно, задолбался уже есть раз в сутки, да и то не досыта. Скажете, война на дворе, а он о еде говорит? Так о чем еще-то? О войне? Так она вон, повсюду, хрен знает, когда кончится. Я-то знаю, конечно, да что толку от того. Или... Да нет, не пойду. Да и как? Почему сразу не сообщил? Да пытался, если честно. Точнее, я написал несколько длинных писем в Москву. Помню как-то, в одной книжке читал о таком, там автор тоже рассматривал такую штуку, как перенос в прошлое. Вот я и вспомнил. Написал немного, так, основное. Думал, на фига обо всем на свете писать, если война пойдет чуть по-другому, то уже все изменится, так что тут предсказывать нет смысла. Отправить вот только все никак не могу. А «предсказания»... Вон взять хотя бы наших парней, что мы только что из плена освободили. Сколько из них должно было выжить, ну, я серьезно? Вот и я об этом. А ведь фрицы почему столько лагерей делали в начале войны и не очень-то торопились их вывозить к себе в тыл? По банальной причине, им самим жрать скоро будут нечего, они никак не рассчитывали на *такое* количество пленных, вот и устраивали лагеря. Кто сдохнет, тот сдохнет, а самые крепкие выживут и работать станут.

А по изменению истории тоже мысли есть. Может, тот, чье тело я занял, тоже должен был тихонечко «двинуть кони» где-то на границе, да хоть у того же первого моста. А я ведь, считай, в первый же день войны изменил историю. Может, и незначительно, да кто может сейчас сказать, что значительно, а что нет? Ведь это именно я зажег те танки, а не кто-то другой. Сомневаюсь, что тот, чье место я занял, смог бы это сделать. Взять хоть ту же реакцию родителей, когда я папаше руку сломал. Они ведь тогда обалдели от этой выходки, скорее всего, ничего подобного это тело никогда не делало, а тут такое! Вот и думаю, что сдохнуть я должен был уже давно, еще двадцать второго июня, ну, или двадцать шестого, край. Короче, жрать я хочу, вот и лезет в башку всякая хрень.

– А-а? – Меня толкнули в плечо, и я обернулся.

– Жрать будешь? – Семен стоял с двумя котелками. Рванув у него из руки посуду, чуть не расплескал драгоценную пищу. В этот раз повар сварил суп. Вообще, беда была не только с продуктами, но еще и с приготовлением. Ели всего по десять человек, у нас всего было два больших котла, представляете, как растягивался прием пищи. Кто-то уже обедать хочет, а некоторые еще не завтракали.

– М-м-м!

– Чего? – Сема уставился на меня.

– Говорю, мудаки мы! – проглотив то, что было во рту, повторил я. – Надо у фрицев было кухню забирать. Надоело уже так питаться, с голода сдохнуть можно.

– Взять-то была не проблема, а как бы ты ее потащил сюда?

– А в деревне лошадь была, не видел? Ага, дошло наконец? Там где человек пройдет, там и лошадь.

– Так кухня-то не лошадь...

– Ой, отстань, ради бога, скажи еще, что не протащили бы!

– Да, конечно, протащили бы, не бросили, – кивнул Семен, наворачивая в свою очередь суп за обе щеки. Супом я назвал это варево из-за бульона, точнее, его подобия. Скорее, это

было жидкое второе, но блин, довольное сытное. Это наверняка из немецкой тушенки, мы ее много взяли.

– Выпить хочешь? – вдруг спросил Семен и как-то хитро посмотрел на меня.

– Ты чего, не все сдал, что ли? – уставился я на него.

– Вот еще, я чего, сбрендил? – Из сидора на свет появилась темно-зеленая бутылка.

– Давай за то, что выжили! – скручивая запаянную сургучом пробку, провозгласил Семен. Мы сидели удачно, никто нас не видел, можно было и «хлопнуть».

– Надеюсь, командир нам хвост не прищепит, – подмигнул я другу. Мы сделали каждый по несколько глотков и закурили. Вот ведь блин, меня в этом теле не тянуло, а все равно начал.

– Слушай, Мороз, чего-то мы все никак толком и поговорить не могли, все стреляем да топам.

– Еще копаем, – важно заметил я.

– О, точно, о лопате-то я и забыл! Так о чем это я? – чуть задумался Сема, как будто бы забыл, о чем спросить хотел.

– Поговорить ты хотел...

– Да, – кивнул друг, – ты вообще, откуда родом-то?

– С Ярославщины.

– О, недалеко.

– А ты?

– С Калининской области я. Город Ржев, слышал? – О, парень, в моем времени только совсем невежды не слышали об этом городе.

– Да, слышал. Кстати, как ты вовремя разговор завел. Я слышал разговор, когда еще мы дивизией были, помнишь, тогда фрицев разведчики на допрос притащили?

– Нет, но не важно, мало ли их уже притаскивали.

– Да, не важно. Так вот, слышал, как немцы говорили, что часть из них пойдет именно в Калининскую область. Типа, план у командования такой. Ты бы написал родным, пока не поздно, пусть переедут куда-нибудь подальше, после войны бы вернулись. – Мне очень хотелось предупредить этого парня, а как это сделать, кроме как нести, казалось бы, чушь.

– Я не верю, что фрицы смогут дойти до Калинина. Мы их скоро погоним! Да и батя у меня все одно куда-то не уйдет. Он же дом строил собственными руками, теперь бросить? Если бы я ему такое в глаза сказал, он бы мне в рог закатал.

– Дело твое, я вот своим напишу, на всякий случай.

– А что немцы говорили и об Ярославле?

– Они вроде как хотят Москву окружить, а колечко будет через Ярославль проходить. Блин, да если бы я их слушал! Их же в палатке допрашивали, а мы просто рядом проходили. Я чуть задержался, когда про свой город услышал, вот и все. А насчет погоним... Мало силы у нас еще, Сем, мало. Да и боимся мы их еще. Вон некоторые как бегут, сам же видел. И ведь не бойцы какие, а командиры! А как в плен сдаются? Пяток конвоиров ведет по дороге больше роты красноармейцев, а те и идут, как бараны на убой.

– Это точно! Видел. Но и те, кто насмерть стоит, тоже есть. А бежать пленные бояться, потому что кому-то все равно умереть придется, а никто не хочет, – поддержал и развил мою мысль Семен. – Ладно, повар шепнул, что здесь задержимся, потому как он выпросил у командира времени на готовку. Хочет немного в запас сделать, чтобы уж совсем с пустым брюхом не идти.

– Это хорошо, давай тогда поспим немного, пока тихо.

– Да, кстати, а чего так тихо-то? – едва ли не хором спохватились мы. И правда, чего-то давно не слышали ни орудий, ни воя самолетов.

– Сплюнь на фиг, а то налетят ироды! – и я сплюнул сам, дабы не сглазить.

Утро вечера мудренее. И это правда. Наш старлей утром заявил, что решил дать нам, бойцам, нормально отдохнуть, поэтому день сидим, а ночью потопаем. Ох и как же это было приятно-то... Лес тут был густой, мы хоть и ушли вчера от разгромленного лагеря всего на несколько километров, но этого хватило, чтобы затеряться в этом лесу. К полудню, правда, тишину все-таки нарушил рев авиационных двигателей, никак проснулись фрицы, начали поиски.

– Если не перестанут до вечера, командир перенесет выход, – сказал нам вернувшийся с совещания лейтенант Борисов. Алексеем его звали вообще-то, мы сами-то об этом узнали только вчера, до этого как-то и не думали об этом.

– Полетают, да и бросят, бензин-то не бесконечный, – отозвался я.

– Надеюсь, надоело тут сидеть. Вроде и тихо, да все равно знаешь, что немец-то под боком. Наши ходили посмотреть к лагерю, шастают по округе немчики, шастают.

– Чего еще видели? – с интересом спросил я.

– Лагеря нет, даже вышки недоделанные фрицы вывезли. Трупы забрали, своих, конечно.

Сидеть долго не стали. На войне ведь как? Есть свободная минутка, отдохай, хоть впрок это сделать и нельзя, но все же стремиться нужно. В общей сложности я за сутки спал почти четырнадцать часов. Хорошо. Еще бы пожрать вволю... Не буду о грустном.

К вечеру полеты немецких асов закончились, и старлей, наш грузинский командир, объявил выход. Разведка вновь принесла вести о деревне, в которой засекли небольшой гарнизон вражеских войск. А, я же не сказал, командир перед выходом объявил всем, что решено не просто прорываться к своим, теряя людей просто так, а идти с умом, по пути уничтожая вот такие, небольшие гарнизоны. Так все же какая-то польза от нас. Наш особист ведет журнал боевых действий, там обо всем и обо всех есть. На выходе из окружения нам предстоит пройти фильтр, так что любые наши подвиги будут занесены в актив.

Как-то так вышло, что все мы, с кем успел подружиться, потерялись перед атакой. Семена наш лейтенант отправил посыльным к командиру, сам тоже куда-то исчез. Атака на деревню, а точнее, это было немаленькое село, провалилась с самого начала. Разведчики не углядели самую малость – готовность фрицев к отражению атаки. Мы только подходили к окраинам, как нам дали «прикурить». Тогда мы все и потерялись. Главным в той группе бойцов, в которой я случайно оказался, был младший лейтенант, командир одного из взводов. Его взвод был самым плохо обеспеченным у нас в батальоне, да и служили тут странные личности.

– Братцы, вперед, за родину! – заорал мамлей, приказывая идти на штурм села.

– Товарищ командир, так у половины из нас даже оружия нет, – в отчаянии сказал кто-то из толпы.

– У кого нет, это ваша вина, в бою добудете, это ваше наказание за утрату вверенного имущества. Взвод, слушай приказ, выдвигаемся и атакуем противника... – и далее по тексту.

Надо ли говорить, что этот баран, что звался командиром, послал всех тупо с «парадного крыльца», наскоком решил взять, ню-ню. Немчура отнюдь не была тупицами и идиотами. Нас, конечно, ждали, даже завлекали, показывая открыто, что их мало, но это было не так.

Экипажи немецких танков находились внутри машин и нас просто начали уничтожать. Немцы даже не использовали орудия, тупо поливали из пулеметов, а мы все пытаемся продвигаться в глубь села, вступить, так сказать, в прямое соприкосновение с противником. Маму нашу через семь коромысел. Так вот почему мы в начале войны так «просирали»! И в плен сдавались целой ротой шестерым мотоциклистам, и с голой жопой на танки шли... Да, блин, нескоро еще переучимся, а мы, те, кто с первых дней воюет, я себя уже к таковым причислил, так и вовсе этого не увидим, если к путному командиру не попадем.

Решив в один миг, что с меня на хрен хватит, просто начал действовать так, как считал нужным, а не по приказу. Откатившись в сторону, под прикрытие какого-то сарая, поймал момент, когда ближайший пулемет перенес огонь чуть в сторону, встал, да и тупо дернул

отсюда. Ушел не далеко, уже в сотне метров от села натолкнулся на таких же, как и я, беглецов. Трусов, в общем. И я трус, раз побежал.

– Слышь, торопыга, дуй сюда! – крикнули мне, и я послушно свернул к группе деревьев.

– Вы кто? – выдохнул я.

– Да такие же, как ты, не желающиедохнуть под танками по прихоти одного дурака, – говоривший все это парень, или мужик, был старше на вид лет на десять. Знакомясь, не удивил, назвав фамилию: – Абрамович.

Я тоже назвался, мысленно ухмыльнувшись. Абрамович был именно той, правильной национальности, не зря я так подумал, когда его увидел. Остальные бойцы были разными, но в основном все старше меня по возрасту.

– Чего делать предлагаете? – спросил я, отдышавшись наконец.

– На восток надо пробираться! – заметил кто-то еще.

– Ага, чтоб свои же закопали, или еще один «командир» найдется, на убой посылая.

– А иначе... дезертирство припаяют...

– А нехай паяют! – воскликнул еще один «дед», настолько старо выглядел этот боец, что так и подмывало назвать его стариком. – Я еще «беляка» по Сибири гонял, хватит с меня, пускай молодые теперь корячатся!

– Так я и есть молодой, а вы меня с собой зовете... – начал я.

– Да иди куды хочешь, кто ж тебя заставляет-то, – ответил тот же старик.

И я действительно пошел. Назад, к селу. Стрельба там не прекращалась, да и опомнился я, трусость – это не про меня. Вообще, меня стала здорово грызть изнутри совесть, за мою слабохарактерность. Плюнул с горяча: «Умирать – так умирать!» – и вернулся бегом к селу.

На пузе вполз на один из огородов и прямо-таки уперся в мертвое тело горе-командира, ретивого мамлея. Лежал он один, рядом никого не видно. В этот раз блевать уже не стал, да и нечем, наверное, хоть у мамлея видок был еще тот. Полголовы как не было. Огляделся, прислушался к звукам стрельбы.

«Черт возьми, а ведь стреляют-то не пулеметы!» – отдельные выстрелы из винтовок слышались очень отчетливо.

Выглянув из-за хаты, за которой и нашел тело командира, наверняка его сюда кто-то из наших притащил, увидел бойцов своего взвода. Одним из них был Семен, слава богу, живой. Правда, Борисова с ними не было, он-то хоть где?

– Эй, братва, вы живые? – крикнул я первое, что пришло в голову.

– Да не сдохли еще, давай сюда, поможешь, немцы село осматривают, добивают выживших, у тебя патроны есть?

Патроны у меня были. Причем немало.

– Ага, – подполз к мужикам, их тут было трое, все, кстати, молодые парни скорее, чем мужики. – Держите! – я развязал завязки сидора и вытянул горсть патронов. Бойцы разобрали все, что дал, пришлось выгрести все запасы, хорошо, что свои у меня в обоймах на ремне висят.

Винтовки по очереди сыто клацнули затворами, и ребята начали расползаться.

– Мужики, а кто командира этого сюда притащил? – спросил я.

– Да мы и приперли, – ответил один из бойцов, светловолосый парень с веснушками по всему лицу.

– А пистолет забрали? – спросил я в надежде.

– Да он его где-то обронил, пустым притащили. – Жаль, очень мне хотелось заполучить новый короткоствол, с винтовкой ужасно неудобно действовать в населенном пункте. Эх, вот Борисов дурачина, сдал тогда наган. А свой последний пистолет я потерял в рукопашной.

Впереди слева отчетливо загрохотали танковые гусеницы и двигатель, застучал пулемет. Ага, все-таки фрицы не пешочком село прочесывают, хреново. Лежим в канаве, на обочине, уже видно, как танк выползает в конце улицы, домов восемь до нас. Интересно, куда полезет,

прямо или на нашу свернет? Фрицы уже было проехали перекресток с той улицей, на которой были мы, как один из парней вдруг вылез и, прицелившись куда-то в сторону железной машины, выстрелил. Его за ноги затащили обратно в канаву, но было поздно, танк повернул к нам.

– Какого хрена, Жора? Он же мимо уже прошел! – заорали на стрелка бойцы. Тот виновато смотрел в сторону. Вот, был командир дурак, теперь и на бойцов напасть перешла, заразная штука, нетерпение.

– А чего, так и будем тут лежать, все одно уйти не дадут...

– Ребят, я отвлеку фашистов, а вы попробуйте сзади танк обойти... – сказал я.

– На хрена? – удивился белобрысый.

– У меня граната есть, вот, – я вытащил «лимонку» и показал мужикам, – фрицы люки не закрывают, жарко, да и пыльно. Надо сзади запрыгнуть и гранату им засунуть...

– Ты чего, сбрендил, что ли? Чумовой какой-то! Это ж немцы, они же на танках, куда нам-то... – это Жора, тот, что стрелял и выдал наше присутствие тут.

– Парень правильно говорит, я тоже об этом думал, но гранат у меня нет, – сказал еще кто-то.

– А у меня есть, даже две, я запасливый хомяк.

– Я не пойду, как хотите, – заявил Жора. Танк тем временем приближался. Двигался он медленно, опасаются фрицы.

– Да я бы сам сделал, да кто отвлечет...

– Я, – кивнул белобрысый.

– Тебе только дорогу перебежать, там за дом нырять, только от стены подальше, – напутствовал я, – а то засадят снаряд, завалит на хрен... – На самом деле, предлагая это мероприятие, я очень рассчитывал на то, что бежать придется не мне, уж больно страшно.

– Сам знаю, давай брат, уделай гада! – И парнишка буквально выпрыгнул из канавы. Я как только мог быстро дернул в сторону танка по канаве. Немцы уже всю долбили из пулемета, жаль, если парень не добежал, отличный боец, смелый.

Канавы была глубокой, но от танка все равно не спрятаться. Когда я поравнялся с грохочущей машиной и повернул голову, увидел открытый боковой люк и фашиста, глядящего прямо на меня. Я выпрыгнул из канавы и метнулся за танк, не сводя глаз с фашиста. Тот что-то орал, не знаю, мне или экипажу. Оказавшись сзади и убедившись, что танк идет без пехоты, я запрыгнул на него. Высоковато, но справился. Вибрация, а точнее тряска, была такой, что я едва успел схватиться за какую-то железку, чтобы не навернуться на землю. Верхний люк был закрыт, но, думаю, я и в боковой смогу. Усики на гранате были уже разогнуты, оставалось только дернуть кольцо, что я и сделал. Держа рукой скобу и перехватившись, подбираясь ближе к башне за скобу на корпусе танка, я оказался возле самой башни. В этот момент танк остановился и башня начала поворачиваться.

«Только бы успеть, только бы успеть!» – пронеслось в голове. Выглянув сбоку и увидев прямо перед собой морду фашиста, весело скалящегося от удовольствия, просто сунул гранату внутрь, пропихивая ее вниз, чтобы танкист ненароком не выкинул. Вроде упала. Как слетел вниз и залег в канаве, даже не заметил. Дальше было интересно. Никакого грохота от взрыва я не слышал, но танк стоял и стрелять пока не собирался.

– Эй, боец! – услышал я сбоку от себя. Повернувшись, увидел белобрысого рядом, оказывается, я спрыгнул в его сторону. – Молодчага, я вообще-то не думал, что получится, хорошо рвануло.

– Чего рвануло? Я ничего не слышал...

– Так тут видеть надо было. Боекомплект, видно, не рванул, только «феня», ну что, посмотрим?

– Ага, – кивнул я, вставая. А танк-то даже не заглох, просто встал как вкопанный, однако!

Мы залезли на корму и подобрались к башне. Из открытого люка поднимался слабый дымок. Дальше было еще смешней, фрицы были живы, только вроде как механик не шевелится, остальные воют. Белобрысый, черт, надо хоть имя спросить, схватил через проем бокового лючка за комбинезон того вражину, что недавно еще улыбался, и, вытянув того наружу, швырнул на землю.

– Добей эту падаль, там еще один шевелится, сейчас выдерну! – крикнул мне напарник.

Прыгаю на землю и, чуть задумавшись, поднимаю глаза, осматриваясь вокруг. Как его добить-то, винтовка в канаве осталась, а нож в сидоре. Фриц стонет, ноги здорово посечены осколками, крови много. Наконец, ступор прошел. Наклонившись, вытаскиваю из кобуры танкиста пистолет и, направив на истекающего кровью врага, нажимаю спуск. Тишина. Блин, взвести надо! Нашупав затвор и сообразив, как он работает, оттягиваю и досылаю патрон. Руки трясутся. После всего, что видел и пережил? Да, черт! Только что не испытывал ничего, а сейчас вдруг затрясло. Поднял руку, неловко целясь в голову врага, и, закрыв глаза, нажимаю спуск. Выстрел утонул в грохоте танкового мотора, а спустя секунду меня уже хлопнули по плечу.

– Молоток, бежим отсюда, у фрицев вроде еще танк остался.

Ломимся куда-то в сторону ближайших домов, не успеваю даже разглядеть, куда именно. Белобрысый что-то говорит, не понимаю ни слова.

– Чего?

– Ты оглох, что ли? – усмехается боец, когда мы упали в траву возле стены одной из хат.

– Да нет вроде, пока слышу еще.

– Чего-то ты весь зеленый, на вот, глотни, – ко мне протянута рука с зажатой в ней фляжкой. Подхватываю и жадно глотаю теплую жидкость, а спустя мгновение глаза мои, наверное, стали шире раза в два. Горечь теплого алкоголя вызывает рвотный рефлекс.

– Да успокойся ты, дыши глубже! – следует совет. Спасибо ему. Продышавшись, чувствую, как в голове зашумело.

– А? – не разобрав вначале, о чем меня спрашивают, переспрашиваю.

– Первого говорю, что ли, угрожал?

– А-а. Да вроде и нет, просто даже и не знаю почему, – бормочу какую-то фигню и мотаю головой.

– Ничего, я своего три дня назад зарезал, тоже блевал дальше, чем видел. Как у тебя с гранатой получилось, ух!

– Ага, скажи мне полчаса назад, что я такое сделаю, у виска бы покрутил. Чего там с фрицами?

– А я знаю? До того как ты к нам выполз, на соседней улице лейтеха наш под танк с гранатами лег.

– Борисов, Лешка? – я обалдел от новостей. Он вроде всего боялся, как же тут-то решился на такое?

– Ага, он. Танку ни фига, лишь гусанка свалилась, а командиру хана. Хороший был мужик, не то что этот мамлей из второго взвода, хотя земля им пухом.

Мы дернули еще по глотку и решили, что нужно идти проверить соседнюю улицу.

– Да, – протянул белобрысый, когда мы вышли из-за домов. Точнее выползли. Кругом лежали убитые бойцы, в основном наши, фрицев было очень мало. Танк, видимо подорванный лейтенантом Борисовым, стоял посреди улицы, вокруг лежали тела танкистов.

– Это чего же, от наших никого не осталось, а? – спросил как бы сам себя белобрысый.

– Не знаю, – чуть не по слогам ответил я. Голова шла кругом от такого боя. – Там же у нас Семен живой был, еще кто-то, а, да, Жора этот, нетерпеливый...

– Меня Лехой звать, красноармеец Звонарев, – вдруг, словно спохватившись, представился мне мой напарник.

– Андрей, – протянул я в ответ руку. – Морозов.

Пожали руки, но так и остались стоять на улице.

– А ведь был же еще танк! – задумчиво произнес Леха, когда мы познакомились наконец.

– Ага, я сам видел, – кивнул я.

– Сбежали, наверное, ублюдки! – сплюнул на землю Алексей. – Ну, чего, пойдем, что ли, поищем раненых и живых?

– А мертвых не будем хоронить? – осторожно спросил я, раньше, почти всегда, мы не хоронили, некогда все было. Спросил, чтобы узнать мнение Алексея.

– Слушай, Андрюх, тут такая войница пошла, что скоро и раненых, наверное, собирать перестанем, когда уж тут мертвяков закапывать, хотя и согласен, надо бы.

И все же мы похоронили всех. Целый час мы лазили по селу в поисках выживших, и ведь нашли. Семен также оказался жив. Нас осталось шестнадцать, где все остальные, ума не приложу, похоже, разбрелись кто куда. Вышедшие было вдруг к нам те старики, что подбивали меня свалить, были посланы Лехой, который как-то с молчаливого согласия всех остальных стал вроде как за старшего.

– Валите на хрен отсюда, суки. А то я не видел, как вы побежали, когда мы в атаку пошли. Теперь чего, медали себе требовать пойдете? Хрен вам по всей морде, валите, говорю, а то... – Что «а то», я увидел сразу. Леха снял с плеча фрицевский автомат и дернул затвор. Да, мы трофеев насобирали, пока трупы таскали. Кстати, набрали много чего ценного, ценного как на войне, так и вообще, в жизни. Обиженные «старики» чуток постояли, но развернувшись, пошли в сторону леса.

– Зря ты так, – бросил я.

– Да на хрен эти падлы тут нужны! Это ж хитрожопые, они из нашей части, знаю я их всех как облупленных. Труссы, каких поискать. Ты это, давай собирай людей, пора уходить. Телегу загрузили?

– Да, странно, что скотина выжила... – Когда собирали трофеи и трупы, в одном из сараев нашли старую, дохленькую лошадку. Несмотря на ее почтенный возраст, ее тут оставили, наверняка чтобы дать спокойно умереть от старости, коняга спокойно восприняла то, что мы ее запрягли. На телеге, найденной в первом попавшемся дворе, лежала внушительная кучка оружия. Молчаливые бойцы все давно были с оружием. С двух танков мы сняли пулеметы и забрали все оставшиеся патроны. Бойцы были хоть и усталые, но довольные. Сейчас с нами остались только те, кто действительно дрался здесь в селе, а не побежал. Мне было страшно стыдно за свою выходку. Я даже рассказал об этом Лехе и Семену, на что получил ответ:

– Ты вернулся? Вернулся! Танк остановил, фрица убил, все, что было раньше – забудь. Все боятся, думаешь, я сам не боюсь? Да у меня штаны едва сухими остались во всей этой катавасии, – ожил Сема. Он после этой бойни был какой-то заторможенный, оказалось, контузило его близким разрывом снаряда. Вон, только пять минут назад кровь запекшуюся вытер, что из ушей натекала.

Уходить решили на восток. Благо что в лесу нашли неширокую наезженную колею, вот по ней и поплелись, а куда? Будем посмотреть.

К ночи встали на привал, углубившись в лес метров на триста. Больше не смогли, подлесок вокруг был густым. Устроившись кто где, сначала отдохнули немного, затем принялись разводить костер и готовить еду. Фрицы суки запасливые, жратвы у них мы взяли прилично. Была и тушенка, и колбаса, и хлеб, да много чего, даже сардины в масле в виде консервов. Алексей после ужина назначил дежурных, по очереди будем дрыхнуть, не хватало еще к фрицам спящими попасть.

Ночь прошла спокойно, если не считать своего дежурства. Фигня, хоть и выпало стоять с трех до пяти, зато спал и до, и после. Выдвинулись с рассветом. Леха на глазах превращается в командира, заставил с утра всех привести себя в порядок, проверил красноармейские книжки

и оружие, у всех был с этим порядок. Вот так, наверное, и появлялись хорошие командиры на этой войне.

Я даже удивился, мы как образцово-показательная часть, все у нас в порядке, только мало нас. Более того, мы еще и все из одного батальона оказались. Раненых среди нас было шесть человек, но все достаточно легко, тащить никого не надо. Двигались вполне весело, целых пять часов, пока не попали на своих. Вот тут всем слегка поплохело, это когда особиста увидели, но оказалось, вполне вменяемый человек, капитан, лет тридцати, не больше. Педантично проведя и опросив с непременным протоколированием, нас влили в батальон пехотного полка, что занимал позиции возле моста через довольно большую реку. Да, все бои пехоты в начале этой войны у мостов. Не давать противнику переправляться или хотя бы затруднять эти попытки, вот сейчас основная забота таких группировок, как наша. Мешать противнику, давая возможность командованию накопить силы.

Пока только занялись тем, что получили лопаты и начали копать землю. Да уж, опять река, опять мост и вновь лопата. Как это уже знакомо, хоть что-нибудь бы нового увидеть.

Стрелковый полк вышел к мосту еще вчера, с задачей – не допустить переправы вражеских сил, говорю же, ничего нового. Пока фрицы сюда не вышли, но где-то вдалеке слышно работу моторов. Надеюсь, что сюда выйдет все-таки пехтура, а не танки, чего-то напугали они меня в прошлый раз.

Копать столько земли сразу раньше не приходилось. Не то чтобы вообще не копал, просто СТОЛЬКО не приходилось. Устал как черт, весь в пыли до самой ж... Копали много, так как на этот раз повезло, разрешили несколько ходов сообщения отрыть. К вечеру, когда стало ясно, что фрицы сегодня уже не полезут, командир отдал приказ привести себя в порядок. С радостью упали с Лехой и Семеном в реку и принялись мыться и стираться. Отбоя как такового не было, все сидели в своих ячейках и окопах. Мост, говорят, заминирован, на случай прорыва вражескими войсками наших позиций. Интересно, будут взрывать или нет?

Спал сегодня плохо. Комары достали, да еще и фрицы где-то явно рядом. Ночью наблюдатели что-то видели, стреляли несколько раз через реку. Наверняка вражеская разведка, вот ударят по нам с утречка, будет ни фига не весело.

Как в воду глядел. Ровно в восемь, у меня часы на руке трофейные, от леса, что на той стороне, к нам прилетели несколько мин, а затем началось! В каком-то смысле нам и правда повезло, немцы вышли на нас без танков, но вот минометы у них были, а уж долбить из них они умеют хорошо. После двадцатиминутной подготовки пошла пехота. Поддерживали их два бэтэра с пулеметами. Немцы вновь шли чуть ли не пешком, как в кино. У нас командир провел перекличку и приказал подпустить поближе. Я был почти в центре, напротив моста, сюда, как мне кажется, летело больше всего и мин, и пуль. Страшно, сидишь в ячейке, а голову высунуть боишься. Понимаю, что могу пропустить врага, что он может подойти ко мне вплотную и застрелить, но ничего не могу с собой поделать. Вроде уже не в первый раз, а все равно боюсь. Спас меня опять Леха. Черт, какой же он... Настоящий, что ли? Редко встречаются такие люди, очень редко.

– Андрюх, ты там живой?

– Почти, – крикнул я.

– Вылезай давай, немцы к мосту подходят, нельзя их пускать. Наше дело плевое, сиди и отстреливай, фланговым сложнее. Там ребята бдят, чтобы фрицы вниз не спустились и взрывчатку не сняли, а то беда будет.

Легко сказать, сиди и стреляй, а попробуй высунуться! Кажется, что все пули в тебя одного летят. Начал выпрямляться в своем «стакане». Положил наверх винтовку, вытащил и сложил под руку две гранаты. О, а враги-то уже тут как тут! До ближайших солдат противника оставалось каких-то сто пятьдесят метров, не больше. Хреново то, что пыль еще полностью не осела после разрыва мин, видимость неважная.

– Давай, Дюха, стреляй! Ты сможешь, страшное уже позади, дадим этим сукам по хребту! – в Лехе явно умер хороший командир или политрук, не важно, умеет парень «зажечь». А может, если повезет...

Куда я стрелял? Не знаю. Куда-то в направлении врага, это точно, а вот попал ли в кого, это второй вопрос. Так как стреляющих было пока много, нам в принципе удалось отбить первую атаку противника. Командир у нас был явно человеком не глупым и в контратаку нас поднимать не стал, и правильно. Отступив, немцы ударили по нам со всей их фашистской ненавистью. Минометы долбили, наверное, час, не переставая, перекапывали сухую землю на наших позициях. Я сидел в своей ячейке и... да дрожал я, непонятно, что ли? Постоянно сыплющийся песок и комки земли попадали за шиворот, набивались в глаза, в уши, в рот и нос. Только успевай протирать, сморкаться и плевать. Один из близких разрывов немного обвалил мой окопчик, и пришлось вначале спешно продираться, пока не засыпало с головой, а потом каской отчерпывать насыпавшуюся в ячейку землю. За этим занятием не заметил, как кончился минометный обстрел. Когда где-то рядом стеганул «максим», меня аж подбросило; от мысли, что немцы могут быть совсем рядом, становилось не по себе. Высунув голову, почти сразу нырнул обратно. Метрах в двадцати лежали фрицы и стреляли в нашу сторону. «Максим», а это был именно наш пулемет, стрелял откуда из-за моей спины, видимо, в ячейках нас совсем мало осталось. Вытащив гранату, дернул колечко и, не выжидая, бросил почти не высовываясь из окопчика. Впереди рвануло, и я, кажется, даже расслышал немецкую речь. Возможно, кого-то из фрицев даже зацепило. Снова встаю в полный рост и быстро осматриваюсь. Нет, не один я такой, вокруг меня ведут огонь и другие ребята. Прикинув к прицелу, старательно выцеливаю ближайшего фрица. Не успеваю сообразить, как тот утыкается носом в землю, кто-то из наших меня опередил. Пытаюсь поймать следующего, но тут на мост въехал бэтээр, и пулеметчик в нем, аки твой снайпер, так густо полил наши позиции, что опять пришлось прятаться.

«Я так, блин, и не заставлю себя воевать, надо перестать жевать сопли!» – ведь уж не в первый раз, но почему же так страшно-то?

Мысленно обматерив себя последними ругательствами, я вновь высунул голову из ямки. Пулеметчик на немецком бэтэере практически добрался до своих, лежавших повсюду солдат. В какой-то момент понимаю, что прекрасно вижу стрелка, ожесточенное лицо которого было красным от натуги или от гнева...

Поймать в прицел часть его головы оказалось нетрудно, а вот выстрелить... Да что же это такое-то? Наконец, винтовка больно лягает меня затыльником в плечо, но я уже привыкаю к этому пинку. Не напрягая руки, жду, когда винтовка вновь ляжет на свое место. Не знаю, попал ли я в пулеметчика, так как, скорее всего, в момент выстрела я глаза закрывал. Хотя и укрывал винтовку собой, чтобы земли не насыпалось, но все равно боюсь, вдруг чего, поэтому и прикрываю глаза. «Мосинка» не подвела, а то чистить ее просто не было времени, от слова – совсем. Пулеметчик на бэтэере, кстати, замолчал, да и остальные фрицы вроде как пятиться начали. Раздавшийся над головой вой и последующий за ним взрыв чуть не заставили выпрыгнуть из штанов.

– Предупреждать же надо! – погрозил я кулаком, обернувшись к нашим позициям. Наши пушки, подпустив немчуру поближе, ударили из орудий прямой наводкой. Не бог весть там какие орудия, но фрицам поплохело. И вот теперь да, командир поднимает всех в атаку, видимо, не дождавшись атаки танками, командование решило разбить фрицев. Кажется, это у нас получится. Вряд ли противник подготовил себе позиции, поэтому попробуем его уничтожить.

Вылез из ячейки и оказался в гуще наступающей пехоты. Рот как-то сам собой раскрылся, и я заорал. Ох, как я кричал! Вокруг не было лозунгов «За Сталина!» или «За Родину!». Повсюду громыхало лишь русское «УРА!!!» Ну, и мат, конечно. Такие выражения неслись, ох,

даже весело как-то стало. Легко поддавшись общему настроению, я быстро примкнул штык и помчался вместе со всеми. В отличие от большинства, да от всех практически, я еще и под ноги смотрел. Увидев убитых немцев, несколько минут назад стрелявших в нас, я резко остановился. Дело в том, что фрицы лежали за пулеметом. Винтовка отправилась на спину, а руки уже сжимали трофейный МГ. Сколько патронов в банке мне, конечно, не определить, но две запасные я мгновенно подобрал и запихал в сидор. Пока возился с мешком, рядом оказался Леха. Невдалеке и Семен промелькнул.

– Ты чего тут? – товарищ окинул меня взглядом с ног до головы и повторил вопрос.

– Как это чего, из пулемета-то я больше врагов убью! – поучительно ответил я и, собрав с фрицев еще и гранаты, вновь подхватил пулемет.

– Ну, тогда давай вперед! – Леха, наверное, взмахнул бы пистолетом, если б тот у него был.

Задрав ствол в небо, коротко нажал на спуск, ого, а держать-то покрепче нужно, а то убежит из моих непривыкших ручонки, это не с упора стрелять.

– Ну, как тебе пукалка? – весело крикнул Леха.

– Хороша, только лягается будь здоров! – усмехнувшись, ответил я.

Пулемет словно придал сил и бесстрашия, что ли. Только хрен я пойду во весь рост с этой бандурой. Добежав до моста и найдя глазами небольшую ямку слева от него, улегся и водрузил на сошки МГ. Леха тут как тут.

– Ну чего, ленту тебе подержать? – выпалил Алексей и расправил запасную ленту. Где он ее взял, понятия не имею. – У второго номера в руках была, – словно прочитав мои мысли, ответил товарищ.

– Так-то у меня банки есть, запасные. В них вроде по полтиннику, а в ленте, думаю, вся сотня есть.

– Скорее всего, гля какая длинная. – Видимо, фрицы хотели заменить банку с патронами на ленту, даже приготовились, да только не успели.

Командир уже перевел людей через мост и устремился к фрицам. Те пытались отстреливаться, но как-то вяло.

– Эх, пару танков бы сейчас! – воскликнул Леха.

– Не каркай! – фыркнул я, остановив стрельбу для перезарядки. – Вот как у фрицев сейчас подойдут танки, так и будет нам тут холмик могильный.

– Тьфу на тебя три раза, сам-то чего каркаешь? Вроде говорили, что нет тут у фрицев танков...

– Лех, ты как маленький прям. Да они такой ордой идут, что не здесь, так в паре километров отсюда точно есть и танки, и стволы посерьезнее. А самое главное, что мост этот на хрен тут не нужен, надо бы взорвать его да валить на восток, на соединение...

– Ты это еще кому не скажи, – сурово посмотрел на меня Алексей.

– Да я-то чего, – и тут я услышал то, чего боялся. – Ты вон, – я указал рукой за мост, – им скажи!

К мосту с противоположной стороны уже бежали во всю прыть наши солдаты, ушедшие было догонять фрицев. За их спинами уже маячили серые туши вражеских танков. Блин, вот вроде уже и видел их, даже дрались мы с ними, но, черт возьми, почему же мне так жутко становится при их появлении?

Земля ходила ходуном, приказа отступить не было. Лежим, пытаемся отстреливать вражескую пехоту, что, укрываясь за танками, пытается идти вперед. Пробовал и по канистрам стрелять, висят на танках они, висят, да что-то в этот раз ни один не загорелся. Может, патроны все же нужны зажигательные? Пока еще танкисты не обращали на нас внимания, заняты были нашей артиллерией. Пушкарки уже умудрились спалить одну коробочку и сбить гусянку на второй, но последний, третий танк пер словно заговоренный.

– Если перейдет мост, он нас всех здесь в грязь втопчет! – крикнул мне в ухо Алешка и рванул чуть не бегом к мосту. В его руке я увидел связку гранат и даже не успел сообразить, как мой товарищ уже поднялся для броска.

– Бл... да ложись скорее, – прокричал я, но все было безнадежно. Очередью из танкового пулемета тело Лешки перечеркнуло пополам. Он упал как сломанная кукла, развернувшись в нашу сторону, словно хотел что-то сказать.

– Сука ты фашистская, что же ты наделал? – ору я. Вот так и уходили из жизни настоящие герои. Самые лучшие и крепкие парни восемнадцати лет от роду. Дали бы ему время, глядишь, из него бы прекрасный командир вышел...

Кусая губы, вытирая слезы одной рукой, я выбрался из своей ямки и пополз к лежавшему другу. Между мной и танком был только мост, фриц стоял на том берегу и почему-то не въезжал. Спустя пару секунд стало ясно, танкисты ждали пехоту, боясь соваться в одиночку.

Из танка по мне пока не стреляли, хотя я думаю, они меня видят. С нашей стороны вновь твкнула пушка, но снаряд, выбив искры из башни вражеской машины, ушел в рикошет.

– Да куда вы, блин, стреляете??? – прорычал я. Танк выстрелил в ответ, затем еще и еще. С нашей стороны, кажется, перестали стрелять даже винтовки. Да, в такой ситуации надо попадать, хрен кто вам даст еще раз выстрелить.

– Вашу мать, я что, тут один, что ли, остался? – но повернуть голову, чтобы осмотреться, я не мог, боялся отвести взгляд от этого железного монстра. Взяв из мертвой Лешкиной руки связку гранат, удивился тому, что граната была не взведена. Прodelав необходимые действия, я медленно, ползком направился в сторону танка. В голове стало как-то совсем ясно, мысль была только одна: «Не пушу, сдохну, но не пушу!»

Танк начал движение по мосту, когда я уже был на нем. Мы были настолько близко друг к другу, что немцы не смогли причесать меня из пулемета, он настолько не наклонился. Пехота не могла следовать рядом, мост был очень узкий. На надвигающиеся гусеницы я не смотрел, только на то, что было между ними. Ширина моста не позволит танку развернуться, а следовательно, раскатать меня, надеюсь, получится.

Когда стальная махина была надо мной, во мне все сжалось. Никогда в жизни я не испытывал ничего страшнее этого. Как я вообще заставил себя это сделать? Трясло, казалось, не только все вокруг, а даже зубы во рту качались. Как, блин, наши предки такое делали? Когда открыл глаза, которые уже резало от того, как я их сжимал, увидел, что танк уже проехал надо мной. Мгновенно оказавшись на ногах, хоть и трясущихся, я швырнул связку гранат на жалюзи танка. Стрельбы я не слышал, но вдруг где-то внутри, в районе груди, стало горячо, а затем пришла боль. Грохота взрыва гранат я не слышал, в голове набатом звучало: «Убит, я убит!» – а через секунду перед глазами встал столб огня и меня понесло куда-то в небо.

«Мост взорвался», – мелькнула последняя мысль – и наступила темнота.

«Небо, звезд-то сколько, красота!» – Я не умер. Пришел в себя ночью, какой по счету после боя, не представляю. Вокруг было тихо, я лежал на чем-то мягком и смотрел на звезды. Так бы и лежал всю жизнь, если бы не БОЛЬ! Приступ начинался лавинообразно, сначала покалывание, затем резкая, пронизывающая весь организм боль, горело все внутри. Я пытался кричать, но почему-то не слышал собственного голоса. Вдруг чья-то рука, нежная и легкая, легла на лоб. Показалось, или мне действительно стало на миг легче? От мысли, что я все же не один здесь лежу, начал успокаиваться. От напряжения было страшно и больно, меня трясло. Трясло так, что я боялся закрывать рот, как бы зубы не съесть. Было со мной однажды такое, в прошлой жизни. Конечно, сравнивать нельзя, но как-то происходящее напонило. Делали мне однажды операцию, так, ничего особо сложного, перегородку носовую ломали. Стамесками и резиновой киянкой. Откуда знаю? Так я ж не в отрубе был. Делали под местным наркозом, два укола новокаина и вперед. Тогда были схожие симптомы. Лежу на столе, два хирурга надо мной издеваются, а меня трясет. Мне не больно почти, но трясучка такая, что одному из медиков

приходилось меня держать, чтобы не подпрыгивал. От чего такая реакция? Вначале грешил на страх, но позже понял, что я не боюсь. Бояться нужно до, а уж когда лежишь под скальпелем, бояться поздно. Вот и тут, не понимаю ничего, но трясет, как двигатель, у которого не работает пара цилиндров.

Наконец я увидел кого-то. Вначале тень, заслонившая ночное небо, а затем и очертания лица. Женского лица. Уж это-то я разглядел. Вижу губы, которые то расходятся, то сжимаются...

«Черт возьми, да ведь она мне что-то говорит!»

Я не слышал ее. Я не слышал ничего вообще. Боже, что со слухом, почему я не слышу? В один момент понимаю, что сам говорю, но как и прежде, не слышу и себя. Закрываю глаза, нет сил смотреть далее, тем более что я вижу слезы в глазах той, что стоит надо мной. Едва закрыв глаза, боль вспыхивает с новой силой, и я вновь куда-то лечу.

«А сейчас вроде день?» – я вновь открыл глаза. Вокруг было светло, жарило солнце, но вокруг находились деревья, правда, жидкие какие-то... Пробую осмотреться получше, но вновь приходит боль. На удивление, трясет сегодня меньше, я вполне справляюсь с этим. Теперь я отчетливо понимаю, где у меня болит. Это не все тело, как казалось ранее. Болит спина и грудь, болят ноги. Последним, кстати, ощутимо холоднее, чем всему остальному телу. Пробую приподнять голову, но без сил валюсь назад, поднявшись едва ли на пару сантиметров. Руки. Вновь чьи-то руки аккуратно придерживают меня за плечи и ненавязчивым нажатием дают понять, что не нужно рыпаться.

– Ты меня слышишь, Андрей? – О-о-о! Как же я рад, что слышу, думал уже все, оглох на фиг. Не пытаюсь ответить, закрываю и вновь открываю глаза. Получаю в ответ легкое поглаживание по лбу. Становится приятно. В ладони у того, кто меня трогает, явно тряпица, смоченная водой. Хорошо.

– Очень больно? – вновь вопрос. Прodelываю тот же жест глазами. Если честно, то просто боюсь открыть рот. Вдруг снова себя не услышу.

– Ты три дня без сознания. Доктор говорил, что если придешь в себя, то поправишься. Больно тебе, родненький, да? Но теперь все будет хорошо, ты поправишься.

Причитания хоть и не очень нравились, были непривычными для меня, но грели душу. От чего такая забота, такая тоска в голосе девушки, словно это благодарность. Что же произошло-то? Как мне хочется узнать, что со мной было после броска гранаты...

– Тебя из реки вытащили. Много вас погибло, но фашистов вы столько перебили, что они убежали. Да-да, убегали и кричали. Ты меня не знаешь, я санинструктор, Валя. Отряд отходил, а я видела, как ты упал. Попросила ребят тебя достать, ругались они, говорили, что ты покойник давно. Но я просила. Ведь это ты смог этот поганый танк взорвать. Он нас всех бы раздавил, а немцы как его потеряли, так и побежали назад...

Блин, как-то даже смешно это слышать. Я всех спас? Да не смешите мои тапочки! Значит, меня в реку скинуло... Это, наверное, взрывной волной, мост-то, я думаю, рванули, вот я и полетел. Еще бы знать, что за ранение у меня такое, интересное. Не слышал ничего, скорее всего из-за контузии, а вот боль в груди и спине, ногах, она откуда? Еще чуть похлопав глазами и послушав причитания сестрички, я вновь отключился. Только теперь, похоже, это был уже сон.

Проснулся я от тряски, и трясло меня не как тогда, в первый раз. Меня явно везут куда-то. Интересно, на чем?

– Проснулся, родненький? – Блин, вот теперь это уже как-то неудобно получается. Что, кроме меня раненых нет? Почему сестричка все время возле меня находится? Везут, клохчут как над командиром, причем с немалыми ромбами. Одни вопросы.

– Вроде... – попытался сказать я, совершенно автоматически. Блин, говорю, да и слышу вполне нормально. Хотя что-то в порядке.

– Ой, заговорил! – Я почувствовал, как сестра прыгнула с телеги, да, я уже осмотрелся вокруг. – Николай Степаныч! – услышал я, как девушка, ну, или женщина кому-то кричит. Через минуту надо мной склонился седой и угрюмый на вид мужик, лет сорока пяти, может, чуть больше, не поймешь тут.

– Ну что, очухался? – Я кивнул. – А я ведь думал, не выкарабкаешься. Молодец, поживешь еще.

– Спасибо... – грустно произнес я.

– Бойцы, остановите, пожалуйста, надо осмотреть раненого, – попросил кого-то врач. Врач? Ну да, сестричка же говорила, что меня врач смотрел, даже вроде как пользовал.

– Не положено, товарищ военврач. Командир приказал топать до рощи, не останавливаясь, тут же чистое поле!

– Ладно, подождем! – чуть сердито заметил врач.

Я лежал, телега скрипела, скучно и противно, от беспомощности противно. Наконец, я увидел деревья, лежал я ногами вперед, кстати, дурная примета. Остановились через несколько минут, деревья уже были повсюду. Вокруг шли негромкие разговоры, судя по скрипам, телега была не одна.

– Ну-с, давайте, наконец, осмотримся, молодой человек, – появился вновь военврач. Дядька надел очки, смешные такие, круглые, с толстыми стеклами, и склонился надо мной. Надо ли говорить, что было больно. Сестричка помогала доктору, поддерживая меня, а тот разматывал бинты, ладно хоть водой поливал.

– Куда меня, товарищ доктор?

– Военврач третьего ранга! – строго заметил врач.

– Виноват, товарищ военврач третьего ранга. Красноармеец Морозов...

– Да не нужно представляться, не в строю. Тем более, я знаю, кто ты. Валя тебя с того света вытянула, – наклонившись ко мне, доктор добавил на ухо: – Влюбилась девчонка, дуреха!

– Ч-чего? – ошалело взглянул я на врача. Господи, о чем он говорит, какая любовь? Хотя это многое объясняет, но...

– Вот тебе и чего! Выхаживала тебя все дни, на себе таскала, мыла, обихаживала. Сама не спит, за тобой смотрит, как бы не умер. Вот и воскрес ты, надо же, что любовь девичья творит! Попробуй только обидеть ее, я тебя лично пристрелю!

Ни хрена себе угрозы! Меня девчонка полюбила. А за что? Как это? Так же не бывает.

– В груди у тебя дыра. Выходное отверстие, точнее. Винтарь, похоже. Автомат-то у немчуры слабенький, навывлет бы не пробил. В спине входное, возможно, ребра сломаны, раз дышать тяжело, но кровотечения внутреннего нет, уже бы помер. Когда танк взорвал, от него и мост занялся. Нам ведь его не подорвать было, провода перебило минами. Правильно она тебе сказала, если бы не остановил гада, всем бы хана, там уже и пехтуры немецкой до черта было. Мост рванул, тебя осколками посеколо, пока в воду летел. Сам я не видел, как раз начштаба штопал, но бойцы говорили, что красиво летел, – усмехнулся доктор, а мне и самому захотелось посмеяться. Да вот только не смог. Пытаясь улыбнуться, почувал боль в груди, и лицо, наверное, перекосило, так как врач даже отпрянул.

– Заражения вроде нет. Вчера смотрел, на левой ноге мне рана не понравилась, но сегодня вижу, что все хорошо будет, не зря я ее вчера еще раз чистил. Хорошо, что в отключке был, у меня ведь нет для тебя морфия, вряд ли бы смог терпеть. Сейчас командир подойдет, поговорить он хотел.

Минут двадцать никого не было, только Валентина вернулась. Покормила меня немного, бульоном каким-то. Скорее даже, напоила, чего там, одна вода. После осмотра доктора Валя перебинтовала по новой, правда, бинты были те же самые, где новых-то взять? Только закон-

чила процедуры, болезненные, кстати, появился командир. Это был лейтеха, видел я его пару раз там, у моста.

– Здорово, боец! – и руку мне тянет. Какое там, я и пальцами-то шевелю с трудом, болит все.

– Здравия...

– Лежи-лежи! За то, что вовремя так на мосту «выступил», благодарность тебе. Но я по другому вопросу. Фронт далеко, – начал командир, – очень далеко. У нас бойцов осталось хрен да ничего. Впереди деревня будет, наши разведчики уже вернулись, осмотрели ее. Извини, но мы тебя оставим там. Найдем того, кто за тобой присмотрит, нам дальше топать надо. Мы уже троих так в деревнях оставили. Понимаю, что риск, но что делать? Нужно от фашиста оторваться, с ранеными же...

– Это сделать невозможно, – закончил я за него. – Хорошо, я согласен, раз такое дело.

– Да вообще-то я согласия и не спрашивал. Это – вынужденная мера. Короче, документы мы тебе поправили, только спрячь куда-нибудь подальше. Как оклемаешься, двинешь на восток. Вроде парень ты не трус, выберешься. Раз уж от смерти сбежал, так и к жизни сам выйдешь. Так? – Ну и что теперь делать?

– Я понял, – кивнул я. – Прикопаются ко мне, когда выйду?

– Конечно, – уверенно ответил командир, – но я уже сказал, документы у тебя в порядке, их военврач делал, все ранения указал, так что, главное, не потеряй их.

– Хорошо, – несколько расстроено ответил я и прикрыл глаза.

Деревня была очень маленькая, буквально несколько домов, разбросанных на маленьком пятачке, на окраине леса. Причем лес был серьезным, едва ли не впервые тут вижу такой. Даже с краю, где я чуток увидел на подходе к деревне, не видно было вообще ничего, одна темнота чащобы. Жильцов было еще меньше, не в каждом доме жили люди.

Поместили меня к одной старушке, в ближайший дом от леса. Хозяйка была довольно старенькой, но вполне еще бодрой. Звали старушку Елизаветой Васильевной. Меня уложили на топчан, который смастерили на скорую руку бойцы, и попрощались. Старушка вначале была холодна, откровенно показывая свое безразличие, но позже, когда все бойцы ушли из деревни, вполне оттаяла.

– Бросают ваши раненых, – пробормотала она, сидя возле меня.

– Так нужно, – ответил я, – чтобы спасти способных держать оружие, нужно иметь возможность маневра. С ранеными на руках они обречены. Ребятам еще воевать и воевать, враг очень силен, – я говорил и говорил, видимо, мне это было необходимо.

– Здесь тоже были. Приехали на трех машинах, забрали весь скот, даже куриц полудохлых, и ушли. Как саранча прямо, – старушка, наверное, давно ни с кем не говорила.

– Начав эту войну, они должны стараться ее закончить так, как им нужно, в противном случае их ждет уничтожение. Все поставлено на карту, отсюда и жестокость.

– Если бы наши к ним пошли, так же поступили бы? – Вот блин, какие скользкие вопросы задает.

– Я не знаю, все зависело бы от приказа, от того, как противник сопротивляется. Но, думаю, у нас никогда никто бы не отдал таких варварских приказов, какие сочиняет Гитлер. Вон в Европе как, – я кивнул куда-то назад, – Франция сдалась почти без боя, так они ее не грабят сильно. Страна просто работает на Рейх. Но с нами такое бы не прошло. Мы – СЛАВЯНЕ. Немцам кто-то подбросил идеологию о расовом превосходстве, мы в ней низшая раса, поэтому должны быть уничтожены или стать вечными рабами. Но мы на это не согласны, поэтому и идет такая война, только до полнейшего уничтожения. И мы победим. Я увидел, как слезинки потекли по щекам старой женщины, она кивнула своим мыслям.

– Я тоже так думаю, мы духом сильнее! – заключила Елизавета Васильевна.

Старушка занималась своими делами, я ее даже не видел. Что было плохо, мне совсем не оставили оружия. На войне как-то хреново осознавать себя беззащитным. Так и лежал в одиночестве, хозяйка правда покормила меня, но больше на разговор не выходила.

А к вечеру случилось то, от чего я обалдел. Заявилась Валя. Я только сейчас ее разглядел как следует. Девушка она была в теле, а точнее, просто не тощая, невысокого роста, длинные темные волосы были убраны в пучок. Нос аккуратный, ровный, горбинка практически не видна. Губки красивые, нижняя пухленькая, а вообще очень аккуратные. А уж ямочки на щечках...

– Ты что здесь делаешь? – уставился я на нее.

– К тебе пришла, кому-то надо за тобой следить! – отвела глаза в сторону девушка.

– Ты сбежала из отряда?

– Меня отпустили, – взгляд Валентины скакал из стороны в сторону.

– Тебя ж под трибунал отдадут! – воскликнул я.

– Никто меня не отдаст! – зло бросила она. – Я не призывалась, сама прибилась к отряду и попросила, чтобы не гнали! А тебя увидела и...

Что и, я узнал чуть позже. Девушка, а это без сомнения была девушка, ей лет восемнадцать всего, бросилась мне на грудь и зарыдала. Она рассказала, как убили всю ее семью в одном из захваченных немцами селе. Ее отец был председателем, его вместе с женой, матерью Валентины, сожгли заживо в сарае.

– А я сбежала. Немцы за мной гнались, но я убежала. Лес хорошо знала, смогла спрятаться. Потом к нашим попала, там и осталась. Когда ты с бойцами вышел из окружения и попал в отряд, я всего неделю с ними была. Не гони меня, пожалуйста!

– Да и не думал даже! – честно признался я. – Куда я тебя выгоню?

– Вот что, голубки, можете тут и вместе жить, но хорошо бы помогать мне по хозяйству! – вдруг раздался голос хозяйки дома.

– Да-да, конечно, я все умею делать, только скажите, что нужно! – запричитала Валя.

С каждой минутой она все больше мне нравилась. Не своей услужливостью, а... Какая-то настоящая она, вот что. Особенно для меня, привыкшего к женщинам в будущем, которые все пытаются поставить себя выше мужиков, а чуть что, мы слабый пол. Смешно это, пародия какая-то на жизнь. Нет, я вовсе не за то, что место женщины на кухне и ее день Восьмое марта. Но все же женщина должна оставаться женщиной во всем, а не пытаться из кожи вылезти, доказывая, что она лучше мужика. Валя была совсем не такой. Она с нежностью и даже трепетом обрабатывала мои раны, разминала мышцы, чтобы не затекали. Но в то же время была строга к моим попыткам справляться самостоятельно со своими делами. То есть она не любила безумно и слепо, а была такой... черт, я даже не могу это описать.

Первое время я ужасно боялся одного. Прихода фашистов. Ведь им будет просто плевать, кто перед ними, калека или здоровый человек. Не умереть боялся, а того, что сделать ничего не смогу. Да и за Валю теперь страх появился. Но уже со второго дня моей жизни в деревне я немного успокоился. У Вали вдруг оказался в руках пистолет. Точнее, револьвер «наган». Говорит, выдали в отряде, а даже не показали, как стрелять из него. Патронов только вот было мало, всего двадцать штук, но и это было хоть что-то. Я даже не успел спросить, как она просто отдала мне ствол, заявив, что мне он нужнее. Говорю же, умная девушка оказалась. Сообразила, что я себя голым ощущаю. Обрадовавшись, выпросил у нее кусок тряпицы и принялся очищать ствол. Нагара хватало, постреляли из него неслабо. Выходило, правда, с трудом, все же я лежачий пока, но справился. Жизнь-то налаживается, со стволом уже легче. На крайний случай всегда смогу завалить несколько солдат противника и оставить пулю для себя. Оказалось, я это озвучил вслух, и Валя быстро заставила меня дать слово, что ее я живой немцам не отдам. Пришлось обещать, хотя даже не представляю, как поднять руку на эту замечательную

девушку. Но она рассказала, ЧТО с такими, как она, делают немцы, и у меня кулаки стиснулись в бессильной злобе.

Валентина с утра до вечера помогала Елизавете Васильевне по хозяйству. Готовила, прибирала, стирала. Скотины нет, а так бы еще и животными занималась. Девушка была на все руки мастерица. Меня осматривала несколько раз в день, когда минутка выпадала свободная, но делала все очень осторожно и тщательно.

Вокруг было тихо. Я спрашивал у девушки постоянно, слышно ли чего. Она каждый раз меня успокаивала, говоря, что нам повезло. Да и старушка хозяйка, Елизавета Васильевна, тоже успокаивала, говоря, что в их деревню и раньше-то почти никто не приезжал, а уж теперь... На двенадцатый день я попробовал встать с того топчана, на котором лежал. Просто сил уже не было валяться. Хоть Валя и старалась, разминая мне тело, постоянно протирая и массируя, но я уже извелся.

– Куда ты, сдурел? – накинулась она на меня, когда застала почти стоящим на полу. Ноги болели, но вся боль была какой-то поверхностной. Кости не болели, а значит, вполне можно пробовать вставать. Вот, кстати, и пример того, как она меня воспитывала.

– Да не могу я больше, Валюшка. Не ругайся, лучше помоги! – попросил я ее. Девушка и так уже поднырнула мне под руку, а теперь еще и поддерживала.

– Раны могут открыться, ну, не маленький ведь уже! – упрекала она меня, морща красивый носик, но по ней было видно, что дается ей это выражение с трудом.

– На ногах не откроются, там зажило все... – попробовал я успокоить девушку.

– Ну, зачем ты врешь, ведь я же знаю, какие они, каждый день повязки меняю, – упрекнула девушка.

– Да нормально все, нормально. Я ведь не бегать собрался, так, встать бы для начала, понять, живой еще или уже калека, – я все же не вытерпел и подпустил в голос немного грубости. Но грубости не к этой милой девушке, а к себе.

– И что, понял? – покачив головой, девушка все еще пыталась меня переубедить.

– Ага, – сказал я и улыбнулся, – думаю, что на днях все же встану.

– Только попробуй без меня тут ползать, я тебе устрою! – Ого, говорил же, что она еще и с норовом.

– Не ругайся. Специально тебя позову. Что на улице? – я уже вернулся в лежачее положение и попытался сменить тему. Валя вытирала мне пот, который от напряжения обильно стекал по лицу.

– Самолет пролетал, но не над нами, в стороне. Стрельбы не слышать, все тихо. Ты же знаешь, тут же как будто и войны нет.

– А самолет куда летел?

– На восток, – выдохнула девушка.

– Ладно, – я провел рукой по голове девушки, задержав ладонь на щеке. – Устала?

– Нет, нормально. Ой, сегодня же знаешь что случилось? – как ужаленная подскочила девушка с моей постели. Я чуть напрягся.

– Что?

– Из леса корова вышла, представляешь? Ее дед Захар прибрал. Он один живет, говорит, чтобы приходила доить, молоко будем на всех делить.

– Нормально, – кивнул я. Вообще хорошо. В деревне ведь всего десять человек живет, так что будем с молоком теперь. Пока фрицы не вернутся. Детей здесь нет, одни старики, никого младше шестидесяти. Сопротивляться некому, скотину уже забрали. Думаю, если фрицы сюда и заглянут когда-нибудь, так только случайно или по сообщению авиаразведки. Ведь самолеты летают, вполне могут заметить деревеньку и навестить. Хоть и надеюсь, что этого все же не случится.

Еще через неделю я все же встал, а спустя два дня после этого начал ходить в туалет сам. Ждал я этого больше всего на свете. Хоть и привык к Вале, да все одно стесняюсь. Валюша постоянно намекает, чтобы я не возвращался в строй. Прямо не говорит, все вокруг да около, но смысл понятен. Конечно, ей как женщине хочется уюта и покоя, а какой уж тут покой, когда враг буквально за порогом твоего дома стоит. Это даже не на соседней улице, это...

Дни тянулись медленно, но все же вот уж и август заканчивается. Я почти здоров, в груди не болит, только кашель остался, да и тот редкий. Ноги совсем в порядке стали, их и посекло-то несильно. Наступил день, когда я решил уходить из деревни. Куда, пока не знаю, но нужно к нашим пробиваться. Понимаю, что до фронта хрен знает сколько верст, но как-то все же нужно добраться. Вообще, по обрывкам фраз немногих местных я понимал, что я где-то в Белоруссии, но вот где точно, не знаю. Деревню дед Захар назвал как-то чудно, один раз:

– Что? Как нашу деревеньку кличут? – на мой вопрос дед Захар даже удивился. – Так вроде при царе была безымянной, а при Советах, когда перепись проводили, вроде как Лесной прозвали. У меня вроде в документах так написано... – вот и весь сказ. Их при царе как бы вообще не существовало. А секрет того, что за два месяца фрицы сюда лишь раз заглянули, был в болотах и лесах. Очень просто. Когда я начал, наконец, ходить и мог уже делать небольшие пешие прогулки, я разведаль местность вокруг. Заодно грибов притащил на всю деревню. Наша деревня находилась в окружении болот, на окраине очень старого леса. Сюда идти только если специально. Просто для того чтобы проехать мимо, фрицам нужно делать приличный крюк от дороги. А на фига им это? Есть пути и прямее, и проще в прохождении. За два месяца мы ни разу не слышали шума моторов, только от пролетающих далеко в стороне самолетов. Вот и вышло так, что я имел возможность спокойно отлежаться. А до дороги, причем обычной проселочной, отсюда аж двадцать верст. О как.

С Валентиной мы жили последний месяц как муж и жена. Ага, это все же случилось. Даже Елизавета Васильевна не возмущалась, узнав о наших отношениях. Случилось все как-то спонтанно, я вначале даже обалдел. От самого себя обалдел. Когда мне стало лучше настолько, что я свободно ходил, я попросил деда Захара истопить баню. Она тут только у него и была, в хорошем состоянии. Сосед исполнил мою просьбу, а заодно так меня отхреначил веником, что дурно стало. Открыв дверь в предбанник, сосед вышел, оставив меня в чувство приходить, ну, а я наслаждался сладкой истомой, что разлилась по телу. Было очень хорошо, я лежал на лавке с закрытыми глазами и не заметил, как кто-то пришел. Когда меня облили из ковша, я открыл глаза и увидел Валю. Та стояла с куском мыла и смотрела на меня. Я хлопал глазами от удивления и увиденного. А посмотреть было на что.

– Давай я тебя помою, – сказала она и начала намыливать меня. В бане все еще было жарко, а одета она была в простую белую рубаху, длинную, ниже колен. От жары Валюшка вся покрылась испариной, а рубаха прилипла к телу. Вот тут я и почувствовал, что почти полностью здоров. Грудь у девушки была настолько аппетитной, я и раньше догадывался, что под одежкой она хороша, но тут я разглядел ее всю наконец. Ведь девчата сейчас других нравов, одеваются просто и закрывают тело, даже волосы постоянно убраны и прикрыты платком. А тут... Волосы рассыпаны по плечам, грудь торчком, темные круги проглядывают сквозь намокшую рубаху и... манят, черт возьми! Даже не разглядывая что-либо еще, я просто вытянул руки и, проведя ими по щекам девушки, притянул к себе. Удивлению не было предела, когда я не почувствовал толчка или удара. Девушка была согласна. Нежно, стараясь быть настолько аккуратным, насколько это возможно, я целовал Валентину в губы. Получал неловкие и неумелые ответы, не обращая на это внимания. Мне просто захотелось вдруг сделать так, чтобы это девчонка почувствовала себя на вершине блаженства. Ждать каких-то действий от нее самой было бы глупо, я все взял в свои руки. Правда, почувствовав в одном месте осторожную хватку, удивился. Девушка явно не хотела бездействовать. Причем, черт, это было очень приятно.

Чуть отстранясь, я потянул вверх ее рубаху, и Валя не сопротивлялась. Когда открылась удивительно большая, но крепкая молодая грудь, у меня сперло дыхание. Я вдруг вспомнил, когда у меня последний раз была женщина. Давно это было. Нежно, едва касаясь, я покрывал ее тело поцелуями. Я наслаждался сам и старался растянуть удовольствие для нее. Язык осторожно блуждал везде и всюду, заставляя девушку трястись то ли от страха первого раза, то ли от удовольствия. Думаю, тут все вместе было. То, что она невинна, я и так понимал, молодая же еще, да и в какое время живет. Валя тем временем тоже не сидела сложа руки, распалая мое и без того сильное желание. Когда же мы, наконец, слились в одно целое, простонав, Валушка выдохнула мне в ухо:

– Я твоя жена! – и расслабилась, потому как ей стало очень хорошо. Как и мне, конечно.

А еще, вечером, когда легли спать, уже вместе, конечно, она рассказала на ухо:

– Мне всегда думалось, что когда ЭТО случится, мне будет больно, боялась, как дурочка.

А это так хорошо, что, кажется, даже и умереть теперь можно спокойно.

Тогда я ей сказал просто, но всерьез:

– Я очень счастлив, что ты стала моей женой.

А девушка, прижавшись ко мне, ответила:

– Я тебе сыночка рожу, обещаю! – На это я не знал, что ответить, поэтому просто поцеловал ее крепко, и мы уснули.

С тех пор мы зачастили в баню. Дед Захар лишь один раз сказал:

– Эх, где мои молодые годы! – Больше разговоров и не было. Валентина была просто ураганом в постели, а мне было чертовски приятно, что девушка получает удовольствие. Нет, я и сам был в полном восторге, только для меня очень важно, что чувствует женщина. Я был очень удивлен, обнаружив в молодой девчонке сороковых годов такой ураган чувств и эмоций. Она готова была любить меня каждую секунду, а я старался соответствовать ее ожиданиям и отвечал ей взаимной любовью.

– Может, все же пойдем вместе? – Эта попытка девушки пойти со мной, была, наверное, уже сотой. Я не хотел брать ее с собой. Деревня, в которой я так чудно подлечился, реально была в захолустье. Туда за все время, что мы там жили, так никто и не заглянул. Вот пусть так и будет. Тем более, Валушка рассказала, хоть и сомневаясь пока, что вроде как ждет ребенка. Срок пока никакой, может, это и вовсе «ложная тревога», но мне было страшно за нее. Поэтому и оставил ее здесь. Даже представить себе не мог, как вообще это будет выглядеть. Боец выходит из окружения с беременной девахой. Не то чтобы это как-то неэтично. Просто тяжело это, путь-то предстоит весьма и весьма неблизкий и тяжелый. Кто знает, может, меня и вовсе убьют где-нибудь совсем неподалеку, а что будет с ней? Даже представлять не хочу.

Я действительно надеялся на удаленность деревни от внешнего мира, точнее, только на это и была надежда. Как я буду жить, зная, что на оккупированной территории живет МОЯ женщина, я не знаю, надеюсь, все будет хорошо. Если честно, то вот именно сейчас, как бы некрасиво это ни звучало, но я должен о ней даже забыть. Забыть не потому, что она для меня была увлечением, даже и в мыслях не было ничего такого. Просто я иду воевать, а если буду все время думать о ней, то просто погибну в первом же бою.

Идти было легко, я был полон сил, энергии, относительно здоров и счастлив. Какое же это хорошее время, не война, а вообще эти годы. Да, нет благ цивилизации, но если подумать, хорошенько подумать, то что нужно человеку для счастья? В моем времени, там, в будущем, все живут только ради денег. Потому как без них нельзя. Люди работают как волы, с утра до ночи, иногда без выходных, лишь бы заработать лишнюю копейку. Меня никогда такое не прельщало. Искал, да и находил такую работу, чтобы было много свободного времени, иначе

зачем жить, находясь постоянно на работе? Жизнь-то одна! Работать нужно для того, чтобы жить, а не жить для работы. Аксиома.

К вечеру, а вышел я рано утром, оказался в какой-то странной местности. Вроде деревья есть, а леса нет. Просто редкие деревца, вперемишку с кустарником. Когда одна нога вдруг ушла в воду, провалившись на, казалось бы, ровном месте, я наконец-то догадался. Болото. Да уж, пока воевал, как-то все удавалось обходить гиблые места Белоруссии, а вот теперь попался. На самом деле, болот здесь много, просто этим летом часть пересохла, вот и не попадал еще в них. А тут на тебе. Решив, что лучше не соваться дальше, так как уже вечер, а темнеет в августе рано и ночи очень темные, остановился на ночлег. Ночами бывало довольно прохладно, но у меня была шинель, я вообще был при полном обмундировании, только без оружия. Наган я оставил Вале, на крайний случай. Она сказала, правда, что лучше застрелится, чем в лапы к врагу попадет, я молчаливо согласился с этим. Разведя костер, я достал припасы, что собрала мне в дорогу... жена. Ничего особенного, ведь ни кур, ни скотины в деревне не было, поэтому ни сала, ни яиц не было. Зато был свежий лучок, чеснок, огурцы соленые и хлеб. Много. Валя сама пекла. Собрала мне и простой каравай, и разного рода лепешек, поэтому на пару дней мне вполне хватит.

Пужинал, завернулся в шинель и уснул. Спал недолго, почувствовал, что стало холоднее, и вынужден был встать, чтобы подкинуть в костер дровишек. Быть замеченным я не боялся. Ночь, болото, да и костерок я разводил маленький, больше надеясь на тепло от углей, чем от пламени, подкладывал понемногу. Спать уже не хотелось, но и идти пока не было возможности. Слишком темно еще, часы показывали три ночи. Странно, что пока я валялся в забытии в обозе отступающего отряда, с меня никто часы не снял. У костра я просидел до пяти. Как только на востоке появилась полоска рассвета, стало уже значительно светлее, и я выдвинулся в путь. Обходил болото по самому краю, так как местности просто не знал, да и карты у меня не было. Топал чисто на интуиции. Понимал, где восток, туда и шел. Когда болото было позади, а впереди распростерся огромный луг, я остановился. Заставило меня это сделать увиденное. Справа, на самом пределе видимости что-то привлекло мое внимание. Движение, вот что это было. Поле было уже пустым, причем явно убраным, спрятаться некуда, от слова совсем. Идти вот прямо так было боязно. Не для того меня Валентина отхаживала, чтобы я врагу в плен попался сразу, как только на ноги встал. Обходить было нереально, слишком далеко и все по открытой местности, поэтому решил вновь ждать. Темноты, конечно. Кстати, осталось не так уж и долго. Мое путешествие вокруг болота заняло полдня. Сейчас уже четырнадцать часов, так что осталось немного.

Движение, что я заметил днем, более не повторялось. Я даже решил было, что мне просто показалось, но двигаясь в темноте в нужную сторону, я все-таки понял, что я видел. Поле, что было передо мной, примерно через три километра уходило вниз. Я был на возвышенности, это и сыграло мне на руку. Внизу, под холмом, на котором я находился, был населенный пункт. Не то большая деревня, не то маленькое село. Церкви вроде не видно, но ее могли и снести. Так вот, на вершине холма был пост. А движение, что я видел днем, было телегой, на которой привозили еду солдатам, что были на посту. Вру, не солдаты это, полицаи, мать их! Это я разглядел, к сожалению, слишком поздно, меня банально заметили.

– Стой, стрелять буду! Кто такой?

Я выперся, блин, как баран прямо на пост. Суки, сидят здесь тихо, ни костра, ни разговоров, вот и прошляпил.

– Ну-ка, Сашко, обыщи этого красноперого! – приказал один постовой другому. Их всего здесь было двое. Что ж, если сейчас не свалю, тогда песец мне.

– Мужики, вы чего, я ж свой! – брякнул я.

– Кому свой? – злобно бросил первый полицай.

– Тому, кто на войну не будет посылать, тому и свой, – спокойнее ответил я. Надо заставить их стволы опустить, тогда и попробую что-то сделать. В деревне, пока отлеживался, тренироваться начал сразу, как только боль прошла, поэтому тело вполне годится для рукопашной схватки.

– А чего в форме? – спросил второй, которого называли Сашко.

– А в чем мне идти-то, в кальсонах? – усмехнулся я. – Гардеробчик мой весь на мне.

– Руки за спину, шутник! – пробасил вновь первый, поднимая ствол «мосинки» выше.

– Эй, паря, ты не шмальни случай, я вам не враг! – сказал я серьезно.

– Вот старшему сдадим, а уж он решит, враг или не враг! – заключил полицей.

Молодой, а Сашко был парнем лет восемнадцати, зашел мне за спину и, сняв с меня сидор, хотел было связать руки. Он стал вешать свою винтовку на шею, чем я и воспользовался. Я видел нож у него за поясом штанов, рукоять торчала, поэтому, протянув руку, просто схватил ее и оттолкнул полицей. Тот попятился, а я уже развернулся и метнул нож в первого, того, что постарше. Хорошо, что нож был не в ножнах, поэтому легко и вытащил. К этому времени полицей уже успел чуть расслабиться, и ствол винтаря смотрел вниз. Нож вошел ему в живот, заставив разжать руки и выпустить винтовку. С него хватит, пора и второго окучивать. Повернув голову, увидел, как молодой Сашко судорожно пытается дернуть затвор.

– Оружие надо держать заряженным! – Мой кулак прилетел ему в голову, заставив забыть обо всем на свете. Удар у меня хороший, поставить успел по старой памяти. Это нож я кидаю хреново, редко когда могу на уровень груди попасть, чаще ниже, как сейчас. Почему не получается, не понимаю. Вроде выпускаю не поздно, а он все одно низко входит. А если еще чуть раньше, то не втыкается, а попадает плашмя. Что-то я заговорился. Молодой, упав на землю, жалобно скулил, держась за щеку. Чего-то он в ступор впал, надо расшевелить. За того, в которого я нож метнул, я не переживал, отходит уже, я глянул краем глаза. Сашко же я убивать не спешил, мне сведения нужны.

Перевернув его лицом к земле, я связал полицейу руки его же веревкой, которую он для меня приготовил. Он что-то пытался сказать, но я лишь пнул его легонько в бок и приказал молчать. Так, этот уже не убежит, пойду, осмотрю трофеи. Страшно ли мне было, вот так запросто взять и напасть на двух вооруженных людей? Конечно, страшно. Да только выхода-то нет. Да и чем они от меня отличаются? Такие же люди. Могли пристрелить? Конечно, могли, но не пристрелили же. В такой ситуации, видимо, мобилизуются все резервы организма. Полицей были уверены в своем превосходстве, а мне деваться было некуда, вот я и вышел из схватки победителем.

У первого в кармане оказался пистолет, наш ТТ, в другом кармане был запасной магазин, а в сидоре, что лежал возле скамейки, ага, они на ней тут и сидели, патроны россыпью. Уже хорошо. Патроны для винтовки, портянки, кстати, чистые, так как не воняли, и что-то из еды. Выдернув у него из пуза нож, вытер об его же одежду и направился вновь ко второму. Перевернув его и осмотрев, увидел под курткой ножны. Через минуту у меня на поясе уже висел нож в ножнах. Короткоствол у Сашко не было, только винтовка, патронов было мало, меньше трех десятков. Больше у молодого ничего и не было.

– Давай-ка поговорим теперь, друг ситный, – выдернув у него изо рта кляп, его же кепку, я показал кулак. – Только попробуй дернуться или заорать, на ремни порежу, понял меня?

Сашко закивал часто-часто.

– Смотри, я спрашиваю, ты отвечаешь, коротко и правдиво. Пойму, что врешь, будет больно. Сколько вас в деревне?

– Шестеро. Точнее, с нами было шестеро.

– Когда смена?

– В двенадцать.

– Немцы в деревне есть?

- Комендант и солдаты.
- Численность комендантского взвода?
- Десять солдат и унтер-офицер.
- Молодец какой. Что тут фрицы делают? – видя, что Сашко впал в ступор, пояснил: –

Немцы.

– А, понятно. Так тут колхоз был большой, техники много. Немцы не могли бросить такой хороший урожай. Местные работали на уборке, а немцы контролировали. Тебе нужно быстрее уходить, я слышал, что в понедельник немцы будут вывозить у нас урожай, он все еще в хранилище. Их сюда много приедет, но ты успеешь уйти.

– О как. Замечательно! – прикидывая уже, как спалю на хрен этот урожай, сказал я.

– Там, в конце деревни, возле силосных ям, большой сарай, все там. Сторожа нет, так как комендантские охраняют.

– А вы там зачем, если фрицы сами охраняют?

– Так за народом смотреть, чтоб не сделали чего. На работы выгоняем...

– Где ближайшая часть или гарнизон у немцев? – оборвал я Сашко.

– Верст восемь на юг. Гарнизонный склад и мастерские. Технику там чинят. А еще лагерь есть, недалеко, примерно десять верст, но это туда, к болоту, – полицай указал в сторону, почти туда, откуда я пришел.

– Я сам оттуда иду, чего-то я не видел там никаких лагерей, – удивился я.

– Лагерь небольшой, человек двести там, еще в прошлом месяце устроили. Здесь как таковых войск-то нет, поэтому его еще не вывезли. Да и до железной дороги далеко.

– Ты был в лагере?

– Один раз, продукты возили.

– Охрана?

– Человек двадцать, офицер. Две вышки с пулеметами...

– А на складах?

– Столько же. Там наши красноармейцы работают, их по всем лагерям собирают, тех, кто умеет технику ремонтировать.

– Когда это красноармейцы тебе своими стали, падаль? – жестко спросил я.

– Меня заставили. Мне семнадцать всего, Петро сказал, что красные меня на войну отправят или на зону, за то, что был на территории врага. Я испугался, да и родители здесь живут, что с ними будет?

– Наших убивал?

Тот повесил нос. Ясно, скорее всего, расстрелом повязали. Я задавал вопросы еще минут пять, а получив нужные ответы, решил судьбу полицая. Ладно хоть зла у меня на него нет, но и оставлять его в живых мне нельзя. Поэтому... Вытянув нож, я быстро, пока Сашко не успел заголосить, вогнал лезвие ему под челюсть. Умер тот сразу, не мучился. А я вдруг понял, что все, выжил я из себя страх, во мне проснулся зверь. Или, как говорили обо мне в той жизни – МОРОЗ.

Собрав винтовки и повесив на плечо, я стал потихоньку, делая круг, сближаться с деревней. Сашко рассказал мне, где живут немцы, где полицай, думаю, я их всех завалю. Ночь будет помощницей, а силы я в себе чувствую. Злой я сейчас, да и голодный до войны, поэтому буду работать жестко. Да и зерно сжечь надо.

На въезде в деревню был пост немчуры, потому как склады с зерном были именно с этой стороны. Два солдата мирно болтали, когда я оказался возле них. Подбирался недолго, шел в шинели полицай, может, поэтому и не привлек внимания. Да и Сашко рассказал, что к ним сюда давно никто не забредал из бойцов Красной Армии.

У меня на винтовке был закреплен штык, поэтому я просто заколол их обоих. Один, правда, чуть пискнуть успел, но вроде никого не насторожил. Забрав у фрицев пулемет, ленты

и гранаты, я направился к складам. Просто увидел мотоцикл, вот и решил, что это и будет решением. В мотике обнаружил канистру с бензином и понял, что это судьба. Пробраться к дому, где квартировали немцы, было просто. Огородами, огородами – и я на месте. Пулемет я поставил на сошки напротив выхода из избы, а саму ее быстренько оббежал, поливая стены из канистры. Окна избы выходили только на две стороны, так что от меня не скроются.

Возможно, кто-то что-то и почувствовал, да поздно было. Да, я рисковал, но одновременно и немцев, и полицаев мне не сработать, поэтому пойдем от сложного к простому, а не наоборот. Поглядев нагло и в открытую в окно, я увидел, как фрицы спят на кроватях. Наверное, со всей деревни стащили в один дом. Разбив рукоятью гранаты стекло, я швырнул внутрь сразу две «колотушки» и побежал назад, туда, где у меня стоит пулемет. Грохнуло тихо, стены задавили звук, но из окон полетели ошметки занавесок, щепки от рам и осколки стекол. Внутри орал, а я, взяв в руки еще одну гранату, швырнул ее к дверям дома. В этом месте стояла и канистра с остатками бензина, поэтому пламя занялось быстро. Дом мгновенно вспыхнул как свеча, а крики из дома стали настолько паническими, что меня даже передернуло. Выскочил на улицу всего один немец, самый хитрый, похоже. Его я и срезал из пулемета. Машинку эту я уже использовал, знаю, как с ней обращаться. Дом горел так хорошо, что я быстренько собрался, тем более люди начали выскакивать из домов, и рванул в ту сторону, где жили полицаи. Те попались мне по дороге, хорошо хоть разглядел их. До бандитов было метров двадцать, я просто упал на колено и начал стрелять. Сломанными куклами попадали в дорожную пыль убитые, кто успел залечь, получил пулю чуть позже. Закончил быстро и обвел глазами округу. Черт, жаль, что я один, можно было бы хорошенько прибрахлиться у фрицев в доме, но, видно, не судьба.

Народу уже было много. Я к этому времени снял и выкинул полицейскую шинель, в гимнастерке прохладно, моя-то шинелька на окраине осталась. Осмотрев тела полицаев и игнорируя все вопросы местных жителей, я просто шел мимо, направляясь к тому дому, где квартировали полицаи. Откуда прозвучал выстрел, я сначала даже не сообразил. Двойка мне! Что-то просвистело рядом и ударило в землю. Я мгновенно упал на дорогу и направил пулемет в сторону, которую посчитал опасной. Метрах в пятидесяти стоял высокий, немолодой мужчина с охотничьим ружьем в руках. Стволы были переломлены, мужик явно заряжал новые патроны.

– Брось оружие, что ты делаешь?

Мужик явно делал то, что считал нужным. Он уже привел оружие в боеготовность и вскинул его к плечу, когда я выстрелил. Короткая, патронов на пять, очередь, отшвырнула любителя охоты на людей в сторону. Народ на улице отхлынул, голоса смолкли. Я ждал чего угодно, но не последовавшей за этим реакции. Думал, что мне сейчас убежать придется, что местные тут целиком за нацистов... Первой оттаяла одна женщина. Сделав несколько шагов к мужику с ружьем, она смачно плюнула на его мертвое тело. За ней, как по команде, многие поспешили это повторить. Кто-то просто матерился, причем из того, что разобрал, было:

– Сука фашистская!

– Поделом сволочи!

– Сдох гад, как собака!

Ну и прочие любезности. Ко мне не решались подойти, я ведь все еще лежал за пулеметом, как-то не торопясь вставать. Наконец, один мужичок набрался смелости и вышел вперед.

– Здрав будь, добрый человек, – мужик даже чуть поклонился, – кто ж ты будешь? Наш или тоже, как эти? – мужик кивнул на убитого охотника.

– Они что же, и своих стреляли? – крикнул я в ответ.

– Да они и своих родных убивали, что им солдаты!

– Даже так? – я чуть задумался. – Меня Андреем зовут. Я встану, если больше никто стрелять не станет?

– Последнего гада ты убил, мы не вооружены! – ответил мужик.

Я встал, оставив пулемет на земле. Мужик, хоть и опасаясь, но решился и подошел. Протянутую руку я пожал охотно.

– Сергей! – произнес мужик.

– Андрей.

– Откуда ты, парень?

– Из тех ворот, что и весь народ.

Мужик хмыкнул, и толпа расслабилась. Это стало заметно по шепоткам и улыбкам.

– Расходитесь, люди. Дом тушить не станем, пущай догорит!

– На наши не перекинется? – спросила какая-то старушка.

– Яковлевна, мы же на другой стороне, забыла?

– Да я-то че, я так... – пробубнила старушка.

Народ начал расходиться, поняв, что действий больше не будет. Спасибо этому Сергею, понял, что меня напрягает толпа людей. А ну как опять стрелять начнут!

– Кто это был? – спросил я, указав на охотника.

– Староста. Такая гнида оказался! Он раньше у нас в деревне жил, вроде нормальным мужиком был, когда раскулачили, куда-то ушел. А тут вернулся с немцами и давай лютовать. Сука, сына своего убил, когда тот хотел в армию идти. А ты спрашиваешь, убивают ли своих. То, что ты всех пострелял, конечно, хорошо. Но вот нам теперь худо будет, начнут немцы нас изводить...

– Скажете, пришли партизаны, всех убили, еду забрали и ушли.

– Придется что-то врать, а немцы ой какие недоверчивые!

– Ты, Сергей, чего предлагаешь? Мне тут остаться да немчуре сдаться? Не будет такого. Я этих сук давил и давить буду...

– Да правильно всё, говорю же. Ладно, как-нибудь переживем.

– А сам-то чего не в армии? – окинул я взглядом мужичка.

– Списали меня... – мужик приподнял одну штанину, и я увидел протез. – На Финской еще, мина.

– Ясно, извини. – То-то мне показалось, что он хромал, когда ко мне шел.

– Да ничего. Это, вопрос есть...

– Да говори, говори, – подбодрил я.

– Тут у нас зерно в хранилище...

– Это то, что немцы забрать хотят? В понедельник хотят вывозить.

– Ага, нам бы взять чуток, чтобы зимой не голодать. Эти ж гады все забрали, даже на прокорм не оставили, не то что на посевную.

– А сумеете спрятать, чтобы фашисты не нашли?

– А то ж! – распрямив грудь, всем видом показывая, что спросил я фигню.

– Да забирайте, я все равно его сжечь хотел.

– И сожжем, только чуть позже, лады? – мужик протянул ладонь.

– Заметано. Я пройду к дому, где прихвостни жили, оружие нужно.

– Ты в дом к этому гаду сходи, там, правда, жинка его, но у него точно есть чем поживиться.

– Я не вор, а трофеи это не грех, – пояснил я.

– Я тебя не клеймил! – Непрост мужик, ой непрост.

– А что же жена его не вышла?

– Да убежала она, когда ты стрелять начал. Не знаю, домой или еще куда. Ей тут жизни не дадут, бабы порвут. Муженек у нее столько тут сгубил, не простит народ.

– Так чего ж сами-то не взбунтовались, немцев и было-то тут... – я развел руками.

– Оружия у нас нет, да и кому бунтовать-то? – в свою очередь, развел руками Сергей. – Ты ж видел, бабы да старики одни.

Говорили мы недолго, выяснилось, что в деревне есть наши красноармейцы. Сразу мне Сергей о них не рассказал, не мог понять, кто я, куда иду. Убедившись, что я не враг советской власти, рассказал. Парней было четверо, двое ранены, но легко, оставшиеся двое выздоравливали после серьезных ранений. Впрочем, на ногах были все четверо. Меня проводили к ним по очереди. Ребята все были спрятаны по разным домам. Блин, а я думал, что это только в кино в двадцатом веке могло быть. В деревне немцы, полицаи, староста, будь он трижды неладен, а местные умудряются раненых выхаживать! Оказалось, вполне могут. Познакомился со всеми, к сожалению, знакомых не было, да и глупо было бы надеяться на это. Спросил у парней, почему не вышли, когда стрелять начал. Потупив взгляды, ответили, что не знали, кто здесь воюет. Решил не придирааться.

После того, как закончил все дела в этой деревне, решил ехать сразу к лагерю военнопленных. Парни как один попросились со мной. Ребята все опытные, старше меня, когда слышали о наших бойцах в плену, чуть не бегом побежали. Пришлось осадить чуть-чуть.

– Там охраны взвод, минимум два пулемета. Как будем освобождать?

– У нас только винтовки, – отвечал один за всех, самый рослый детина. Росту в нем под два метра, плечи что у твоего шифоньера.

– Ну, мы не такие уж и пустые, – усмехнулся я. – Один пулемет я снял с мотоцикла, второй в доме полицаев нашел. Правда, наш, ДП.

– О, я как раз его отлично знаю, – тут же ответил тот же боец. Звали его, кстати, Иваном. Блин, ну а как еще его могли звать! Остальные, Егор Мельников, Саша Купченко и Олег Сапогов, пока в разговор не влезали, но было видно, что ребята рвутся в бой.

– Да я к тому, что патроны для всех разные придется таскать. Ладно, будь по-вашему. Короче...

Кроме мотоцикла с коляской, у фрицев был маленький автомобильчик без крыши, стоял возле сожженного мной дома. Я его и не видел ночью, хорошо хоть не сгорел. А дом выгорел дотла. Фрицы, кого не убило гранатами, сгорели. К сожалению, все, что у них было интересного из вещей, также уничтожено огнем. Жалко, конечно, я с утра сходил на пепелище, ползал немного. Первым, что нашел, был пулемет, но его настолько повело от огня, что только на переплавку годен. Но у полицаев мы нашли немало оружия. Был даже один ППД, дисковый, только к нему лишь один диск, и патронов сотни две. В основном оружием полицаев были обычные «мосинки». Но и это хлеб, за неимением большего. Зато нашли каждому по пистолету. Как на подбор, два нагана и два ТТ. Патронов к ним, а они лежали убранными вместе с пистолетами, пара сотен.

Выезжать решили на технике. Один из парней, а точнее Олег, умел ездить на мотоцикле, к сожалению, машиной управлять не умел никто из бойцов. За руль этой малютки сел я, а рядом посадил Ивана, а то на мотоцикле ему, с его-то ростом, было неудобно, так как ехать нужно было в коляске, а тот в нее не помещался. Он и в машине-то переднее сиденье оторвал и уселся на заднем, вытянув ноги и положив перед собой ДП.

Жаль, карты у нас не было, все бы проще получилось. В машине я нашел какую-то, но она была явно старой, тут еще фронт нарисован в ста километрах от этой деревни, поэтому помочь она нам могла только одним, указать дорогу к болотам. Зато по этой старой карте я понял наконец, где вообще нахожусь. Это был восток Белоруссии, Гомельская область, до фронта, который сейчас где-то в Брянской области, километров двести.

Мотоцикл ехал впереди, машина сзади. Бензина было немного, но если до лагеря хватит, уже хорошо. По пути чуть не влетели на пост жандармов. Те как раз мотоцикл мыли в пруду возле леса. Окликнули нас, но мы только помахали им руками и продолжили путь. Хреново, конечно, что они нас видели, но меня волновало другое, не заедут ли они в скором времени

в ту деревню, где я побывал. Мы уже отъехали на километр примерно, когда я посигналил бойцам на мотике, показав остановку.

– Чего случилось? – спросил Олег, водитель мотоцикла.

– Ребят, надо жандармов вырезать. У них и форма, которая нам так нужна, наша уж совсем в неприглядном виде, таких немцев не бывает, и карты могут быть. А, кроме того, если они сейчас в деревню двинут, нас поймают очень быстро. Заметьте, кроме них здесь и нет никого.

– Так это ж только на дороге нет, – сказал Егор.

– По лесам фрицы не катаются, чего им там делать. Раз мы не встретили никого, значит, никого и нет. Это вблизи фронта могут быть и засады, и просто дозоры, а здесь... Чего им прятаться, они эту территорию своей считают.

– Ясно, – за всех опять говорил Иван Бортник. – Как будем действовать?

– Да подъедем сейчас, если они еще не закончили, тогда просто рубим их в винегрет, осматриваем и уезжаем. А вот если уже уехали, то будем догонять, хоть это и дорога назад.

Немцы все еще сидели возле пруда. Более того. Один из трех фельджандармов достал снасти, и фашисты рыбачили. Чтобы парни не наделали лишнего, я обогнал мотоцикл по обочине и подлетел к пруду первым. Нас заметили и замахали руками.

«Сейчас, подойдем, подождите только!» – подумал я, доставая из кобуры пистолет и перекладывая его в карман. На мне была немецкая форма, так же как и на одном из бойцов. Это мы раздели тех двоих фрицев, что я заколол на посту в деревне. Двое у нас были в форме полицаев, а Ивану, как самому большому из нас, ничего не досталось, он был просто укутан в плащ мотоциклиста. Вообще-то это палево, полицией в качестве водителя мотоцикла, но, думаю, скоро переоденемся. Показав парням на пистолет, дождался кивка и направился к фрицам. Те довольно весело приветствовали нас, я же издали только помахал рукой, говорить ничего не стал. Да я и знаю-то пару фраз по-немецки, чего я им скажу? Пруд был в стороне от дороги, метров сто до него. Когда между нами было не больше двух десятков шагов, я выхватил пистолет.

– Хенде хох! – заорал я, грозя стволом. Надо отдать должное выучке и храбрости жандармов. Ни один из них руки не задрал. Напротив, они как-то уж очень быстро рванули в разные стороны. Одного я свалил сразу, случайно попав тому в ногу, двух оставшихся свалили парни, просто догнав их. Отличился Егор, оказалось, он классный рукопашник. Местность здесь была открытой, поэтому времени терять было нельзя. Олег сливал топливо из мотоцикла фельджандармов, да там еще и канистра была, полная, Егор и Иван топили выпотрошенный нами байк. Почему просто не поменяли мотоцикл? Да ребятки начали его потрошить, я не встревал. У нас появился еще один МГ, несколько гранат, один «люгер», с запасом патронов и два МП-38. Тот шустрый, которого я случайно свалил пулей в ногу, оказался почти с Ивана ростом, поэтому тот переодевался, после того, как вылез из пруда. Карта была, а вот допросить мы фрицев не смогли. Нет, те не отказывались говорить. Это мы «отказались» их понимать. Никто из нас не знал немецкого. Зато форма досталась просто отличная. Эх, к этой суперформе с бляхой еще бы и знание языка, вообще бы катались здесь, как хотели.

– Так, ребятки, – начал я разговор, когда мы отъехали на несколько километров от места истребления жандармов, – мы так и не решили, вы что вообще делать-то собирались?

– Как это что? – опять Иван.

– Ну, поправили здоровье вы, от немчуры ушли, куда дальше?

– Так мы ж с тобой? Куда поведешь, туда и пойдем!

Я поперхнулся.

– Так ведь, ребята? – Все дружно загалдели.

– Так я же не командир вам, такой же красноармеец...

– Ты начал партизанскую войну, так и продолжай, мы с тобой. Обязуемся выполнять твои приказы...

– Э, нет, ребятаки, у меня ни опыта, ни знаний в этом деле нет. Давайте так, раз уж решили меня старшим сделать, то я буду руководить до того, как найдем кого-нибудь из командиров. А там уж как карта ляжет.

– А где мы их найдем? – это уже Саша спросил.

– Я вообще-то на лагерь рассчитывал, там уж явно кто-нибудь да будет...

– Вот это дело! – воскликнули бойцы.

– А справимся впятером-то? – спросил Иван.

– Подумаем, давайте вначале доедем до него, сходим, посмотрим, может, чего и придумаем...

Лагерь и правда был возле болот. Причем топь была с трех сторон, специально так фрицы расположились, чтобы никто сбежать не смог. Зато для нас это песец какое преимущество. Полицай тогда не соврал, вышек было всего две, больше тут и не поставить. Если только в ряд, одну к другой. Периметр был огорожен колючкой, плотно так, хрен уйдешь, а на сухом месте ворота. По разные стороны ворот вышки и стояли, а под ними барак для охраны. Мы сидели в овраге, метрах в восьмистах от лагеря и обдумывали нападение.

– Я думаю, лучше вечером напасть, внимание будет уже не то, охрана отдыхать будет, – объяснял я план. Просто один из наших бойцов предложил напасть ночью. – А ночью ни хрена не будет видно, пленные ломанутся кто куда, ищи их потом. Могут и в болото убежать.

– Я тоже так думаю, – произнес Иван. – Командир, я с ДП хорошо сработался, а кто из немецкого работать будет?

– Я и буду, немного уже изучил эту машинку. Тут тем более банки с патронами, а не открытая лента, мне удобно будет перебегать. Второй берите, кто хочет, от него главное создать плотность огня, а уж попадете в кого или нет, дело десятое. Сложность только одна, нам нужно зайти с фланга, чтобы наших в лагере не пострелять.

– Да уж. Я тут видел, справа низина есть, метров на триста можно подойти... – произнес Иван.

– Далеко, точности не будет, – покачал головой я. – Смотрите сюда, – я высунул голову из оврага и показал на дорогу. – Подъезд не прямой, дорога изгибается метрах в ста от ворот, там как раз вышки будут справа от нас.

– Ты хочешь ехать прямо к лагерю? – едва не вскрикнули сразу все бойцы.

– А что в этом такого? Мы все в форме, да еще и на нас бляхи фельджандармов висят. Никто не посмеет в нас выстрелить до того, как мы сами начнем.

– А как с машиной-то? Ты же за рулем будешь? – спросил Иван.

– Ты будешь держать пулемет так, чтобы, когда я остановлюсь, сразу подать мне его. Когда остановлюсь, открываешь огонь по дальней вышке, я по ближней. С мотоцикла бьют по казарме, лишь бы не по пленным. Как?

– А может, и получится, – парни ухмыльнулись.

– В любом случае мы сделаем все, что можем, но, я думаю, должно получиться.

Выбравшись из оврага, мы отползли к небольшой роще, где оставили технику. Проверили оружие, подготовили патроны. Мы с Иваном отрепетировали передачу мне пулемета, выходило хреновато, конечно, мне мешало стекло автомобиля. Немного поковырявшись, нашли способ, как избавиться от него. Оно просто снималось, поэтому решили сразу снять и не париться больше. Без стекла все выходило хорошо.

Фрицы службу несли на совесть. Едва мы приблизились на расстояние выстрела, немцы на вышках замерли, взяв пулеметы на изготовку. Я уж было хотел признать, что идея хреновая, но когда подъехали близко, то фрицы все же расслабились. Они еще непуганые сейчас, даже

не представляют, что кто-то из русских может к ним заявиться, да еще и в форме жандармов. Пулеметчики уже не целились, хотя и держали стволы наготове. Ну а мы, резко дав по тормозам, начали войну. Все же фрицы не зря половину Европы завоевали. Один из пулеметчиков, причем, сука, именно «мой», первой же очередью срезал нашего водителя мотоцикла. Тот ближе был. В ответ я скосил его самого, но опоздал. Ваня выступил отлично, на дальней вышке пулеметчик не успел ни в кого попасть, свалился с вышки, продырявленный пулями. Охрана уже выбегала из казармы, дергая затворы винтовок, а пленные рванули к воротам. Блин, не помешали бы только.

В три пулемета мы завалили всех солдат противника быстро, я даже банку не дострелял. Повезло нам в том, что вариантов для маневра у фрицев не было, сами загнали себя сюда, прижавшись к болоту, вот и получили. Когда мы подъехали к воротам лагеря, кто-то уже командовал, бойцы разбирали оружие охраны.

– Здравия желаю! – отдал честь я подошедшему ко мне бывшему пленному. По виду, внешность подсказывала, тот явно был командиром.

– Да брось ты, хлопец! – в ответ услышал я. – Спасибо вам огромное, ребятаки.

Я растерялся, а ситуацию усложнил еще один подошедший.

– Здравствуйте, товарищи, вы кто? – Вот этот мне чем-то не понравился. Не то чтобы я его во враги сразу записал, просто какой-то неприятный человек.

– Бойцы Красной Армии. Временно сменили форму на вражескую, чтобы можно было эффективнее действовать на территории врага. Своя убрана.

– Ясно, из какой части? – продолжал допрос неприятный человек.

– Слушай, особист, давай позже, лады? Надо валить отсюда, да побыстрее! – вновь проговорил первый, тот, что благодарил. – Ребят, я капитан Красной Армии Фролов, Михаил Григорьевич. Командир батальона семьсот шестьдесят четвертого пехотного полка, двести тридцать второй стрелковой дивизии. Это мой особист, Кривошеин Александр Семенович, все вопросы потом. Я так понимаю, техники у вас нет?

– Только эта, – развел я руками, показывая, чем богат.

– Лады, что тут рядом есть?

– Фрицев в округе нет, днем только жандармов встретили, мотоцикл мыли у пруда, вот, положили их и сюда рванули. Километрах в десяти, может чуть дальше, я могу по карте показать, есть гарнизонные склады и реммастерские немцев. По данным, полученным от пленного, охрана там небольшая, взвод примерно. Хотели совершить нападение на него.

– А вы что же, боец, к фронту идти не собираетесь? – вновь спросил особист.

– Честно? – поднял бровь я, плюнув на субординацию. – А вы хоть знаете, где этот фронт? Я вот, – я ткнул себя в грудь пальцем, – знаю. Не в лагере был.

– Ты не забывайся, боец! – одернул меня особист, но меня уже понесло. Видно, все мои страхи, с самого первого дня войны, полностью ушли в прошлое, и я обрел сам себя.

– Товарищ особист, или мне, может, обращаться гражданин?

– Андрюх, – дернул меня за рукав Иван.

– Как вы попали в плен, гражданин особист? Почему на вас форма красноармейца? Молчите, вот и молчите себе. Документы у вас где? Так что это я тут боец Красной Армии, а вот кто вы, я не знаю!

– Слушай, Саш, ты, правда, чего тут разошелся-то? Не у себя в отделе, чай. Парень-то прав, мы ведь в плену были! – взял слово капитан.

– Товарищ капитан, вы бы людей послали у немцев архивы забрать, нужно все сжечь, да и принимайте командование. Решите идти к фронту, пойдем к фронту. Ваше право, вы командир.

– То, что ты говоришь, дело. А вот насчет того, куда идти... – задумался капитан. – Склады это очень заманчиво. Это все же помощь нашим на фронте!

– Я вообще, товарищ капитан, хотел предложить остаться здесь, ну, точнее, уйти в леса и партизанить. Много задумок есть, чуть позже могу поделиться.

– Так и сделаем, я пойду строить людей, вы давайте вперед, нужно уйти как можно дальше, желательно найти лес.

– Он тут километра в пяти, может, шести. Причем серьезный, спокойно укроемся.

Мы на технике так и пошли дозором. Правда, вначале пришлось быстренько похоронить Олега. Парни переживали, они-то его знали уже давно, это для меня он был незнакомым до встречи в деревне. Жаль, что потери начались так рано.

Мысли свои я все же озвучил командиру. Ведь на самом деле, зачем рваться всеми правдами и неправдами к своим? Здесь непочатый край работы. Мосты, лагеря военнопленных, склады фрицевского добра. А ведь еще можно замахнуться и на поезда, пускать под откос вражеские эшелоны, это ж сколько пользы принесем! Если будет взрывчатка или какие-нибудь авиабомбы, можно дороги минировать. Да что там говорить, просто перемещаться по занятой противником земле и уничтожать разного рода мелкие подразделения нам вполне по силам. Конечно, против полка солдат, да еще и с техникой, нам выступить не с чем, но жандармы, ремонтники, охрана лагерей – все нашими будут. Вот раздобудем технику, увеличим отряд за счет лагерников и развлечемся, я думаю. Недолго фрицам спокойно спать, главное, чтобы командир оказался адекватным. Сейчас, в сорок первом, громить вражеские тылы самое подходящее время. Немец вообще непуганый нынче, на нас во вражеской форме никто и внимания не обратит, будем делать что захотим.

Разум командира все же возобладал над приказом. Капитану Фролову понравилась моя идея устроить немцам в тылу АД. В основе своей здесь все же тыловые подразделения. Охранные есть, но их на весь тыл не хватит. Кто еще? Второй, третий эшелон? Их могут пригнать, но тогда на фронте будет жопа. Причем не нам, а именно фрицам. Ведь у них все посчитано, сведен баланс. Любые перестановки в войсках, привлечение запасных подразделений к войне у себя в тылу оголяет фронт. Помните, что получилось, когда Гитлер приказал Гудериану повернуть на юг? Точно! Немцы, раздергав силы, не смогли взять Москву. Так вот и будем помогать врагу, распылять свои силы по своим же тылам, пытаясь поймать нас. Конечно, поймают. Я даже больше скажу, уничтожат. Только вот не сразу, правильно?

Капитан Фролов с виду мужик умный, если не попадет под влияние своего же особиста, будет хорошо, а с представителем особого отдела мы каши точно не сварим, если не сможем переубедить, а это непросто.

Сидеть и отдыхать – это лучше, чем бегать и стараться не умереть. Сняв сапоги, я дал наконец отдохнуть своим натруженным ногам. Эх, как там моя Валюшка, ее бы сюда, такой массаж делала, после него хоть десять километров по пересеченке бегом беги. Интересно, забеременела она все же или как? Возможность была, причем не раз. Только бы фриц не дошел до той деревеньки, где я ее оставил. Надеюсь, у немцев ведутся какие-то подсчеты, кто, где и сколько украл, зачем им туда возвращаться, если все и так выгребли? Деревенька маленькая, я рассказывал, после единственного налета фрицев, там никакой живности у крестьян не осталось. Ну, кроме коровы, что из леса сама вышла к людям. Если Валюшка там и родит, будет малышу что кушать, окромя мамкиного молока. С коровой в деревне жить можно, главное, конечно, чтобы фрицы не вернулись.

Обо всем на свете думал я в минуты отдыха. Вспоминал, как был салагой, боящимся даже стрелять из винтовки в сторону немцев. Ранение мне помогло, бесспорно. А еще помог Леха. Если бы тогда он не кинулся к танку со связкой гранат, я бы ни за что сам на такое не пошел. А итог очевиден. Я хоть и получил тяжелое ранение, но нашел Валюшку, точнее она меня нашла. А самое главное сейчас, на войне, я обрел наконец силу сопротивляться страху.

Животному страху, который появлялся откуда-то изнутри, заставляя меня бояться. Ведь вон, как сейчас. Ребята, что ко мне теперь обращаются как к командиру, сами выбрали меня на эту роль. Значит, я хоть немного, но соответствую этому званию, раз меня люди слушают. А слушать и слушаться это разные вещи.

Возле леса, который я указал капитану как место встречи, было тихо и безлюдно. Мы успели и переговорить, и перекусить даже, прежде чем бывшие пленные притопали сюда. Капитан навел в этом стаде порядок, шли четко, колонной. Это они в плену расслабились и после освобождения вели себя как стадо, сейчас уже все в порядке. Но с особистом, я думаю, мы намучаемся. Сложный человек, да еще и я как идиот язык вывалил, наехал на него при всех. Не простит, когда выйдем к своим, ой не простит.

Из бывшего лагеря для военнопленных мы уехали не пустыми. Капитан попросил положить в машину и мотоцикл запасы еды, что нашлись у немцев. Странно, но кухни полноценной там не было, лишь три котла, но внушительных. По приходе отряда, а теперь пленные выглядели именно как отряд, начали углубляться в лес. Проехать на технике удалось метров двести, здесь ее оставили, замаскировав. Отряд шел дальше, забираясь поглубже в чащу. Устроились в хорошем таком овраге, метров сто пятьдесят в длину и пятьдесят в ширину. Кто-то сразу начал рыть землянки, командир сказал, что ночами очень холодно, кто-то ушел в охранение, заняты были все. Я с ребятами из деревни разводил костры. Капитан быстро отрядил несколько человек именно для работы по кухне. Пара бойцов ушла глубже в лес искать воду, ручьи тут есть, мы даже прошли несколько, правда, мелких. Спустя час суеты капитан с особистом вызвали нас с ребятами на разговор. Был он недолгим, уложились в двадцать минут. Капитан рассказал, что они добыли свои документы, я только удивился, узнав, что у командиров при пленении они были при себе. Почему их не отправили в лагерь для комсостава? Как объяснил капитан, практически все пленные были бойцами одного подразделения. Их окружили всех вместе в одном селе и вынудили сдать. К тому времени у бойцов закончились последние боеприпасы, и сопротивляться далее было бессмысленно.

– Осуждаешь? – искоса посмотрел на меня капитан.

– Кто я такой, чтобы осуждать вас, товарищ капитан? Что сделано, то сделано. Зато теперь вы на свободе и собираетесь громить врага, так что, думаю, вы правильно поступили.

– А вот он считает, что нет, – указал командир на особиста.

– Это его воля. Так уж его учили, должность не позволяет по-другому взглянуть на это дело.

– Да, мы сдались, я тоже сдался, причем надел форму с убитого бойца, – начал говорить особист, – трибунал, вот что я заслужил.

– Ну, шлепнут вас, товарищ лейтенант, – тот был с лейтенантскими кубарями в петлицах, а мне было проще назвать его именно по званию, – кому легче от этого будет? Стране? Бойцам? Нет, когда умирают бойцы и командиры, легче становится только врагу. Потому как меньше остается тех, кто умеет воевать.

Из меня долго еще лился поток красноречия, а под конец беседы мы с особистом еще и руки пожали. На самом деле, он нормальный мужик был. Просто он считал, что все мы винюваты, раз сдались в плен, такая уж была линия партии. Кстати, нас он тоже посчитал сбежавшими из плена. У моих ребят из деревни тоже были документы, но вот у меня еще и указано в них было, что я действительно был ранен. Особист долго качал головой, даже попросил растегнуть гимнастерку и посмотрел на шрам. Я ему еще и ноги показал, посеченные. Он вначале было сник, бросив что-то вроде:

– Вот видишь, ты чист перед Родиной, – но потом разошелся и заявил, что будет бить врага до последней капли крови!

На что я заметил:

– Бить нужно до последней капли крови врага, а не своей! Я вот почти с первого дня на фронте. Хотя и видел немного, но насмотрелся на политруков, призывающих умереть за Родину. Считаю, что это и есть самые настоящие враги народа. Если все будут рваться в бой, только чтобы умереть, пусть и за Родину, кто воевать-то будет? Старики и бабы с детьми?

– Да, этот вопрос как-то не продуман. Неладно что-то в политуправлении, это многие понимают.

– Да потому что там враги и сидят, – брякнул я, мы все наедине были на ты, – а таким, как ты, надо ТАМ работать, а не среди бывших крестьян искать врагов.

Готовили еду, чтобы накормить такую прорву солдат, всю ночь. Повар с помощниками с ног сбился, но все же как-то умудрился всех накормить. Только вот другая беда, назавтра готовить уже и не из чего. Припасов-то у фрицев в лагере было всего на взвод, а нас тут под двести рыл, да еще и голодных как волки. Капитан, собрав еще с вечера себе штаб из младших командиров, рассудил так:

– Завтра выходим на гарнизонные склады. Во-первых, надо спешить, пока буча не поднялась, а во-вторых, есть нечего. Кажется, что это будет вообще главной заботой на все время.

Я еще вчера у него спрашивал, как немцы менялись в лагере. На что командир отвечал, что так и не поняли, слишком хаотично все было. То каждый день ездят, а то и по три дня пропадают. Даже не похоже на немцев, с их-то порядком.

Выдвинулись рано утром. Бойцы все голодные, чего им этот один прием пищи, когда они в лагере подошвы ели. Не знаю, дойдем ли. Да, я тоже иду. Машину у нас забрали отцы командиры, ладно хоть послушались и мотоцикл оставили для дозора. Меня туда не поставили, да я и не просился. Вообще, меня и парней, которые и вытащили пленных из лагеря, как-то быстро затерли в общий строй, хотели еще и разоружить, но тут уж мы уперлись.

– Вы, товарищ командир, командуйте, а вот на оружие не зарьтесь. Я его не для продажи несусь, воевать вместе будем, но мы его себе добыли, нам с ним и воевать.

Конечно, пытались давить званием, да только без особой охоты, ну и мы не сдавались. Топали сейчас вчетвером, остальные бойцы на нас поглядывали, чаще с одобрением. Идти на самом деле было не очень и далеко, хоть мы и отклонились слегка, когда вчера к лесу ушли, но расстояние было не больше двадцати километров. Выйдя с места ночлега, к складам прибыли к полудню. До этого бойцы, назначенные дозором, съездили на мотоцикле на разведку. Фрицев в прилегающем селе было много. Для нашего отряда много, ведь у нас почти нет оружия. Там были два танка и два бэтэра, солдат до двух взводов. Я сначала ругался тихо на обманувшего меня Сашко, но потом встрепелся, когда узнал, что на самих складах, кроме техников, солдат и нет вовсе. Наши пленные были за рабочих, а командовали ими немецкие технари. Меня вызвали к командиру, в надежде отжать оружие для атаки. Обрадовавшись тому, что выдался момент поговорить с командиром, я выступил:

– Разрешите пойти на склады нам с ребятами. Мы сами все сделаем, шум тут не нужен. А вот когда захватим мастерские, там ведь и оружие должно быть, и техника какая-никакая, тогда и на село идти можно.

– Пойдем все вместе, – скривился от моих предложений капитан.

– Товарищ капитан, я начинаю думать, что мы зря вас освободили. Вы что, так торопитесь умереть? А бойцы-то простые при чем? Не кричите на меня! – это я прервал его, когда он начал заводиться. – Не поможет. Вот выйдем к нашим, когда-нибудь, тогда можете хоть в трибунал подавать. А пока я не дам просто так гробить бойцов за ваши амбиции. Покомандовать захотелось?

Я понимал, что наживаю себе сильного врага, но мне было пофигу. Я вообще уже начал думать о том, как свалить из этого отряда. Ведь командир реально не очень умный человек, хотя, может, просто упрямится, не желая слушать простого красноармейца. Этим я подорвал его авторитет.

Все же с головой он немного, но дружил. Приказал идти нам четверым и дал еще шесть бойцов, что были при винтовках. Когда отошли от места, где собрался в ожидании отряд, я сразу переговорил с этими бойцами.

– Так, мужики, давайте начистоту, – остановился я, – вам что приказали?

– Захватить склады...

– Вот, давайте это и сделаем, только без стрельбы, хорошо?

– Как это? – возмутились бойцы.

– Вам что, пострелять захотелось? Захватим склады, у вас будет такая возможность, что надоест успевать. В селе чуть не рота фрицев, настреляетесь еще. Вы идете на подстраховке, пока мы с ребятами будем работать, вы просто следите за тем, чтобы к нам не подошли, застав нас врасплох. Мы договорились?

Бывшие пленные переглянулись, но закивали. Когда мы с ребятами уже поползли вперед, кто-то из них бросил вслед:

– Капитан об этом и говорил, не будет он приказы выполнять...

Так или иначе, но я хотел сделать все по-своему. Чуть удалившись от «помощников», мы быстро накинули на себя фрицевские френчи. Переглянулись и рассмеялись.

– Ты, Мороз, или далеко пойдешь, или тебя свои же пристрелят! – весело заметил Иван Бортник.

– Да пофигу, Вань, – серьезно ответил я, – успел я уже повидать всякого. Я иду врага резать, а что обо мне будут думать ТАКИЕ командиры, мне все равно. Да и если честно, я не собираюсь жить вечно, особенно на такой войне.

– Тьфу на тебя три раза, помирать он решил! – сплюнул и выругался Иван, а все остальные ребята были с ним солидарны.

Разговаривать больше было некогда, мы уже подходили к ограждению, забору точнее, МТС, на которой и были размещены мастерские и склады. Работать решили ножами, кроме меня, это умеют делать Иван и Егор, Сашка будет на подстраховке. Дальше началось просто истребление младенцев. Фрицы-технари, по большей части обычные немолодые мужики, имели при себе только пистолеты. Всего на территории их было восемь человек, вот всех восьмерых мы и зарезали, не побоюсь этого слова. Просто зайдя в здание, что попалося первым, убили одного немца и опросили работягу, что там был. Рабочий был военнопленным и рассказал все о численности механиков и охране, которая была в селе. Причина, по которой охраны не было в самих мастерских, была проста. Село стояло в трех сотнях метров отсюда. Даже простой крик привлечет внимание. Узнав от пленного места нахождения всех техников, просто вырезали их за пять минут. Наши бойцы, что выполняли здесь черную работу, просто впали в ступор при виде такой картины. Еще бы, немецкие солдаты режут своих же соотечественников. Позже, конечно, все поняли, говорили-то мы по-русски, но вначале испугались.

– Кто старший у вас? – спросил я рабочих, собрав всех вместе.

– Так я за старшего, – из строя вышел один мужичок, лет сорока на вид. Его тощая фигура под ватником с чужого плеча смотрелась смешно.

– Как звать?

– Анатолий Николаевич, – ответил старший.

– Слушайте меня, товарищи. Через несколько минут сюда придут наши бойцы, их нужно вооружить, мы хотим отбить у фрицев село, чтобы иметь возможность взять склады. Мы, можно сказать, партизаны. Нам требуются припасы, это и оружие, и еда. Если кто-то из вас не желает участвовать, осуждать не стану, только попрошу не мешать, идет?

– Так мы все согласны, только оружие дай!

– А что ж сами-то не брали? Тут и фрицев-то было ноль-ноль да хрен повдоль!

– А на кой нам оружие без патронов? – ответил старший, а я вдруг впал в ступор. Ну, конечно, чего фрицам охранять этих работяг, если им патронов взять негде. А без патронов что они тут сделают?

– У нас есть немного, да сейчас еще и отряд подойдет, там тоже немного наберем. Черт, как же так-то? – последнее я сказал себе под нос, но Анатолий услышал.

– Есть снаряды в одном танке и бэтэере. Бэтээр вообще хорош, там зенитный пулемет стоит, как пушка!

– А почему их не «раздели»? – удивился я.

– Там движкам хана, куда они денутся, все равно не поехать.

– А есть танк или бэтээр на ходу?

– Танк есть, такой же, «двойка». Снаряды перегрузить недолго. С зениткой сложнее.

– Да уж, а вы сможете выкатить ее из бокса так, чтобы из нее можно было стрелять по селу?

– Только танком.

– Да хоть бы и танком!

– Тогда надо бежать скорее, заправлять, – вскочил со своего места тот старший, что вел со мной беседу, – а то фрицы скоро приедут. Они всегда после обеда приезжают.

– Начали, ребята! – скомандовал я и рванул наружу из бокса.

Тем шестерым, которых капитан послал с нами, я велел передать о захвате складов и сообщить, что мы ждем немцев, пусть поторопятся.

Не успели. Немцы приперлись раньше. Хорошо, что это были всего два мотоцикла, одиночки без колясок, а соответственно и пулеметов. Что им надо было, мы, естественно, не спрашивали, дождались, когда те спешатся, и несколькими выстрелами из винтовок уничтожили их. Мы не стали пускать в ход пулеметы, пригодятся еще, да и шумят они куда громче. В селе начиналась возня, немцы действовали по инструкции. Появилась непонятка, посылают дозор. В данном случае это были бэтээр и грузовик с пехотой. Танки, видимо, не посчитали нужным отправить. Нам это было на руку. Работяги, конечно, еще не успели выкатить зенитку и танк на позицию, но двое из них приперли «максим», пришлось патронами делиться, и в три пулемета мы встретили врага. А через десять минут боя появились и наши основные силы. Капитан развил бурную деятельность, пришлось вновь его немного осадить, так как вообще-то бой идет. Бэтээр начал пятиться, грузовик с пехотой мы подожгли сразу.

В отряде были и танкисты, так что сейчас ребята активно изучали технику, одновременно буксируя бэтээр с зениткой на ту позицию, что присмотрел капитан. Немцы тоже не сидели в селе сложа руки. Если прислушаться, то можно было услышать даже звук танковых двигателей. Капитан был рад настоящему делу, глаза горели. Как еще он не рванул в атаку, даже не понимаю.

Танкисты у нас оказались на удивление опытными. С ходу зажгли выезжающий из села Т-2, попав прямо в мотор. Немцы пошли в атаку пешком, стреляя из всего, что было, но мы были в чуть более выгодной позиции. Бывшая МТС стояла на пригорке, поэтому нам стрелять было даже удобно. Только одна проблема была, боезапас. Он подходил к концу, а взять его было неоткуда. И вот тогда... Да, капитан поступил в принципе неглупо, а так, как было единственно возможно в данной ситуации. Он погнал нас на врага. Мне еще повезло, я был пулеметчиком, бежать на врага мне не пришлось, стрелял, находясь на хорошей позиции. Боеприпасы у меня еще были, да и тут надыбал немного, к немецкому-то пулемету патроны были. Я старался. Старался изо всех сил хоть как-то помогать наступавшим бойцам, пока они бежали к селу. Фрицы ведь не дураки, они не стали стоять в чистом поле, а откатились назад, к домам, и постреливали из укрытий. Наши танкисты, уничтожив последний танк фрицев, ему так вовремя зенитка сбила «гусли», что тот подвернул нам свой борт, пошли вперед. Зенитка долбила на расплав

стволов, пока были снаряды. Думаю, сельчанам хана, тем, кто в крайних домах жил. Намолотили наши столько, что что-то плохо мне стало от увиденного.

– Ну что, Морозов, говорил я, нужно сразу всем отрядом идти! – Когда я пробежал мимо капитана, тот меня остановил. Ему сейчас голову бинтовали, осколком зацепило чуток, но ничего, даже храбрится.

– Виноват, товарищ командир, не учел, что подкрепление подойдет не сразу, плюс проверки фрицев. Кто ж знал, что они заявятся, как только мы охрану вырежем? Ведь мы-то все правильно сделали.

– Да, молодцы, но видишь, как вышло... Половину состава уже потеряли, а село еще не отбили. Фрицы могли связаться со своими и попросить помощи. Нужно заканчивать скорее, брать, что можем, и деру в лес! Если, конечно, будет к тому времени кому отходить.

– Надеюсь, а в селе-то, похоже, заканчивают, – прислушавшись к стихающей стрельбе, сказал я. – Фашистов там и было-то немного, только что техника...

– Вот именно, техника! Но если бы вы не позаботились о танке и зенитке, хрен бы что вышло. Так что все одно молодцы! Ты сейчас куда бежал?

– Да хотел слева тот длинный дом обойти, пулеметчик там уж больно дерзкий.

– Давай, сколько там еще наших бойцов ляжет из-за таких дерзких пулеметчиков!

Мы сейчас лежали возле одного дома, подошли-то мы уже вплотную, кое-где наши в самом селе быются. Надо бежать.

До дома с дерзким пулеметчиком я так и не дошел. Кто-то его и без меня завалил. Я нашел по пути своих друзей, можно их и так называть, хорошие парни, да и повоевали мы уже вместе. Осторожно пошли зачищать дом за домом. Стрельба уже совсем перешла на пистолетную, редкая такая. Интересно, кого фрицы в помощь пришлют? Вряд ли танки, долго это. Мы тут пленного допросили, точнее, я лишь слушал, как допрашивали, так говорит, ближайший гарнизон второго эшелона, который обладает техникой и людьми, где-то в тридцати километрах. Даже если мгновенно выехали и то нескоро будут. Зато мы, захватив село, сразу стали обладателями большого количества боеприпасов и техники. Тут столько грузовиков было... Даже целые после такого боя остались. Жаль, танк всего один целым захватили. Теперь у нас их два. Та «двоячка», что «сделала» весь бой, цела и почти невредима. Ранен был только один из танкистов, контузило близким разрывом снаряда. А так ничего, «гусли» побитые поменять и в путь. Все вроде, основной бой закончен, сейчас будем «чистить».

Село обошли быстро. Много было разбитых домов, к сожалению, попадались и убитые гражданские. Не разберешь сейчас, кто их, мы или фрицы, но неприятно, что и говорить. Понимаю, что по-другому было никак, но гложет что-то внутри. Но, думаю, мы если и убили кого, то немногих. В крайних домах, с той стороны, откуда мы наступали, местных жителей и не было, одни фрицы.

Трофеев немало, тем более нас теперь меньше, осталась едва сотня бойцов, а может, и меньше, еще не считали. Очень много убитых. Фрицев тоже накрошили прилично, кругом трупы. У нас погиб особист, сунулся с бойцами в один дом, а там какой-то важный фриц отсиживался, то ли полковник, то ли подполковник, но отбивался он ожесточенно. Положил шесть наших бойцов и особиста, прежде чем его самого грохнули, тупо забросав гранатами. В доме рядом с трупом нашли кучу сожженных документов, успел, сука, сжечь, наверняка что-то важное.

Так уж вышло, что капитан предложил, именно предложил, взять на себя разведку. Людей мало, поэтому в разведотделение вошли только мы вчетвером. Решил не выделяться, отказываться не стал, только попросил вернуть машинку, на которой мы приехали, когда отбивали лагерь. Маленькая, полноприводная, нам в самый раз. Правда, не хватало сиденья, но мы все же уместились, проблема была с этим только у Вани Бортника. Ну и здоров же он! Я был за водителя, пулемет отдал Егору, справится. Себе же после штурма села я прибрал вин-

товочку, да не простую, а с оптикой. Давно хотел попробовать, какой бой будет с прицелом, вот и появилась возможность. Пришлось, правда, немного повозиться, винтовка немного покоцанная была, даже удивлялся, что прицел остался целым. Винтовка наша, «мосинка», тяжелая, конечно, но опробовав ее возле села, пришел в восторг. Я ведь уже воевал с винтовкой, разница есть, знаете ли. Дело даже не в оптике, тут сама винтовка была другой, более качественно собранной. Читал как-то, на них и стволы специально отбирались. Пострелял сначала без прицела, на сотню метров, бой обалденный. Закрепив оптику, начал пристреливать и просто влюблялся с каждым выстрелом. Метров до трехсот я, наверное, врагам прямо в голову смогу попадать, после тренировок, конечно. Очень хорошая винтовка оказалась.

Капитан сгреб со складов все, что смог упереть. Пару машин даже на буксир взяли, мало ли, сломается какая, хоть будут запчасти. Самое главное, был топливозаправщик, причем с наполовину полной бочкой. Горючки много у нас, танки, правда, жрут много, но мы ведь не собирались рейды устраивать по несколько сотен километров.

Также появилась артиллерия. Две гаубицы, наши, МЛ-20, да пара немецких ПТО. Снарядов ко всему хватало, так что повоюем. Минометов взяли аж шесть штук, немного неудобно было только из-за того, что они почти все разные. После сбора всех трофеев командир за голову схватился, что теперь нам людей не хватало. Я сунулся было с советом, но был послан. В том смысле, что капитан и без меня сообразил, что делать. Сейчас приказ простой, ищем хороший лесок, чтобы можно было на технике спрятаться, а потом я со своими разведчиками еду в рейд по округе, искать еще лагеря с военнопленными. Должны тут такие быть, не могут не быть. Столько в первые месяцы в плен народа попало, что обязательно найдем кого-нибудь.

– Приказ понял? – Я смотрел на командира и кивал. Мне только что, с тех пор как назначили в разведку, поставили первую, важную задачу. – В соприкосновение не входить, в перестрелки не ввязываться, за вами люди, помни об этом. Если вас где-то убьют, все мы попадем в руки немцам, так как не будем знать, где вы и что с вами. Ясно?

– Ясно, товарищ капитан, разрешите выполнять?

Тот молча кивнул и ушел к себе в палатку. Ну а нам отправляться в путь-дорожку. Не сейчас, с утречка, сейчас мне просто задачу поставили.

Лес мы нашли прекрасный, еще и с речушкой, бежавшей прямо через него. Отмахав тогда километров пятьдесят от разгромленного нами села, мы нашли то, что искали. По пути видели только самолеты противника, что пролетали чуть в стороне. Может, это уже нас ищут, надо торопиться.

В лесу капитан успокоился немного и начал налаживать воинский быт. Тяжко, конечно, народу мало, а вещей хапнули ого-го. В маскировке приняли участие все, не только повара, но даже и мы с ребятами, хотя и собирались уходить. Вроде получилось удачно. Задача стояла укрыть технику от возможного поиска с воздуха. В этом, как ни странно, помогла дорога, что была накатана возле этого леса. В другом случае подумал бы, что это опасно, размещать лагерь вблизи дороги, по которой периодически передвигается противник, но не в нашем случае. Можно было бы заехать в лес и со стороны поля, но в таком случае нас точно бы обнаружили быстро. На поле, после прохода такой колонны, остались бы следы, прекрасно видимые с воздуха. А так ехали мы по дороге, ехали и вдруг пропали, свернув в лес. Вряд ли кто-то будет рассматривать едва видимые следы, ведущие в лес, возле очередного болота. Да и замаскировали их позже. А когда увидели, как по дороге спокойно, без остановки прошла колонна машин, вздохнули с облегчением. Колонну мы не трогали, а то опять бы пришлось менять место дислокации, просто проводили взглядом. Зато своим проходом здесь фрицы скрыли наши следы.

Вообще, бой в селе как-то расшевелил людей. Несмотря на огромные потери, эти, вчера еще военнопленные, воспряли духом. Мимо кого бы ни проходил, отовсюду слышалась бравада

и обсуждения прошедшего боя. Мне же, в свою очередь, вновь вспомнилось, как я воевал в начале войны. Пока лечился, как-то привык, что всегда один, ну, с Валушкой, конечно. А тут вновь в составе отряда, настоящий бой, блин, накатило что-то. Я-то по меркам многих из бывших пленных уже бывалый, повоевал, даже ранен был. А на самом деле, мне так же боязно, как и всем, ведь не боятся только дураки. В селе, всего в пяти метрах от меня, чем-то крупным бойцу попало в голову. Тогда я просто отвернулся, даже не вырвало, перестаю реагировать, но вот сейчас, когда отходил от горячки боя... Картинка так и стоит, причем, зараза, вижу все в подробностях, как в замедленном кино. Вот что-то темное ударяет бойца чуть выше брови над левым глазом, и он застывает, а сверху в каске вдруг появляется дыра и сквозь нее вылетают какие-то ошметки. Сейчас-то я прекрасно понимаю, что у него череп взорвался, и от этого меня крутит. Блин, вот все же «накрутил» себя, не удержал.

– Отдышался? – услышал я голос Ивана.

– Почти, – бросил я, не поднимая глаза, – чего хотел-то?

– На, глотни! – мне подсунули под нос флягу. Узнаю ядреный запах спирта. Не хочу, но друзья подбадривают.

– Все, все, в норме я...

– Конечно, в норме. Весь ужин на земле, – Бортник покачал головой. – Там капитан тебя искал, приведи себя в порядок и к нему.

– Понял, – сказал я в ответ и стал искать глазами, из чего бы умыться.

– Ведро у палатки, Егор только что принес, водичка свежая, – понял меня Ваня.

Умывшись и поправив гимнастерку, пошел к командиру. По пути с интересом наблюдал, как бойцы обустраивают лагерь. Причем был удивлен тем, что никто над ними не стоит, не указывает, все как-то сами понимают, что надо делать. Удивительно. Как попал сюда, не перестаю удивляться. Надо же, какая разница между людьми середины и конца века, пропасть просто. Пригони сюда сейчас сотню охламонов из будущего, усядутся и будут ждать, когда им подскажут, что и как нужно делать. Да и это еще не все, сначала спросят, что им будет за их работу. У-у-у, поколение менеджеров.

– Чего-то ты зеленый какой-то, – встретил меня командир, – сожрал, что ли, чего?

– Наоборот, – коротко выдал я и посмотрел на командира.

– Слушай, хочу тебя прямо сегодня в разведку послать, ты как, самочувствие позволяет? Просто неохота ждать до утра, вдруг и сегодня чего-то найдешь!

– Готов, конечно. Для первого раза, пока окрестности не изучили, пешком пойдем.

– Конечно, пешком. А ты думал, я вам машину вернул в разведку ездить? Это так, имуществу перевозить, когда колонной идем. Ножками нужно бегать, ножками.

– Ну да, волка ноги кормят... – пробормотал я.

– В точку! – заключил капитан. – Смотри сюда...

Склонившись над картой, правда, перед этим спросил у меня, понимаю ли я в картах. Удостоверившись, что я ее легко читаю, начал ставить задачу ротный, или комбат? Блин, я даже не знаю, кем назвать командира. Вчера у нас был батальон, хоть и неполного состава и разношерстный. А сегодня меньше роты. Пусть будет ротным.

– Смотри, это вражеская карта, забрали из тех вещей, что сгореть не успели у того бойкого полковника. – О, значит, точно полковник был, а я еще сомневался. – Вот тут мы, – капитан указал точку на карте, – а тут вроде как лагерь, я не пойму точно обозначение. Но если судить по отметке, которая находится на месте нашего бывшего лагеря, то сходится. Разница небольшая, но общий вид тот же, – я кивнул.

– Километров пятнадцать на север? – прикинув примерно, согласно масштабу, озвучил я.

– Да, где-то так. Вы как, осилите за ночь?

– Думаю да, если сейчас немного поспим. Все же люди устали...

– Давайте, – теперь кивнул ротный, – сейчас спать, в девять выходите. Я распоряжусь, чтобы вам пожрать оставили.

– Хорошо. Задача? – я по-деловому был короток.

– Только наблюдение. Если сможешь, зарисуй план лагеря, позиции врага. Если мое предположение верно, то освободив этот лагерь, мы получим сразу большое количество бойцов и командиров.

– Какое предположение? – брякнул я и осекся. Блин, ну не ведут себя так в этом времени. Боец по отношению к командиру должен иметь вид придурковатый и лихой...

– На отметке, что означает наш лагерь, стоит цифра 300, а на этой 1000!

– Думаете, количество?

– Так нас и было изначально почти три сотни. Одни от ран умерли, другие с охраной поцапались. Представь, если здесь хотя бы половина от того, что написано...

– Представил, – кивнул я и вновь брякнул, – где нам ораву такую прятать, представил. И кормить чем, тоже представил.

– Ты брось давай свои хохмочки, – посерьезнел капитан, – это наши бойцы и командиры, нужно их освободить. Дальше не тебе думать. Сохранить вас в боеготовом состоянии моя забота. Твоя на данный момент – разведка. Все ясно?

– Ясно, товарищ командир. Вопрос можно?

– По существу?

– Да. Карту дадите?

– Перерисуй себе кроки. Она у меня одна. Кстати, может, где достанешь по пути?

– А как же не вступать в соприкосновение? – улыбнулся я.

– Ну, так соображай, боец! Здесь, в окрестностях нашего леса, не нападай на фашистов. Да что я тебе объясняю, немаленький уже. И вот еще что, рация у нас есть, немецкая. Ради-ста я озадачил, изучает сейчас. Рация мощная, сразу понятно. Не знаю, может, и до Москвы можно докричаться. Но сейчас не об этом. Возьмешь перед выходом частоты, радист наверняка успеет понять, как ей пользоваться. Если найдете где-то передатчик, то сможете доложить нам прямо оттуда. Только открытым текстом не передавай, придумай, чем заменять слова, кодировку какую-нибудь, только так, чтобы поняли тебя. Да, попросишь радиста объяснить тебе, как на ключе работать. Лучше бы ограничиться азбукой Морзе. Уразумел?

– Да, – кивнул я, а сам подумал, как добыть карту, рацию и при этом не вступать в соприкосновение? Да уж, это армия, тем более на войне. Командир сказал надо, боец ответил ЕСТЬ!

Спать это хорошо. Особенно, когда тебе не мешают. Тут же, блин, такой шум стоит, что я даже подумал грешным делом о том, что надо быстрее сваливать. Как бы немчура сюда не нагрянула. Вокруг стоит гомон, стук топора и визжание пилы. Блин, я понимаю, обустроятся, но надо же как-то поскромнее себя вести во вражеском тылу!

Как и ожидал, напутствовать нас пришел командир нашего... отряда, блин. Вот ему и высказал все, что думал по поводу маскировки.

– Вы что, хотите, чтобы вас прямо здесь, с воздуха накрыли, товарищ капитан? – Тот вновь недовольно уставился на меня.

– Что еще?

– Бойцы так шумят, что их, наверное, в Берлине слышать! – Тот посмотрел на меня, потом вдруг махнул рукой и развернулся уходить.

– Вот и поговори с тобой! Давайте, удачи...

И мы отправились в путь. Вот я уже и подрос немного. Не в звании, так в должности. Все-таки в разведку назначили. Кстати, а знаете за что? Командиру донесли, как я с ребятами немцев резал на МТС, тот, говорят, обалдел слегка, но сообразил, что мы готовая боевая единица, и использовать нас нужно с умом. А где еще? В разведке, конечно.

Лесом шли недолго, выбрались к озеру и пошли вдоль него. Небольшой водоем, который питался, наверное, из многочисленных болот, был такого же, как и они, цвета, бурый.

– Не хотелось бы мне в таком озере искупаться, – передернул плечами Егор.

– Да уж, внешний вид еще тот! – кивнул я.

Дальше в основном молчали, так как все же на вражеской территории находимся. К утру мы были почти на месте и без приключений. Возле одного перекрестка только Иван, видимо, забыл на время, кто мы и куда путь держим.

– Командир, там патруль, берем? – мы останавливались на короткий привал, а Ваня ходил посмотреть округу.

– Сдурел, что ли? О нас сразу узнает вся округа, а нам это надо?

– Виноват! – вытянулся по струнке Бортник.

– И еще, тут нет командиров и Андреев с Иванами, есть бойцы и напарники. Тебе будет позывной... – я задумался лишь для порядка, – Борт. Меня сами знаете, как звать, даже в лагере так уже кличут.

– Ха-ха, Морозом, что ли? – усмехнулся новоиспеченный Борт.

– Еще дедом назови, смешно ему. Мельнику с Купцом, наверное, не нужно объяснять, почему так?

– Не нужно! – чуть не хором, хорошо хоть шепотом, ответили ребята. – Только почему ты решил нам какие-то клички присвоить?

– Не клички, мы ж не в тюрьме. Это позывные, так короче обращение, больше по делу скажешь, да и врага запутать можно, если подслушивает, – попытался я доступно объяснить. – Так понятно?

– Да, – ответили бойцы.

– Отлично. Продолжаем путь.

Патруль мы тогда обошли, а как узнали чуть позже, совершенно правильно сделали, ибо совсем рядом был еще один.

– Чего их так густо насеяли? – спросил Егор.

– Видать, объект хорош, будем смотреть. Главное, внимание! – сказал я и почти мгновенно оборвал сам себя. Вот ни хрена себе, это чего же тут такое? Впереди, в роще, стояли танки. Да много-то как! Только «четверок» насчитали двенадцать штук, нам с ними не тягаться. Точнее, обходить нужно десятой дорогой. Тут по меньшей мере полк стоит, а то и больше.

– Это ложный лагерь, или я ни фига не понимаю, – озадаченно заметил я после двух часов наблюдений.

– А может... – произнес кто-то, но замолчал, так как впереди началось действие. Танки, урча моторами, вылезали на поле. Через пятнадцать минут мы насчитали сорок штук. Выстраивались вражеские машины в коробочку, много было регулировщиков.

– Мать их за ногу, да что тут такое... – матерясь, бросил Борт. И тут мы услышали главное. Шум самолетов был сильным и громким, таким, какой бывает при пролете над самой землей. Одновременно задрал головы, мы остоленели. На поле заходили на посадку сразу несколько транспортных машин.

– Вот блин! – ударил я себя по лбу. – Да у них заправка тут, вот гады напугали!

Это было именно так. Спустя полчаса мы в этом убедились. Самолеты, опускаясь, откатывались в сторону, давая возможность сесть своим собратям. Возле остановившихся тут же начинали суетиться люди в темных комбинезонах, разматывая шланги. Танкисты друг за другом подъезжали ближе и заправлялись.

– Как у них все налажено! – восхищенно заявил Иван.

– Не без этого, видимо, топливозаправщики где-то потеряли, так как было бы проще в бочку сначала слить, – согласился я.

Мы лежали в кустах и не могли оторваться от наблюдений за работой фашистов. Чего-чего, а организация у них поставлена отлично. Нам бы так. Хотя тогда мы не были бы РУССКИМИ. А победит в этой войне именно наша страна, а не немецкий хваленый ордунаг.

Провалившись в кустах на окраине поля до вечера, решили уходить и постараться обойти посты фрицев. Заправлялись немцы долго. После заполнения баков непосредственно танков к заправке приступили топливозаправщики. Они все же были, только мало. Самолеты все садились и садились, поэтому мы и решили сваливать. Ушли примерно на два километра, но посты все равно попадались, нам чудом удалось избежать внимания к себе, и все потому, что двигались очень медленно, буквально ползком.

– Почему же на карте-то лагерь указан? – спросил Иван, когда встали на короткий отдых.

– А я знаю? Может, лагерь тут и есть, просто совпало так, что фрицы здесь заправку устроили. Ты же видел, как они в колонны строились и сразу уходили?

– Ну...

– Наверное, маршевые роты. К фронту идут.

– Эх, вот бы задержать их, нашим помочь, – мечтательно протянул Саша.

– Ага, чем? – горько усмехнулся я. – Мы вон роту-то не могли толком разгромить, хоть и было нас больше. Без техники никуда, – заключил я.

Действительно, а что мы могли? Дорогу заминировать? Даже не смешно. Подорвали бы одну коробочку и баста. Больше не смогли бы, где взять столько взрывчатки, да и как это сделать, ведь фрицы постоянно катаются по дорогам туда-сюда. Нет, тут надо думать, да не нам.

– Так, ребят, я чего тут подумал... – я немного стеснялся того, что парни уже считают меня за командира. Какой я нафиг командир?

– Ну, Мороз, говори, чего удумал? – подбодрили меня.

– Как вы сами сказали, помочь мы не можем. А вот дать знать нашим о таком количестве врага, а главное, о танках, вполне по силам. Вы как, справитесь с заданием без меня? – парни раскрыли рты.

– То есть как это без тебя?

– Ну, я вернусь, доложу командиру, может, он кого-то отправит через фронт с донесением?

– Андрей извини, но ты не можешь уйти. Нам задачу поставили, а ты у нас старший. Хочешь сведения отправить, так посылай кого-нибудь из нас! – за всех все решил Иван.

– Вань, я не могу рисковать вашими жизнями, – я решил расставить все по своим местам, – вы прекрасно знаете, что я вам не командир, да, формально старший в группе, но не командир.

– Ты это брось, братка, не глупи. Командир тебя назначил своей властью, значит, так и есть. Мы тебя признаем командиром, остальное неважно. Так что ставь задачу и решай, кому идти!

Ох, нелегка задачка. Ведь у меня совсем нет опыта командования, тяжело мне вот так сразу парней подставлять...

– Ребят, отставить. Мне ведь ротный частоты для рации дал, может, найдем где «шка-тулку» и отстучим? – вдруг вспомнил я.

– Идея хорошая, да вот где? Да еще так, чтобы нас не заметили?

– Надо какой-нибудь объект взять, небольшой. Так, чтобы нам сил хватило.

– Думаешь, рация на фрицевском посту подойдет?

– Пока не знаю, но тут до наших два десятка километров, может чуть больше, будем надеяться, – пожал плечами я.

Первый же пост на дороге дал нам понять, что рацию нужно искать покрупнее. Те, что имелись в наличии у патрулей, годятся только для короткой связи. До наших все же далеко-вато. Нужно искать подходящий объект. Зря только рисковали и фрицев резали. Правда, нам

и попались-то какие-то залетные, думаю, это не пост, а просто наблюдатели выставленные. Сидели себе в кустах, скучали, даже без шнапса. Взяли их легко, удалось подкрасться близко, вот и получилось. Стрельбы не было, так что идем дальше.

По широкой дуге, оставляя в стороне место заправки танков, мы приблизились к лагерю. Мы все ж нашли его, оказалось, он был недалеко от места заправки танков противника, только те были на воистину огромном поле, а лагерь на обочине проселочной дороги, с краю от того же поля.

Лагерь был действительно большим, не соврала карта. Только вышек было шесть штук, а еще и без них охраны хватало. Думаю, без брони нам тут ни фиги не светит. А как сюда танки пригнать, когда тут такая движуха наблюдается? Остается одно – ждать, когда маршевые роты фрицев уйдут и здесь останутся только охранные части.

– Андрюх, как думаешь, а вон на той машине у фашистов рация есть? – Егор указал мне на грузовик с кунгом, утыканный антеннами.

– Более того, уверен в этом. Только как его захватить? Да и еще момент, мне хоть и показали как, но чего-то я сомневаюсь, что смогу разобраться с вражеской рацией, – я что-то вдруг засомневался в своих способностях. Понимаю, что принцип везде одинаков, но...

– Справимся, командир, – похлопал меня по плечу Иван Бортник, он же Борт.

Машина связистов уехала от лагеря к тому месту на поле, где до этого шла заправка танков. Я послал Сашу посмотреть, куда фрицы намылились. Тот вернулся быстро.

– Заправляются, в машине четверо. Двое в кабине, водитель и охрана, два связиста в кунге, вылезали, я видел.

– Отлично. Думаю, надо взять их на обратном пути к лагерю, – задумчиво сказал я. Вот блин, сюда бы ствол с глушителем...

– Андрюх, но как? – я даже не заметил, что парни смотрят на меня как на чумного.

– Да каком кверху, – я начал раздеваться, пора вспоминать все навыки из будущего. Да и повторяюсь, проходит уже страх первых дней, что терзал меня вначале. Как-то проще я стал относиться к происходящему. А как только успокоился, сразу понял, что справлюсь. Фрицы тоже люди, не инопланетяне, их так же легко убивать, как и нас, так что повоюем.

– Ты, Мороз, конечно, старший, только объяснил бы хоть, чего делать-то?

– Конечно, объясню, от вас всё и будет зависеть! – Я подробно рассказал ребятам, как нужно поступить. Я тут выступаю в роли приманки.

– Эй, фрицы, возьмите с собой! – я стоял на дороге, прямо перед машиной немцев и размахивал руками. Остановил я их просто. В одном месте, по пути к лагерю военнопленных, дорога делала небольшой крюк, ну не бывает у нас дорог прямых, не Европа у нас. Возле молодого ельника я и вывалился на дорогу метрах в пятидесяти перед машиной фрицев. Те были осторожными. Не выскочили сразу, а сидели и озирались по сторонам, ожидая подвоха. А ведь он тут был. Парни схоронились в елках, на них лежит самое сложное – нужно не дать немцам выстрелить хотя бы один раз.

– Эй, рус, ком хе! – Наконец, правая дверь открылась, и мне махнул рукой сидящий справа от водителя фриц. Черт, здоровый какой! Я был без ремня, пилотка в руке, оружия нет, всем своим видом я показывал, что хочу в плен. Я медленно поплелся к машине, под навязчивые окрики фрица.

– Шнеля, шнеля! – фриц сердился, даже добавил вдруг: – Пеком! – Ага, бегом, говорит. Я сделал вид, что хочу ускориться. Оказавшись возле машины, я повторил одно и то же:

– Я сдаваться пришел, я сдаваться!

Фриц-охранник сидел не вылезая, а я так ждал, что он все же выйдет. Черт с ним, так справлюсь! Немец был вооружен автоматом, который смотрел на меня, но между нами еще и дверь машины была. Сделав вид, что споткнулся, я как бы невзначай взялся за край двери, а

дальше, не обращая внимания на окрики фашиста, резко толкнул дверь на него. Немец отшатнулся, а я уже вновь распахивал ее левой рукой, а в правой был штык-нож, лежавший до этого в рукаве. Выстрелить немец не успел, это самое главное. Нож вошел ему прямо в грудь, даже ремни не помешали. Водитель только успел заорать, когда к нему через открытое окно прилетел приклад Ивана. Сзади так же слышалась возня.

– Готово, командир! – опять меня командиром «обозвали».

– Молодцы, ходу отсюда, до лагеря меньше двух километров!

Я прыгнул за руль, на ходу накидывая на себя немецкий френч. Борт также устраивался рядом со мной. Гансов он предварительно закинул в кузов. Там ребята тоже все сделали как надо. Даже более того, они одного фашиста только оглушили, и он был жив, правда, пока без сознания. Ехать тут было особо некуда, если за дорогой кто-то смотрит со стороны, как прежде мы сами, тогда нам конец. Но мы надеялись на то, что никого больше в округе нет. А лагерь с пленными от того поля с фашистами отделяла роща, короче, пока мы были укрыты.

– Сколько у нас времени? – спросили ребята.

– Мало, – бросил я, усаживаясь в кресло радиста, – очень мало. Все наружу и «пасите» подходы. Я должен успеть!

Мне потребовалось пять минут на то, чтобы расшевелить пленного фрица и заставить включить установку. Оказалась она очень мощной, наверное, до Москвы можно докричаться. Незнание немецкого выходило боком, но я справился. Пару ударов по почкам, и фриц «поплыл». Удивительно понятливым оказался, стоило просто показать жестами, что мне нужна связь, как он быстренько ее мне предоставил. Даже не пытался помешать. Взяв пленного на мушку пистолета, я пытался докричаться до наших по тем частотам, что передал мне командир. Прошло еще около пяти минут, прежде чем мне ответили.

– Кто на волне? – хорошо, что все же в телефонном режиме связались, а то я бы долго считал эти точки и тире.

– Дед Пихто. Мороз пришел.

– Но у нас еще сентябрь... – принял игру радист, не зря я с ним поговорил перед выходом. Влетит нам правда, за открытый текст...

– Зато у нас жара, аж Мороза позвали...

Я в течение трех минут, пытаюсь заменять слова так, чтобы фрицы не поняли нашу речь хотя бы вначале, объяснял радисту то, что мы видели здесь. Обозначил квадрат, примерные силы противника и его направление. Закончив сеанс, добил фашиста и, собрав трофеи, рванул к парням. Да, закладку еще положил, нехай немцы порадуются, когда в кунг заглянут. Там кило тротила лежит, всем достанется.

Почти не сговариваясь с ребятами, поспешили убраться из этого района. Уйти успели километра на три, когда сзади рвануло.

– Ты чего, шашку им оставил? – спросил Борт.

– Именно, пускай полетают! – ответил я и заржал, так как бойцы уже смеялись.

Бежать было легко, несмотря на дождь. Да, пошел, собака злая. Стало как-то холоднее, не люблю дождь. Летом, правда, была изнуряющая жара, но все же я люблю, когда тепло. Жар и пар костей не ломит.

За полчаса покрыли около пяти километров и собирались остановиться, когда услышали шум с неба.

– Воздух, – резко крикнул кто-то из парней, я даже не сообразил кто, да это было и не важно, надо прятаться. Были в чистом поле, так что вариант один, пластом.

Развалившись, не шевелясь, старался высмотреть, кто это там такой летает, по нашу душу или как? Земля сейчас сырая, черная, вперемешку с пожелтевшей травой, а мы грязные как свиньи, может, не заметят...

Все же самолет я рассмотрел. Одиноким «мессер» летал чуть в стороне, и я понимал почему. Там дорога, видимо, ищут вдоль нее. Хорошо, что свернули в поле, хоть я и не хотел тогда, но думаю, что немцы думают так же. При выборе места, где укрыться, любой человек первым делом подумает на лесной массив, а мы в поле рванули. Вдоль дороги и овраг есть, и кусты, лес вообще манит как магнит, больше возможностей спрятаться, но я выбрал поле и не прогадал.

– Ушел вроде! – на этот раз я опознал голос, Егор это.

– Идем дальше, головами крутим на триста шестьдесят, нам немного осталось.

Шли мы, кстати, не просто так, от возможной погони уходя, а целенаправленно. Так как к тому лагерю, где мы захватили радиомашину, нам пока пути нет, да и опасно это, немцев до хрена вокруг, то решили проверить еще один. До него, правда, далеко, почти сорок километров. Но решив, что с провизией у нас пока нормально, немцы поделились, избрали этот вариант. К слову, этот лагерь здесь последний, до которого можно добраться вот так просто, пешком. Остальные далеко, ближайший километрах в двухстах. Вообще же, на немецкой трофейной карте, которую дал мне перерисовать командир, было шесть отметок, но, как и сказал, рядом только две.

А первый лагерь, к которому мы шли, можно и не проверять более. Он на месте, охрана тоже, причем серьезная. Или забыть, или штурмовать на танках. Если капитан выберет последний вариант, надо ждать момент, когда фрицы после заправки покинут то поле, что поблизости. Иначе это будет самой легкой формой самоубийства. Немцы с такой армадой танков даже стрелять не станут. Раскатают остатки роты по полю и баста.

– Слушай, Андрюх, да мы этот и сами сделаем! – шепнул мне Иван.

– Борт, я все понимаю, у тебя в заднице зуд, но не настолько же! – я чуть не поперхнулся, когда услышал предложение.

– Ну, ты сам подумай, это ж какое подспорье нашим, тут ведь человек двести, как не больше!

– А еще тут охраны взвод, а в ней два бэтэра, – спокойно ответил я.

– Да и хрен бы с ними. Бэтэры ты возьмешь, у тебя винтовка с прицелом, чего, не попадешь в пулеметчика?

– Погоди, не искушай, подумать надо.

А искушение действительно было сильным. Перед нами, в овраге среди молодых берез, лежал небольшой по размеру лагерь. Немцы как обычно обнесли его «колючкой», блин, у них сколько ее с собой? Но привлекало не это, а установленные две вышки и работа еще над двумя. То есть немцы сейчас заняты на работах по оборудованию охраны лагеря. Работают, конечно, пленные, да только фрицам-то приходится участвовать, хотя бы контролировать. Таким образом, часть охраны занята, а два пулеметчика на вышках смотрят исключительно за заключенными.

– Ждем ужина и начинаем, – просто ответил я. На ужин точно отвлекутся, по крайней мере, будет ясно наверняка, есть кто-то в бэтэрах или нет. Нашему отряду этот лагерь будет отличным подспорьем. Если сейчас все получится, не нужно будет гнать сюда весь отряд, а следовательно, рисковать лишним раз.

Сами еду не грели, поели холодного. Консервированные сосиски и тушенка без разогрева шли не очень, но есть-то надо. Прикольный у немчуры хлеб. Пакет сорокового года выпуска, вон штампик на нем, а хлеб нормальный. Едва ли не вкуснее того, что у нас в стране, в двадцатом веке, будут за свежий принимать.

Ужинали по очереди, один из нас всегда наблюдал за работой фрицев. Мы были хоть и на открытой местности, но гораздо выше лагеря, поэтому и могли «бесплатно» наблюдать весь этот цирк. А как еще назвать? Немчура так охотно издевалась над нашими бойцами, что думаю,

когда мы начнем атаку, пленные сами бросятся на охрану. Самое главное, бойцы выглядели хорошо, видимо, лагерь здесь образовали совсем недавно, не успели фрицы еще «сломать» наших советских бойцов. Немцы куражились, швыряли пустые банки в бойцов, те кидали их обратно, немчуря огрызалась в ответ и бряцала оружием.

Овраг с лагерем был вытянутой формы, вот чуть дальше в этой природной яме я и залег, со снайперкой. Моя задача – вышки. Если уберу пулеметчиков, ребята смогут вступить в бой. Они вооружены двумя автоматами и пулеметом, причем на этот раз Ваня нес не ДП, а взял трофей, понравилась ему эта швейная машинка.

Опыта было совсем ничего. Я боялся сделать самую главную ошибку человека с винтовкой, поспешить. Затвор у «мосинки» хоть и смазан, и ходит легко, но мне предстоит сделать выстрел, затем переместить ствол на вторую вышку, одновременно передергивая затвор, прицелиться и, не промахнувшись, сделать второй!

Немец на первой вышке, той, что стоит дальше от меня, уже полминуты был в моем прицеле. А я все ждал, когда наконец на ближней вражина уgomонится. Как и говорил, опыта мало, по движущейся цели мне точно не попасть, хоть здесь и было-то меньше трех сотен метров. Наконец, на ближней вышке пулеметчик остановился, а то бродит по своему пятачку туда-сюда, как «энерджайзер», блин. Я потянул спуск, раздражающе длинный спуск завершился выстрелом и подкидыванием винтовки. Когда она вновь заняла прежнее положение, я стал ее перемещать, в попытках найти второго пулеметчика на ближней вышке. Почему не удостоверился в поражении первого? А зачем? Стрелял я в корпус, уж, думаю, наверняка попал. Пока ловил в прицел второго, то услышал звуки стрельбы. Наверное, парни начали атаку. Странно только, я же сказал, что после второго выстрела...

Стреляли не мои бойцы, а тот самый неугомонный фриц с ближайшей ко мне вышки. До него было еще меньше, метров двести тридцать – двести пятьдесят, уж извините, точно не могу определить. Эта гад начал стрелять в пленных, видимо, решил, что в его напарника стреляли заключенные. Из чего бы они это делали? Ума не приложу. Так или иначе, но я, наконец, поймал в прицел его долговязую фигуру. Отметив про себя, что вражина стоит ко мне боком и чуть присев, стал выцеливать его. Долго так сидеть нельзя, руки и глаза устанут, но я все равно упрямо сижу, дожидаясь, когда он встанет чуть удачнее для меня. Сообразив через несколько секунд, что он сейчас положит нафиг всех заключенных, я стал торопиться. Винтовка плясала в руках, а лечь я не могу, обзора не будет, поэтому только сидя.

Выстрел все же прозвучал. На этот раз я не стал убирать винтовку, а принял к прицелу «мосинки» и сам себе кивнул. На борту щита вышки, обмякнув, повис труп в сером. Но оказалось, это только начало. Услышав беспорядочную стрельбу, я оторвался от прицела и взглянул на лагерь. Твою мать! Первый пулеметчик жив! Я обалдело смотрел на него несколько секунд, а затем сделал подряд два выстрела. После первого враг исчез за бортом площадки, на которой находился, а второй попал в самую площадку. Как же так, как я мог промахнуться? Вот же блин блинский.

Набив магазин винтовки новыми патронами, оглядел лагерь. А тут действительно дело шло так, как я и думал. Заключенные словно ждали отмашку. Полегло, конечно, много бойцов, но выжившие уже заканчивали разгром охраны. Я туда идти не хотел, Ваня в курсе, что и кому сказать, он там близко будет. Требовалось передать тому, кто из лагерников примет командование, что им предлагают вступить в наш отряд. Откажутся, нехай топают куда хотят, если согласятся, то мы заберем их с собой.

Старшим в лагере неожиданно оказался политрук. Корреспондент аж московской газеты. Он сначала отбrehивался от командования, поясняя, что опыта управления воинским подразделением у него нет, но все же согласился с нами. Дело в том, что политрук пользовался авторитетом у бывших пленных. Они слушали его и пойдут за ним. А самому ему объяснили просто:

– Вы, товарищ политрук, доведите людей до нашего лагеря, а там все встанет на свои места. Думаю, наш капитан с удовольствием поставит вас к себе замом. Люди шли за вами на смерть, одно только то, что вас переодели, когда плен был неминуем, говорит о многом. Вас люди любят, а это хорошо.

Политрук согласился. С его помощью удалось всего за час привести в чувство эту толпу разъяренных мужиков, по-другому и не назовешь. К сожалению, люди были слишком злы, вот и поперли напролом, грудью на пулеметы. Но все же хоть часть выжила, правда, раненых было очень много. Из моих парней только одному «удалось» поймать «гостинец». Саша Купченко схлопотал пулю в руку, причем та осталась внутри, нужна операция. В отряде у нас есть фельдшер, нужно торопиться, слишком много раненых, и слишком большое расстояние нужно преодолеть.

Пешком не пошли, и сил не было, и технику оставлять было жалко. Нам достались «живыми» два бэтэера, два грузовика и три мотоцикла. Мотики были с колясками, с пулеметами, готовый головной дозор.

Так как путь уже был нам известен, то проехали вполне удачно. По дороге только попался пост вспомогательной полиции, из двух немцев и шести полицаяев, да и не пост даже. Те ехали на телеге из одной деревни в другую, ну это я так предположил, так как разговаривать с ними никто не стал, тупо изрешетили из пулеметов, да потом собрали трофейное оружие.

Капитан Фролов был рад нашему возвращению. Больше скажу, счастлив. Мы и людей привезли, и оружия немного.

– Ну, ты по радио и выдал! – сказал он мне после доклада. Когда мы прибыли, он затащил меня к себе в палатку и долго задавал вопросы.

– А что такое? – удивился я.

– Да из той белиберды, что ты нес открытым текстом, ничего не поняли не только немцы. Мы сами-то через слово понимали, о чем ты толкуешь.

– Товарищ капитан, сами же говорили, как-нибудь зашифруй, я ж не виноват, что у нас нет пока шифра.

– Ладно, молодцы, вашего бойца я первым распорядился прооперировать, его уже, наверное, наш фельдшер «режет». Вы отдыхайте сейчас, слева от моей палатки занимай, – видя мое недоумение, капитан добавил: – Разведка должна быть рядом с командиром. Ясно?

– Предельно. – И правда, только вернувшись, понял, как я устал. То ли нервы, то ли от всего пережитого. Вот же судьба у меня... Умер вроде, попал в другой мир, ну, или время. Тут война, я, конечно, в первых рядах и... Что? Да ничего, привыкаю как-то, вон, даже палатку заслужил поблизости от командирской. Может, и проживем еще. Вообще-то это сейчас, в сорок первом, главное. **ВЫЖИТЬ.**

Я лежал в палатке и думал. Парни вырубались, кто где упал, а я, вроде как сильно уставший, блин, не могу почему-то. Сначала прокрутил в голове все наши хождения за два дня. Увидел каждого фашиста, которого убил... Вроде и ничего сейчас, легко переносить стал, видимо, война кует характер. Обдумал, что и где сделал неправильно. А сейчас вот Валюшка вспомнилась. Так стало тошно, что хоть беги сейчас назад в ту деревеньку. А ведь далеко я ушел от нее, быстро не сбегать. Тяжко без нее, привык за два месяца. Интересно, беременна она или тогда просто у нее сбой в организме был? Блин, если будем в рейде где-нибудь поблизости, заберу ее в отряд, уж как-нибудь и тут родит, или на Большую землю переправим. Она мне рассказывала, что у нее тетка есть, где-то в районе Горького, вот к родне ее и отправить.

Так или иначе, но я все же уснул. Причем так крепко, что даже не слышал, как проснулись ребята, что спали рядом. Продрав глаза, отметил то, что спина заныла. Оказалось, спал с пистолетом, заткнутым сзади за ремень, вот и отлежал. Потирая спину и бока, я вылез из

палатки и обнаружил, что на улице темно. Странно, вроде леглся уже в темноте, выспался отлично, а на дворе все еще ночь. Где-то я уже это видел...

– Ну, ты и спать, Морозов! – встретил меня возле кухни командир. Донесли уже, причался. Так хотелось никуда больше не ходить, а он ведь сейчас опять задачку подкинет.

– Так устали, товарищ командир, – развел я руками.

– Так бойцы то у тебя с тобой ходили, а проснулись днем, а ты только сейчас.

– В смысле днем? – не понял я. – Мы же легли поздно вечером.

– Так ты почти сутки спал, причем так, что даже разбудить не могли.

Вот это я выдал. Надо же, как вырубило!

– Виноват, товарищ командир!

– Ладно, ничего не произошло. Просто ребята, из новеньких сообщили интересную новость...

А новость была в том, что кто-то из бойцов, попав в плен, по дороге, когда их вели в лагерь, видел место, куда фрицы стаскивали нашу технику, брошенную отступающими частями. Говорят, и танки были, и бронемашин. Короче, капитан ставил задачу на ближайший день, разведать, есть ли еще тот сборный пункт, или уже все вывезли на переплавку. Идти далековато, километров сорок на юг. Там где-то городишко есть, небольшой, вот возле него и расположен тот сборный пункт. О количестве немецких войск в городке бывшие пленные уверенно сказать не могли, но что те там имелись, это однозначно.

– Понимаешь, не могу я на такой охраняемый лагерь идти с голой задницей, только людей зря терять! – в сердцах выдал командир. Это он о том большом лагере говорит. Да уж, туда без танков лезть бесполезно. А те две «двойки», что у нас были, особой силы не представляли. В охране я даже пушки видел, так что расчехлят нас еще на подходе. Не поможет даже то, что техника будет для фрицев своей.

– Проверить только наличие техники и охраны? Или что-то еще? – задал я первый вопрос.

– Я не могу тебе приказать облазить все, что там есть, понимаю, что это невозможно. Ну, или очень сложно. Для начала разужнай, стоит ли вообще туда идти?

– Хорошо. Выходить когда?

– Так с утра и выйдете, до вечера, наверное, доберетесь?

– В один конец да, – уверенно сказал я.

– Конечно, в один. Дальше вновь задействуем радио. Только теперь возьмете с собой одну трофейную станцию, батареи заряженные есть, хватит вам. Оттуда проведешь сеанс связи, а мы тут уже решим, выходить туда или нет.

– Ясно. Разрешите выйти затемно?

– А что, есть причины?

– Так поле тут на пути большое, сами же знаете, – стал пояснять я, – лучше бы его в темноте пройти.

– Как скажешь. Найди землянку, что возле ручья, там старшина Марченко командует. Возьмешь все, что нужно, если будет сопротивляться, гони его ко мне. Понял? Свободен!

– Есть! – вскинул руку к пилотке и, развернувшись на каблуках, вылез из палатки. Кстати об обуви. Надо трофей осмотреть. Мои сапоги от долгой ходьбы что-то истрепались совсем. Подошва уже не держится, несмотря на то, что ее ремонтировали два раза. А в мешке у меня лежат отличные немецкие сапоги, специально подобрал по размеру в разгромленном лагере фрицев. Вообще с обувкой тут у многих беда. Не носится долго обувь на войне, хоть ты тресни.

Ребят я нашел там же у ручья, где и располагалась землянка хозяйственного старшины. Те стирали белье и болтали, а старшина, молодой мужчина, поучал их на тему стирки. Парни

смеялись и, кажется, только прикалывались над старшиной. Зато последний имел такой вид, будто без него и не справились бы.

– О, командир, проснулся наконец? – Борт щерился, демонстрируя белые зубы.

– Вашими молитвами, – парировал я. Поржали. Познакомился со старшиной. Когда бойцы слышали, что я интересуюсь тем, что имеется в запасах у старшины, наострили уши. Мы ведь себе ничего не прячем, все в общий котел. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь нас обвинил в крысятничестве.

– Командир, никак вновь в «бега»? – Шутки кончились. Улыбки тоже пропали, но парни вовсе не собирались противиться. В глазах был интерес.

– Именно так, братцы, именно так, – кивнул я, а сам начал попрошайничать у старшины. Почти на все мои вопросы прижимистый кладовщик отвечал просто:

– Так нет у меня.

Через пару минут меня уже злили его равнодушные ответы, и я бросил:

– Хорошо, сейчас командира приведу, проведем осмотр имущества без вас, старшина.

– Что значит без меня? – тут же возбудился кладовщик. – Как же это можно-то?

– Да вот так и можно, даже более того, НУЖНО! Вы, товарищ старшина, слышали что-нибудь о таком понятии, как РЕВИЗИЯ? – Тот даже побледнел, да так, что мне в темноте было видно. Знает этот человек такое слово, точно знает. Наверняка где-то в торговле до войны работал.

– Товарищ... извините, не знаю вашего имени-отчества? – проблеял старый деляга.

– Андрей Александрович, но вы можете обращаться по уставу, красноармеец Морозов.

– Товарищ Морозов, зачем ревизия? Я просто еще не все вещи принял к учету, много ведь поступило, а склада-то у нас как такового не было. Пока все перепишешь да места найдешь!

– Я понял вас, товарищ старшина, – кивнул я, – может, тогда пойдем к вам, вместе поищем? Тем более, я многое знаю и видел, ведь это наша группа и добывала.

– Я сам, – быстро бросил кладовщик, – вы бы список дали, я сам вам все подберу.

На складе я завис надолго. Выбирал немецкую форму почище, оружие, снаряжение, боеприпасы и продовольствие. Вот же жучара он, этот уроженец Одессы. Он даже консервы у поваров отобрал, все на свой склад затащил. А главное, нигде не отметил! Блин, ну до чего же есть хитрожопые люди, а? Для меня это все казалось чьей-то шуткой. Ведь война идет, а как же лозунги «Всё для фронта»? Вот зачем этому хозяину складов нужна взрывчатка? Ответ-то вроде напрашивается сам собой, да только он неправильный. Да, выдавать он ее должен, а не прятать, но зачем спрятал и не внес в grossбух правильные данные? Ведь заныкал себе пятьдесят килограммов! Конечно, если бы я не видел трофеи еще там, у фрицев на складах, то, возможно, и не знал бы ничего. Только понять не могу. Зачем нужны кладовщику, который в боях непосредственно не участвует, пятьдесят килограммов взрывчатки? Даже не пытайтесь ответить на этот вопрос, все равно не угадаете, что он задумал. Короче, я получил все то, что считал необходимым в новом рейде.

– Познакомился со старшиной? – спросил командир, когда я вернулся. А глаза у самого хитрые-хитрые.

– Да, познакомились, даже без рукоприкладства обошлось. Две пули только потратил...

– Какие пули? – мгновенно стал серьезным капитан.

– Так одна в левое колено, другая в правое. Зато получил все, что нужно, – и не думая смеяться, ответил я. Реакция капитана меня рассмешила. Тот вылетел из палатки пульей. Блин, сейчас мне влетит.

– Твою мать, Морозов! – матерился командир еще минуты три, но потом уgomонился. – Только вот попробуй не найди мне этот сборный пункт! – напутствовал он меня перед дорогой.

– Найду, товарищ командир! – уверенно ответил я.

И нашел. Мы даже не блудили в округе, ехали напрямую и нагло. Взяли в этот раз два мотоцикла и бэтээр. Знал, что палился безбожно, но решил, что хватит пешком ходить. Да и форма у нас в порядке. С нами были аж трое бойцов, знающих немецкий, причем хорошо знающих. По дороге навели одну деревню, большую. На трофейной карте там обозначен пункт вспомогательной полиции, вот его и «прибрали» заодно. Чего сто раз ходить. Тем более и деревня была в стороне от нашего пути, вот и навели, сбивая на всякий случай возможных поисковиков.

Сборный пункт представлял собой такую же МТС, каких много видели. Даже одну уже захватывали. Разница была только в одном. Скорее всего, фрицы, узнавшие о нашей прошлой проделке, усилили охрану. Немцев было много, человек тридцать, может даже сорок. Через пару часов наблюдений из ближайшего лесного массива стало ясно, зачем столько охраны. Этот пункт был настоящим Эльдорадо. Мы насчитали только наших, советских танков двенадцать штук. Были и вражеские, но, сколько точно, затрудняюсь сказать. В каком состоянии бронетехника, нам, конечно, неизвестно, но если хоть часть возьмем и то хлеб. Орудия, как противотанковые, так и гаубицы, несколько броневых автомобилей семейства БА. Да чего там только не было. Нас в поиск вышло двадцать человек, но я сомневался в наших силах, поэтому послал назад мотоцикл с тремя бойцами. В этот раз не стал рассчитывать на рацию, мало ли, вдруг у немцев пеленгатор рядом. На мотоцикле ребята быстро метнутся туда и обратно. Это если командир решит, что их нужно обратно отправить. На самом деле я ждал подкрепления. На словах передал послание капитану Фролову, что жду его с танками. Те «двойки», что у нас имелись, будут здесь в самый раз, ну и пехоты пусть возьмет, человек тридцать точно не будут лишними.

Ехать тут недалеко, как я уже говорил, поэтому ждать будем к вечеру. У танков скорость приличная, тем более дорога вполне хорошая. Дождя нет второй день, сухо, поэтому ожидания долгими не будут.

На место встречи, в двух километрах от сборного пункта, отряд под командованием самого капитана Фролова вышел к девяти вечера.

– Ну, рассказывай! – весело приказал командир. Настроение у него было хорошим, так что я несколько расслабился.

– Товарищ капитан, думаю, единственный шанс, это ударить внезапно, чтобы пресечь попытки немцев использовать бронетехнику. Заберутся в танки... выковыривай их тогда. Я тут схемку набросал, вот, посмотрите...

Я действительно составил небольшой план и нарисовал, как смог, объект и наш удар по нему. К МТС ведут две дороги с разных сторон. Позже оказалось, это одна, проходящая прямо через этот пункт. Отойдем чуть дальше и запустим танки с разных сторон, одновременно атакуя с фронты. Чтобы не попасть под огонь наших же танкистов, на территорию сразу входить не будем. Танкисты должны нас поддержать огнем своих мощных мелкокалиберных пушек, но главное, не допустить попытки фрицев задействовать танки. Нам нужно сблизиться, а там мы будем работать накоротке. Все бойцы сейчас с автоматами, для боя на такой дистанции автоматическое оружие предпочтительнее. Капитан приказал вначале боя задействовать еще и два миномета. Они и технике не навредят, и не дадут фрицам сильно высовываться.

Атака началась отлично. Видно было, что фрицы не слишком готовы к встрече. Хаос внесли именно минометы, а уж когда подошли танки... Я был в сотне метров от складов, поэтому не знал, что командир внес коррективы в свой же план в самый последний момент. Танки не стали долбить издали, а пошли прямо к складам. Мгновенно преодолев небольшое расстояние, что отделяло их от МТС, танкисты принялись давить фрицев. Командир рисковал, танки без пехоты это очень опасно. Но наши танкисты, бывшие пленные, вертелись волчками,

готовые вообще все сделать в одиночку. Затем пошла пехота, хотя до этого просто стреляла с расстояния, ведя огонь скорее на подавление, чем прицельный. Я тоже стрелял, причем как раз наоборот, ибо был со снайперской винтовкой, даже зацепил как минимум троих. Но не ожидавших такой наглости немцев безнаказанно убивали недолго. Все же у них порядок заложен в генах. Фашисты как-то смогли организовать и начали отстреливаться. Очаги сопротивления были небольшими, отбивались группы по два-три человека, но все же и нам хорошо досталось. Всегда ведь так, нападавшие несут большие потери. Однако сказывалось то, что нам сразу удалось подойти близко. Немцы оказались лишены маневра и вынуждены были пользоваться только построениями МТС как укрытиями. Нам же не рекомендовалось использовать гранаты, чтобы случайно не подорвать какой-нибудь склад боеприпасов. Поэтому были потери, причем немаленькие. Этому способствовало еще и то, что бойцы, как я уже говорил, были очень злыми, ведь у нас все из лагерей. Шли грудью на автоматы и пулеметы – это именно о них.

Спустя двадцать минут фашисты не выдержали нашего давления и побежали. В поля. Танкисты, получив приказ добить тех, кто ушел, ринулись догонять, а мы уже зачищали склады. Да уж, тут прямо Клондайк. Минометы, как и ожидалось, не нанесли урона технике, стоявшей под открытым небом, лишь у одного танка слетела гусеница, да несколько грузовиков пострадали, а так норма. Это мины «неудачно» попали, разорвав несколько колес на машинах да покоцав осколками кабины и кузова. Большинство же машин было в порядке. Распределяя по машинам бойцов, столкнулись с нехваткой водителей. Это действительно была беда. Танки брали на буксир грузовики, благо экипажи для бронированных машин капитан Фролов привел с собой. Им категорически запрещалось участвовать в бою, все-таки специалисты. Жаль, что и тех было мало, разбавляли экипажи стрелками.

По радио командир дал приказ в наш основной лагерь готовить укрытия в лесу, так как техники стало очень много, бойцам в лесу придется потрудиться.

Мы заранее обговорили с капитаном, где будем прятать машины. Договорились до того, что танки будут рассредоточены на окраине и замаскированы. Грузовики предполагалось задвинуть в лес поглубже. Размещать технику в лесу еще тот геморрой. Капитан сначала не понял меня:

- А в чем проблема-то, Морозов? Танк что, дерево не срежет?
- В том и дело, что легко срежет. Только поваленное дерево это как сигнал летчикам противника, указывающий место нахождения отряда.
- Так дерево-то можно распилить и убрать...
- Можно, если время есть, а у нас его не скажу, что много.
- Ладно, черт речистый, уговорил, но мы еще к этому вернемся, может и получится технику загнать подальше в лес. А то ударят фрицы и разом отрежут нас от только что захваченных трофеев, что тогда?
- Да уж, тут думать надо, так просто не решить. Но однозначно, что возле танков должны быть постоянные посты, чтобы пресечь нападение, если оно последует.
- Для этого вообще-то я хочу задействовать выдвинутые дозоры. Они смогут предупредить о появлении противника и дадут возможность занять позиции.
- Тогда, конечно, получится, главное, люди нужны, их всегда не хватает, – заключил тогда я.

Наш налет прошел отлично, и все бы ничего, но в середине пути нас настигло возмездие. Кто-то из фрицев все же удрал с МТС. Мы гнали во весь опор, поэтому и не заметили, как в небе появились самолеты противника. Бомбежка – это страшно. Немцам, видимо, было плевать на технику, даже свою. Они бросили на нас восьмерку пикировщиков. Те бомбами вывели из строя сразу пять танков, естественно, с экипажами, пока мы, наконец, не развернулись и не дали отпор. Все же счетверенные «максимы» пригодились, хотя я, если честно, не

знал, на фи́га их капитан прибрал. Реально думал, что зенитные способности этих монстров будут бесполезными. Но спасли нас от окончательного разгрома именно эти две установки. Не сбив ни одного самолета, мы помешали им стрелять. Там ведь тоже люди воюют, а жить немцы хотят не меньше нас. Самолеты ушли, а капитан приказал сразу же гнать во весь опор. Мы даже убитых не стали подбирать, лишь сволокли в одну воронку. Раненых тоже было много, но все же мы были еще сильны. Больше по пути приключений не было, кроме тех, что ждали в самом лагере. Те, кто оставался в лесу, нас встретили во всеоружии, едва не начав стрелять с перепугу. Конечно, тут были в основном тыловики да саперы, но и они показали зубы. Весь остаток ночи угробили на то, чтобы укрыть добычу. Сентябрь на дворе, так что в лесах пока еще есть, где прятаться, но делать это становится все труднее. Танки наделали огромные колеи на подходах к нашему убежищу, так что, думаю, жить нам тут недолго. Тем более немцам теперь прекрасно известно, где мы и даже сколько нас. Как оказалось, командир думал так же, поэтому приказал не сильно усердствовать в маскировке. Если фрицы вновь пошлют авиацию, нам все равно не скрыть следы, так что...

– Нужно уходить, – начал разговор командир, когда собрал у себя в палатке всех командиров взводов. Я тоже оказался здесь, как командир отделения разведки. Во как!

– К нашим прорываться будем, товарищ капитан? – это спросил молодой сержант, танкист командир взвода.

– Чуть позже да, но вначале мы должны отбить у немцев наших бойцов и командиров. Совсем рядом с нами оборудован лагерь, красноармеец Морозов был там, он нам и расскажет, что видел.

Блин, предупреждать же надо. Все тогда взглянули на меня с интересом, а я, чуть появившись, начал рассказывать о результатах разведки.

– ...вот так и выходит, товарищи командиры, что атака возможна только всей группой, а главное, с танками, чтобы по завершению операции уходить всем кагалом, – я закончил свое выступление, поделившись с присутствующими своими наблюдениями.

– А куда отход планируете? Товарищ Морозов? – спросил меня тот самый политрук, корреспондент из Москвы.

– А вот это уже как командир прикажет, – серьезно ответил я, – прикажет воевать тут и бить фашистов в, или, не считаясь с потерями, рваться к фронту, наше дело выполнять приказы.

– А сам-то как считаешь? – вдруг спросил Фролов.

– В тылу можно много пользы принести, но сохранять в тайне наше местонахождение будет тяжело. Нужно постоянно передвигаться, техника не выдержит. Осень скоро закончится, сами понимаете, прятаться будет невозможно. С выходом на Большую землю тоже не все гладко. Во-первых, дойдет в лучшем случае половина, думаю, даже меньше, а во-вторых...

– Что же во-вторых? – с нетерпением спросил еще кто-то из присутствующих.

– Нас раскидают по разным частям, какой от того толк будет? Сколько таких частей, а мы уже привыкать стали друг к другу, взаимодействие налаживается. Считаю, что пользы наше подразделение принесет больше в тылах противника. Мы должны вовсю использовать тот факт, что мы одно подразделение.

Надо отметить, что слушали меня внимательно. Все сидели молча и явно думали о том же, о чем я им и говорил. Ну а что, ведь правда, вернись мы на свою территорию, кстати, там скоро мясорубка под Москвой начнется, недолго осталось, нас просто пошлют на убой. Скажете, что я трус, боец не должен выбирать, где ему воевать? Так я на это отвечу. Если бы не знал, ЧТО будет, то может, и не придумывал бы таких планов. Но сейчас, я знаю, КАК

и ЧТО будет. Поэтому, думаю, я прав, предлагая веселиться именно тут, в немецких тылах. Тем самым мы поможем фронту, причем гораздо больше, чем если бы мы были там.

Сложность возникла у танкистов. Во-первых, нам их теперь не хватало. А во-вторых, немецкие танки Т-4 почему-то показались нашей «мазуте» сложными. Вроде бы какая нафиг разница? Ну, размеры чуть другие, орудие большего калибра. В чем проблема-то? Командиры долго пытались объяснить танкистам, что сложность вся лишь в том, что машины незнакомые, но людям дадут время на изучение. Я же, услышав возню, заметил просто:

– Мужики, хотите воевать на кастрюлях? Пожалуйста, оставляйте нормальные танки для тех, кто не испугается новинок. Здесь броня раза в три толще, чем у «двоек», пушка такая, что любой танк протыкает издалека, но если вам сложно и вы боитесь... Что ж, когда освободим людей из лагеря, наверняка там найдутся мужики, готовые воевать на всем, что дадут.

Этого хватило. Танкисты, услышав, что танк на самом деле очень мощный и защищенный, мгновенно согласились. Внутри во всех машинах были инструкции на немецком, но наши переводчики справились, всего за ночь перевели эти книжечки и выдали перевод бойцам. Дело сдвинулось с мертвой точки. Буквально через сутки танкисты сами удивлялись, чего они тут кочевряжились, отличные машины, да к тому же и удобные, не наши железные чемоданы, имеющиеся танками. А нам действительно хотелось атаковать лагерь именно на немецкой технике, так больше шансов на удачу.

После освоения новой и неизвестной ранее техники появилась другая проблема. Теперь всем захотелось непременно сесть на Т-4, «двойки» и «тройки» уже не впечатляли. Но с этим быстро справились. Капитан уже просто рявкнул, и танкистам пришлось заткнуться. Всего в операции планировалось задействовать два Т-4, одну «тройку» и две «двоечки», плюсом шел бэтээр с установленным на нем «Флак-38». Кстати, бэтээр какой-то смешной, он не бронирован, у него нет кабины как таковой, не «Ганомат» это, что-то маленькое. Пехоты набрали всего двадцать бойцов, остальные пошли в экипажи танков. Да, не больно хорошо это, но опытных танкистов было мало, вот и разбавили экипажи, как смогли. Заряжающими пошли артиллеристы, командирами – сержанты. Главное, мехводы все были танкистами, хоть с этим повезло. Да и оба Т-4 были полностью укомплектованы нормальными полноценными экипажами. На них и надежда.

Когда наша куца колонна выдвинулась в направлении лагеря для военнопленных, нас попытались прошупать немцы. Пара истребителей словно сидела где-то рядом в засаде и ждала нас. В этот раз не бомбили и не стреляли, но по головам походили. Просто мы в этот раз шли уже не разношерстной командой, а вполне себе подразделением немецкой армии. Косяк был только в одном: шли не в ту сторону. Но когда «мессеры» начали на нас заходить, я, да еще и капитан поддержал, приветливо помахали летчикам ручками из кузова бэтэера. Те сделали свечку, прошли еще раз и ушли со снижением на запад.

– Блин, вот сто процентов, у них где-то совсем рядом аэродром. Задницей чую!

– Чего? – не слыша меня толком, перекрикивая шум двигателя, крикнул командир.

– Говорю, – я наклонился к уху капитана и повторил: – Аэродром у них рядом. Как пить дать! Если будут пленные в лагере, нужно разузнать и навестить, если недалеко.

– Поддерживаю! Кстати, Морозов, ты точно простой красноармеец? – Фролов меня уже не в первый раз спрашивает об этом. Сделав вид, что плохо слышу, я просто пожал плечами, всем видом показывая, что не понимаю его. Вот ведь, нет-нет да и прорывается у меня что-то командирское. Тут, видимо, и образование сказывается, все же оно куда лучше, чем у многих бойцов, которые дай бог класса по три-четыре закончили. И соображаю я в разы лучше и быстрее. С этим-то ясно, просто знаю много, вот и получается так. Все же советское образование накладывает свой отпечаток. Кто жил в Союзе, тот помнит, какое было обучение, хоть в школах, хоть в училищах и техникумах. Даже учась по специальности, ты все равно получал дополнительные знания в других дисциплинах. Скажем, любой электрик, если он вообще

с руками, всегда сможет поставить унитаз, и наоборот, сантехник всегда может отремонтировать выключатель. Повторюсь, если руки вообще растут из нужного места. А врачей возьмите, ведь учащиеся в медучилищах получали знания по всей медицине, лишь на последнем курсе выбирая основную профессию. Кто-то может сказать, что это плохо, что знания очень скудные, но я все же считаю, что так было лучше. Помню, в детстве у моего друга мама была обычной медсестрой, так к ней половина района ходила совета спросить. И ведь никто не умер, не отравился, всем помогала, и все было в порядке.

К лагерю вышли к обеду. Нас ждали. Немцы ни фига не купились на нашу маскировку. Два наличных танка у охраны лагеря открыли огонь, едва мы показались. Это они зря. Первыми у нас двигались «двочки», они мигом развернулись и попытались спрятаться в овраге, что был рядом. Одному экипажу удалось это сделать, а вот второму... Снаряд немецкого Т-3 вошел в борт нашей «двойке», когда она маневрировала, и вызвал детонацию. Рвануло приглушенно, но башня у танка сдвинулась и он застыл. Жаль парней, там механ хороший был, на КВ войну начал, все переживал, что тяжело ему с такой подвижностью танка справляться. Да, жаль ребят.

Может, это и поставило бы нас в неудобное положение, но когда в поле зрения немецких танкистов выползли наконец наши Т-4 и «тройка», враги начали движение. До этого они стояли на одном месте, явно не собираясь маневрировать, а тут забегали. Единственные более или менее возможные укрытия это бараки, но они на территории, а туда фрицы явно не поедут. Приснули в разные стороны, пытаюсь занять позицию получше, но наши парни не спали. Экипажи в «четверках», как я и говорил, были опытные. Бойцы уже видели, как был уничтожен один из наших танков, поэтому начали наказывать фрицев со всей своей пролетарской ненавистью. Уже третьим снарядом один из наших танков запалил немца. Пытавшихся выбраться танкистов начала уничтожать пехота. Расчет «Флак-38» не спал, воспользовавшись тем, что танкам не до бэтэра, капитан приказал выходить на прямую наводку и бить по вышкам. Я уже спешился, поэтому наблюдал за этим со стороны. А зрелище было... Куски досок и щепок летели в стороны, вышки просто разрывало, перемалывая дерево и тела пулеметчиков в труху. Жесть, я даже зажмурился вначале. Под вышками стояла суета. Лагерь был большой, на территории наблюдался хаос. Кто-то бегал, не зная куда податься, кто-то, более умный, залегал или полз в укрытие. Как в одном, ранее освобожденном лагере, стрельбы по пленным тут не было, не до этого было фрицам. Да и не такая открытая территория была. Такой шквал огня, что они только пытались отстреливаться от наступающего противника. Я, уйдя со своими ребятами чуть в сторону, наблюдал за выездом из лагеря. И не зря. Черная, красивая машина не стала дожидаться окончания танкового боя и пришла в движение.

– Мороз, там! – Борт указывал на «членовоз», но я и сам туда смотрел. От нас до машины было метров триста, далековато, блин. Я высадив все пять патронов, прежде чем заметил, что машина останавливается.

– Попал?

– Еще бы! – воскликнул Егор. – Мотор заглох, пытаются завести.

– Вперед, – скомандовал я, но тут же поспешил добавить: – К машине не приближаться, пока не подойдем ближе, чтобы я мог ее контролировать! – Я уже вижу место, откуда смогу уверенно поразить человека, если он будет нам угрожать.

Заняв позицию, отметил про себя прекращение взрывов. Никак у танкистов цели кончились? Наблюдая за машиной, засек движение. Возле левых дверей шло какое-то действие, машина-то стояла к нам правым боком.

– Борт, вперед, только пригнись! – крикнул я, а сам пытался разглядеть, что там происходит.

Ваня и Егор бежали вниз по склону, тут была небольшая ложбинка, в которой и стоял автомобиль фрицев, а я, уже придумав, заорал вдогонку:

– Борт, ФОКУС! – Этот прием я парням показывал, наврал тогда, что где-то подсмотрел. Иван на бегу выхватил гранату из подсумка и, не выдергивая кольца, приготовился бросать. Как только расстояние позволило, боец зашвырнул гранату навесом через машину. При этом его чуть не срезал автоматчик, внезапно показавшийся из-за машины слева. Хорошо я был готов и выстрелил сразу, но, скорее всего, промахнулся. Фриц дал очередь, но Иван уже залег, и пули фашиста в него не попали. Зато спустя секунду из-за машины прыснули все, кто там был, блин, все в разные стороны побежали. Не понравилась им граната, хотя она была не в боевом положении. Увидев, КТО бежит вправо, я забыл о двух других немцах. Это был офицер, точнее, какой-то серьезный офицер. Кожаный плащ скрывал форму, но погоны явно непростые, да и машина вообще-то ни фига не рядовая. Убивать его не хотелось, хотя он и был как на ладони, мало ли, вдруг полезный фрукт. Я выстрелил два раза, вторым все же попал туда, куда хотел, в ногу. Кожаный плащ, в котором был фриц, спутал тому ноги, и офицер полетел кубарем, вопли были настолько громкими, что в шуме боя их слышали, наверное, повсюду. Повернув голову, заметил, как ребята грохнули одного автоматчика и ранили второго. Хорошо, будет с кем командиру побеседовать. Я поднялся и, осмотревшись по сторонам, направился перебежками к раненому. Уже почти добежал, когда увидел неприятное для себя действие фашиста. Тот услышал меня, что ли, или почуял? Но фигура в кожаном плаще вдруг начала поворачиваться ко мне, а в руке у этой фигуры был пистолет. Хорошо, что я все же бежал, иначе бы просто не успел. Фриц был не готов к бою, совсем страх потеряли, находясь на нашей территории, оккупанты хреновы, пистолет у противника был не взведен. Пока офицер досылал патрон, я все же сократил расстояние, и мой удар сапогом по его руке совпал с выстрелом. Грохнуло несильно, напротив, звук был каким-то резким, но негромким. Пуля, видимо, пролетела далеко от меня, так как даже не слышал свиста.

– Ах ты ж сука такая! – выругался я, наваливаясь на фашиста и пытаюсь вырвать у него пистолет. – Подстрелили тебя, так лежи и не отсвечивай!

Фрица я все же разоружил, хоть он и умудрился сделать еще один выстрел, но это было скорее рефлексом. Когда ствол выпал из вывернутой ладони, я со всей дури зарядил офицеру в ухо. Почему именно туда? Да хрен его знает, машинально как-то, просто увидел под плащом эмблему на петлице, вот и врезал. У нашего народа, видимо, это в крови. Немецкий офицер был представителем войск СС, их я еще на этой войне не встречал.

Фриц от моего удара согнулся от боли и зашипел, он и так ранен, а тут еще и плюха прилетела. Я подобрал упавший на землю пистолет, кстати, ни фига не «вальтер» или «парабеллум». «Браунинг», да такой красивый, черт, ни фига не сдам, у него при том же весе на пять патронов в магазине больше. Патронов у меня сейчас для него нет почти, но я найду. Для такого дела придумаю что-нибудь, после разгрома складов мы вывезли много чего ценного от фрицев, обязательно выпрошу у старшины.

– Андрюх, этого как? – окликнули меня друзья, показывая на раненого фашиста.

– Живой?

– Живой, собака! Но, думаю, все же ненадолго. Пуля где-то в брюхе, – пояснил Иван.

– Егор, зови командира и переводчика, может, успеют чего поспрашивать!

– Ясно, командир! – Егор умчался назад, туда, откуда уже не слышалась стрельба, но стоял шум голосов, постепенно переходящий в гул. Да уж, народу здесь было уйма.

Достав кусок веревки, я тщательно связал фрица, ни фига не понимаю в его погонах, но явно какое-то высокое звание носит вражина эсэсовская. Нам как-то все больше мелкие чины попадались, тут же, я думаю, наверняка какой-нибудь Штирлиц. В смысле штандартенфюрер или еще кто. У эсэсовцев звания свои, примерно как у нас, комиссары и вояки по-разному обзываются, при тех же знаках различия.

Гул в лагере между тем начал стихать, отдаленно слышались даже какие-то команды. Хорошо хоть на русском языке, это радует. Мы с Иваном подхватили фрица под руки и пота-

щили туда, где по нашему мнению был командир. Блин, а ведь он, скорее всего, уже им не будет, наверняка в таком большом лагере есть командиры званием повыше. Правда, фрицы старались наших командиров всегда отделять от бойцов, а чаще всего и просто расстреливали, чтобы красноармейцы не смогли организовать. Вот и сейчас, найдя капитана Фролова, я даже не удивился, что он уже стоит по стойке смирно перед несколькими бывшими пленными.

– Товарищ капитан, разрешите доложить, – так как знаки различия у бывших пленнх были сорваны, я обратился к Фролову, тот кивнул. – При захвате лагеря военнопленных был пойман пытавшийся скрыться немецкий офицер. Насколько я понимаю в эмблемах, он из СС, те еще звери! Оказал серьезное сопротивление, поэтому... – я развел руками, показывая всем видом, что по-другому бы не получилось.

– Молодец, боец! – проговорил скороговоркой какой-то немолодой мужик, стоявший перед капитаном. Чего-то он так бесцеремонно себя ведет перед командиром? Ну, старше он, явно лет пятьдесят ему, а может и больше, звание наверняка высокое, но... Он бывший пленный, без знаков различия на форме, а командует...

– Это дивизионный комиссар Рыков, – представил его сам Фролов, – я передаю ему командование как старшему по званию. – Взор капитана потух.

– Красноармеец Морозов, – бросил я руку к виску, – извините, товарищ дивизионный комиссар, но я не видел ваших документов, да и знаков различия на вас нет, поэтому и докладываю своему непосредственному командиру.

– Хорошо хоть предателем не называешь! – хитро прищурившись, сказал мне комиссар. О, я думал, сейчас выделываться будет.

– Не имею привычки клеймить людей, товарищ комиссар, – пожал я плечами, – я не знаю причин вашего здесь появления, поэтому не мне судить.

– Разберемся, товарищи. Пока же, думаю, нужно собирать людей, нас здесь все-таки почти полк.

– Куда фрица деть, товарищи командиры? – задал я резонный вопрос.

– Почему фрица? – удивился комиссар.

– Так они ж через одного Гансы да Фрицы, так уж и привязалось, – усмехнулся я, а комиссар рассмеялся.

– Найдите какую-нибудь машину и туда сгрузите. Позже его осмотрит врач, у нас тут почти целый госпиталь в плен угодил, что делать... – пожал плечами комиссар, – всяко случается.

– Хорошо бы, чтобы на Большой земле это понимали.

– Нужно заслужить доверие, сейчас оно, – комиссар нахмурился и потер виски, – подорвано.

Выйдя в эфир, капитан Фролов затребовал у оставшихся бойцов в нашем лесном лагере срочно выдвигаться сюда, так как нам нужны были грузовики. Огромная толпа бывших пленнх, выстроившись в колонну, которая растянулась на полкилометра, медленно двинулась вперед. До темноты нужно срочно уйти подальше. Где-то в пути соединимся с нашими бойцами на машинах, и тогда будет легче, правда, не намного. Чтобы перевезти такую толпу, нужно полсотни грузовиков, где их взять? Ума не приложу. Машины, танки, бэтэры и даже телеги, которые мы захватили у полицаев ранее, все были заняты. Перевозили раненых. Персонал захваченного в плен госпиталя работал не переставая. Повсюду стояли стоны, маты, очень много людей было побито и ранено. Погибших, как со стороны лагерников, так и с нашей стороны, похоронили рядом с сожженным лагерем. Фрицев не стали, только полностью обообрали. Даже командиры не стали обращать внимания на такие, явно мародерские действия бывших пленнх, как снятие сапог и шинелей. Одеты бывшие пленные были кто во что горазд, поэтому радовались даже тощим немецким шинелькам. Радовало одно, что лагерь тут совсем недавно, люди вполне себе здоровы и могут пока еще идти пешком, но, конечно, есть хотели все.

Как я уже сказал, колонна была большая. Всех наших транспортных средств хватало для размещения лишь четверти бойцов. Сильное впечатление на меня произвел комиссар Рыков. Он был хоть и не ранен, а сильно побит и истощен, но пока его в буквальном смысле не засунули в машину, он так и шел пешком вместе со всеми. Километра четыре преодолел. Вроде ничего мужик, не знаю пока, как остальные. Всего было восемь командиров старшего комсостава, от майора до полковника. Но почему-то командование всей группой принял именно дивизионный комиссар. Вроде бы политработник, образование явно гражданское. Ан нет. Оказалось, этот комдив действительно был в прошлом военным, только с началом войны его засунули на эту должность, а так он военная косточка. Причем, что еще больше меня удивило, он офицер царской армии, революцию застал прапорщиком. Участвовал в Брусиловском прорыве. Вот так!

Фрицы узнали о нас быстро. Вначале вновь появились два «мессера», даже не бомбили. Сделали один заход и «пробежали» колонну пушками, добавив нам убитых и раненых. Командование приказало прибавить скорости, так как на горизонте появился крупный лесной массив, да и на картах он был, скорее всего, туда изначально и шли. Уже на подходе, когда передовые части были возле леса, к нам заявились «лаптежники». Колонна мгновенно залегла, но это была лишь большая мишень. Начался ад. Я был примерно в центре всей массы войск, шел пехом со своими ребятами, когда «штуки» начали швырять бомбы. Обделаться не успел, Ванька подхватил меня и Егора в охапку и побежал. Чуть позже мы смогли его убедить, что сами сможем передвигаться, и он поставил нас на ноги. До леса было пару сотен метров, как их преодолели, даже не понял. Оказавшись под деревьями, укрывшиеся бойцы начали задирать оружие в небо, но стреляли почему-то единицы. Сумев в таком беспорядке разглядеть Фролова, я ринулся к нему.

– Товарищ капитан, почему у нас зенитчики просто бегут? Ведь орудия есть, да еще и «Флак-38» теперь даже пара установок. Немцев всего восемь, надо дать отпор! – Вторую зенитку взяли возле лагеря военнопленных, загрузили прямо в кузов грузовика и укрепили.

– Ты же знаешь, – заорал Фролов, прижимая меня к земле, так как мы лежали, – не я команду теперь. Что я могу?

– Но на зенитках-то наши парни. А... – сплюнул я, – давайте я сам! – И я рванул в сторону орудий. У нас были две советские зенитки, тридцатисемимиллиметровые, и две установки «Флак-38». Вот к последней я и побежал. Я с ней и сам справлюсь. Еще были те счетверенные «максимы», что помогали нам ранее, но они сейчас у другой группы, которая выдвинулась к нам навстречу. Взлетев в кузов бэтэра, удивленно посмотрел на прижавшихся к полу зенитчиков.

– Думаете, поможет? – усмехнулся я и заорал: – Магазин!

На самом деле, «Флак» был снаряжен, просто я хотел, чтобы подготовили запасной магазин. Плюхнувшись на сиденье, взялся за рукояти маховиков. Покрутился туда-сюда и стал осматривать небо, высчитывая, откуда зайдут немцы.

– Как ты в одиночку-то? – спросил кто-то рядом.

– Ну, так помогай, лучше управлюсь! – крикнул я, в нетерпении начал крутить ручку горизонтальной наводки. Немцы заходили на небольшой высоте, и по ним еще зенитки не стреляли, так что не боятся, гады.

Первая, короткая очередь ушла в небо, показав мне трассером, куда она вообще стреляет. Вновь кручу маховики. Понимаю, что ни хрена я ни в кого не попаду, но хочется заразить своей уверенностью людей.

– Выше бери! – опять кричит кто-то, я чувствую, как станок чуть заметно поворачивается. В прицеле никого, но я понимаю, что самолеты дальше, значит, я буду стрелять по курсу. Прицелом я вообще пока не пойму, как пользоваться.

Новая очередь – и я даже не заметил, как магазин кончился. Рядом кто-то промелькнул, и я услышал слова:

– Готово! – Ага, так мне магазин поменяли!

Вновь пытаюсь поймать момент для стрельбы. Одновременно со мной стреляет и вторая зенитка, а спустя несколько секунд начинает тявкать уже советская скорострелка. Через минуту палили уже все орудия, а я отстрелял четвертый магазин. Конечно, все мимо, но я хоть заставил остальных башку поднять, а то залегли, блин, как тараканы под веник!

Кто-то хлопнул по плечу, заставив мгновенно обернуться.

– Ух ты какой шустрый! – На меня, подняв руки в шутливой позе, смотрел сам дивизионный комиссар. Было от чего отшатнуться, у меня в руке уже был пистолет. Черт, вот сейчас ему понравится моя «игрушка» и заставит «подарить»!

– Виноват! Тащ комдив! – лихо вскочил я, стараясь побыстрее спрятать пистолет.

– Молоток, боец, улетели, – вновь одарив меня хлопком по плечу, похвалил комдив Рыков.

– Служу трудовому народу! – отчеканил я и стал ждать продолжения.

– А чего это у нас бойцы с пистолетами ходят, ведь не положено? – насупив брови, спросил комиссар, но его выдадала улыбка. Точно, понравился ему мой пистолет. Но ни фига не подарю, только если прикажет.

– Так врагов больше убью! Вдруг подкрадутся, а я их... – тоже улыбаюсь.

– Ладно, не буду придираюсь. Хотя когда выйдем к нашим, заставят сдать, – чуть разочарованно произнес комдив.

– Только если силой заставят, товарищ комиссар. Я этот ствол в бою добыл, а не в магазине купил, за него кровушкой заплачено. Меня этот чертов эсэсовец чуть не продырявил из него.

– Верю, браток, верю. Я хотел с тобой переговорить, отойдем?! – Я послушно слез с броневика и побрел в сторону, смотря комдиву в спину.

Отошли мы недалеко, метров на тридцать, вокруг была суета, так что на нас практически никто не смотрел.

– Ты у Фролова навряд ли разведчика был? – О, выяснил уже, что и почему.

– Именно. У нас с ребятами неплохо вроде выходило... – заметил я нескромно. Время для того, чтобы быть скромным, неподходящее. – В разведке, кстати, пистолет иногда нужнее автомата.

– Вот и оставайся с ними. В разведке. Наберешь себе еще бойцов, с нами в лагере и пограницы были, они парни ушлые, может, сгодятся?

– Конечно, сгодятся, только пойдут ли ко мне...

– Хотел сказать в подчинение? – хмыкнул комдив.

– Ну...

– У немцев во всем порядок, учет они вели грамотный и точный. Когда разгромили лагерь, я приказал собрать все документы. Там были и мои бумаги, и даже печать штаба дивизии. Короче, у пограничников есть сержант, ты тоже будешь сержантом, идет? И да, я предупрежу, конечно, кто из вас старший.

– Так точ... – я осекся, – хорошо, товарищ дивизионный комиссар.

– Не бойся, я ничего не слышал, да и не за что бояться, суть-то одна. Тем более эти слова душу греют... – Вот это выдал генерал!

– Товарищ...

– Да зови комдивом, не нужно выговаривать мое звание, долго выходит, а мы не в штабе, – комдив, морщась, покачал головой. – Понимаю, что устали, всем сейчас нелегко, но... Слушай приказ, сержант...

Топаем. Опять пешком отправили, зря. Я так просил мотоциклы, под фрицев мне косить понравилось. Ладно хоть форму не заставили снять немецкую, а то бывают тут такие кадры...

Задачу мне поставил комдив, в принципе, известную. Я и сам об этом думал, даже капитану говорил. Надо разведать аэродром противника, наверняка где-то рядом. На картах его не было, но это и немудрено. Немцы продвигаются быстро, уже вон почти до Брянска дошли, а местами, может, уже и дальше. Короче, аэродром, скорее всего, разместили не так давно, пехотные части могут о нем и не знать. Летуна бы где откопать, вот там уж наверняка карты так карты!

– Ну, чего, Мороз, вот и стал настоящим командиром! – прервал мои мысли голос Бортника.

– Да брось ты, Вань, какой в задницу командир... – скромно проговорил я.

– А не скажи, – заметил Иван, – раньше ладно, а теперь тебе даже бумаги выправили. Это другое дело.

– Ладно уж, подчиненный, топаем дальше, – усмехнулся я. Пограницы попались вменяемые, подчинялись без слова, приказ есть приказ. Да и в плену побывали, это спесь сбивает на раз. Если таковая была. Слушали внимательно, не перечили, спрашивали по делу. Я иду первым, Ваня, закончив разговор, вернулся назад, он замыкающий. Егор тоже светится, как-никак, а этим двум сусликам чуть проще со мной, не первый день знакомы. Шли в том направлении, в котором улетели памятные «мессеры». Мы тогда к лагерю топали, ручками им махали. Тогда самолеты ушли со снижением на северо-запад, вот и мы туда премся. Ночь, темно хоть глаз выколи. Но идем мы через поле, так что не сложно. Это не по лесу в темноте шариться.

Выйдя на небольшой пригорок, я остановил ребят. Впереди внизу, под холмом, были видны огни. Недалеко, но отсюда не разглядеть. Хотя... Если огни освещают там хоть немного, то в бинокль можно попробовать рассмотреть. Достав оптику, я направил ее на огни. Получилось не сразу, вначале была одна темень, пришлось два раза отрываться, чтобы навести «глаза» на нужное место.

– Есть контакт! – тихо проговорил я, скорее самому себе.

– Что там, командир? – лежавший справа от меня пограничник, высокого роста, жилистый парень, лет двадцати на вид, пытался также разглядеть хоть что-то.

– Самолетов не вижу, но то, что костры освещают какую-то огороженную территорию, это факт. Только не близко ли?

– Нормально, двадцать километров до лагеря, я точно говорю, расстояние хорошо определяю. Да и по времени подходит, – заметил пограничник. Вячеславом его вроде зовут, он у погранцов старшим был, тоже сержант, как и я теперь. Только вот я не помню, там вроде у энкавэдэшников своя какая-то чехарда со званиями. А погранцы ведь это НКВД и есть.

– Тогда да, нормально. Они и уходили на малой высоте, если бы дальше было, зачем им так низко лететь?

– Пойдем ближе?

– Слева рошу видишь? – Собеседник кивнул. – Вы, зеленые, ходить умеете, пошли парней посмотреть, не притаился ли там кто.

– Сам там посидеть хочешь? – ухмыльнулся пограничник.

– А почему бы и нет? День понаблюдаем, наши нам трое суток дали. Там пока замаскируют лагерь, пока наведут порядок, а то не поймешь, кто где сидит и кем погоняет.

– Тогда я Петрова и Бабенко пошлю, они у нас опытные были, старослужащие.

– Тебе виднее. Пусть осмотрят окраину, если тихо, чуть углубятся. Роша в низине, там наверняка еще и болотце есть. Если немчура там танки держит, что вряд ли, твои сразу заметят.

– А почему вряд ли танки? – не понял меня Слава.

– Немцы сейчас Киевскую группировку добивают, здесь их мало. Танковая группа, что шла чуть южнее этих мест, повернула на Киев, кольцо замыкать, – пояснил я.

– А от...

– Откуда дровишки? – усмехнулся я. – Из лесу вестимо! Пленные рассказали.

Ребята, двое пограничников, скрылись из глаз, а я с оставшимися бойцами остался наблюдать на месте. Егор занялся сухпаем, надо перекусить. Ваня на часах стоит. Кстати, при его огромном росте он настолько хорошо научился прятаться, хрен разглядишь, а уж в темноте...

Самолеты в темноте были, конечно, не видны, но это явно был аэродром. Уж слишком большую территорию огородили немцы. Костры горели в трех местах, возможно, указывая начало и конец взлетной полосы. Может, они тут ждут кого-то?

Ответ на этот вопрос пришел около трех часов ночи. Сначала появился шум мотора, а затем над нами пролетел самолет и пошел на посадку. Ясно, над нами круг делал, высоту сбрасывал. По виду самолет небольшой, какой-нибудь «шторх», наверное. Мне становилось все интереснее, кто это к немцам посреди ночи прилетел?

Ребята вернулись из рощи и доложили, что нашли место под лагерь. Мы быстренько снялись, пока еще было темно, и скрылись в лесном массиве. Болото и правда было, причем большое, пришлось даже небольшой крюк сделать, чтобы обойти, но к половине пятого утра мы уже были надежно укрыты.

– Командир, это наверняка какой-то фашистский чин прилетел! – на обсуждении вопросов о завтрашнем дне заметил пограничник Слава.

– Скорее всего, – согласился я, – или документы привезли. Одно из двух.

– И что, так и будем здесь сидеть?

– А что ты предлагаешь? Нашим все равно не успеть подойти, да еще и расхреначат колонну, пока толпой будут сюда топать!

– А сами? – продолжал настаивать Слава.

– Ты в своем уме? Каким образом? – охренел я от предложения. На такую наглость даже я не соглашусь.

– Ну, нас ведь шестеро...

– А там могут быть, шесть десятков солдат противника, да еще и со средствами усиления. Если они лагерь для военнопленных охраняли с танками, то как будут аэродром?

– А может...

– Не может! – отрезал я. – Я понимаю вас, ребятки, но просто так, на убой, я людей не поведу. Даже если бы приказали!

Разговор тогда оборвался, но я был зол. Погранцы что, проверяют меня? Или попавшись в плен, теперь таким образом хотят «искупить»? Только не за мой счет. С утра посмотрим, что там за аэродром, тогда и будем делать выводы.

А с утра мы стали свидетелями отлета маленького самолетика. Даже если бы и захотели захватить того, кто прилетал, то уже поздно. Отослал Егора с одним из пограничников выйти на связь с лагерем. Ребята пробежались на пару километров в сторону и вышли в эфир. Как ни звали, никто так и не ответил. С этим и вернулись.

– Так, братишки, – подытожил я, – сворачиваемся и назад. Что-то мне подсказывает, что никакого налета на аэродром противника не будет.

– Думаешь, на наш лагерь вышли немцы?

– Всякое могло произойти. Сами понимаете, мы в тылу врага, их тут априори больше. Да и не такие фрицы тупые, чтобы не начать искать разбежавшихся из лагеря. Особенно после того, как уже проутюжили нас авиацией. Командир сам рассказывал, что многих бойцов по спискам не нашли. Кто-то сам убежал, его могли поймать и допросить, так что... Сворачивай лавочку!

И к вечеру, днем идти по полям дураков не было, мы выступили в обратный путь. Теперь мы знали, куда идти, поэтому дорога к дому вышла короче. Да и не дошли мы до дома-то. Еще за несколько километров услышали вялую стрельбу, стрелковое оружие задействовано. А выйдя на финишную прямую, обалдели. Возле того леса, где разбили лагерь Рыков и компания,

было огромное количество немецких войск. Как бы ни целый полк сюда согнали, да при танках. Покрутившись чуток, я решил все же попробовать подойти ближе, но как ни пытались, тихо это сделать было невозможно. Пришлось топать в обход, как нормальным героям. Сделав крюк чуть не в десяток километров, только к утру приблизились к лагерю. Точнее, вновь не дошли. В лесу, как поднялось солнце, завязался бой, да такой серьезный, что, если честно, мы побоялись идти дальше. Пограницы вроде дергались вначале, да уступили моим доводам.

– Чем мы поможем? Их там больше тысячи было, с техникой, а мы что? – я не уговаривал, просто констатировал факт.

– Я понимаю, – сержант Слава кивал в такт моим словам.

– Похоже, все надо начинать с начала? – подал голос Егор.

– Здесь, – я обвел глазами округу, – уже такого не выйдет. Немцы сейчас или начнут спешно вывозить лагерь подальше, либо расстреливать станут. Но охрану усилят настолько, насколько вообще возможно, чтобы не давать нам даже шанса.

– Что предлагаешь? – мрачно спросил молчавший до этого Иван.

– К фронту пойдем, я думаю. Теперь это, наверное, единственный вариант.

Конечно, парням понравилось бродить по тылам немцев, кусать их небольшие тыловые подразделения. Здесь все же попроще будет, чем на передовой. Сами себе хозяева практически, особенно вон, когда разведчиками стали. Гуляй, Вася, жуй опилки, я директор лесопилки! Да и мне самому как-то не хочется выходить. Чего уж лукавить. Там, на Большой земле, что нас ждет? Ранее я парням лучший вариант озвучивал, когда говорил, что нас на передок закинут, в разные подразделения. Для начала надо выйти и на фильтре не загнуться, а вот потом да, кого куда закинут, там и будем умирать. Я что-то не верю, что смогу долго продержаться на передовой. Сейчас уже не первые дни войны, когда все бежали. Никто по большому счету нас не упрекал за отступление. Так, на местах ругались, на фильтре попеняли немного, что вроде как виноваты, но в общем и целом было нормально. А теперь там все по-другому. Да и враг скоро к столице подойдет, а что там будет... Я знаю точно. Под Москвой перемелют столько народа, мне становится плохо только об одной мысли, как там будет. А мне очень хочется выжить.

В лесу мы пробыли до вечера, ближе к бывшему лагерю не совались, слушали, да-да, не наблюдали, а слушали, издалека. Там с самого утра даже авиация работала, всерьез немчура взялась за нас. Может, кстати, это из-за того хрена, на красивой машине, которого я подстрелил и приволок на веревке. Скорее всего, это был какой-то крупный военачальник или шишка из штаба, может, он вообще из Берлина прилетал, кто теперь знает. До меня никто результаты допроса не доводил, так что я о нем ничего и не знаю. Но офицер был эсэсовцем, а это не хухры-мухры. Может, приезжал в лагерь набрать «материал» на какие-нибудь зверские эксперименты, может, просто учил, как нужно обращаться с советскими пленными. Чего уж говорить-то, обычные солдаты вермахта не были настолько злы к нашим бойцам, как эсэсовцы.

Когда лай собак в лесу стал совсем уж громким, мы снялись и стали отходить глубже в лес. Оторвались. Хреново то, что пока сидели весь день в лесу и слушали звуки неравного боя, в нашу сторону так никто из красноармейцев и не вышел. То ли в другую сторону уходили, то ли погибли все. О последнем думать не хотелось, жалко было людей. Их только-только спасли из лагеря, вернули надежду, они поверили, что могут бить врага, а тут на тебе, «привет от вермахта».

Парни все были мрачнее тучи, брели, даже особо и не смотря по сторонам. Хреново это, потухла искорка-то. А я тоже, блин, молодец, разошелся. Один лагерь, второй, третий. Склады, сборные пункты, несколько деревень, вон, уже на аэродром замахнулись. Да только фрицы не дураки, не зря половину Европы завоевали. Командование у них сейчас мыслит здраво, еще не споткнулись ни разу, так чтобы по-крупному. Мчатся на всех порах к Москве. Вот там да, получают по сопатке, задумаются. А пока у них все идет по плану. Не помню, какое сегодня

число, сдали наши Киев уже, или как? Чувствовал ли я свою вину в том, что не попытался предупредить командование? Сейчас уже нет. Объясню почему. Командование Красной Армии, да и руководство страны в целом, получало столько разной информации, особенно о начале войны, что верить в бред какого-то попаданца... Ладно бы у меня знания какие-то особые были, чтобы с ходу мог предъявить такое, во что все поверят. Так нет, чуть больше базового курса школы и техникума, ничего сверхважного я не помню. К моему стыду, даже точную дату начала московского наступления и то не помню. Вроде в декабре, а точнее... Глупо было бы просто взять и заявить о себе как о пришельце из будущего. Это до войны, в мирное время, скорее всего, прокатило бы, а тут нет. Да никто в здравом уме даже слушать бы не стал. Конечно, достаточно было бы поверить мне всего один раз, дожидаться, когда событие произойдет, и потом уже начинать раскручивать. Но просто никто этого делать не станет. Да и страна у нас сейчас такая, что люди на местах не шибко любят импровизацию и инициативу, себе дороже. Есть руководство, партия, которые все знают и все за всех решают, куда уж тут лезть обычному человеку. Помните, я рассказывал, как в первые дни войны один из моих тогдашних командиров намекнул старшему командиру о борьбе с противником путем засад? Ему тогда ответили просто, что не нужно думать, у нас есть, кому думать за всех, иди и исполняй приказ.

Лесной массив, в котором мы находились, хоть и был огромным и местами едва проходимым, закончился. А закончился он ни фига не полем или деревенькой какой-нибудь. Мы вышли к городку. Да, вот так просто, впереди, практически на открытой местности, мы увидели город. Или городок, пока не разобрал еще. Окраина была сильно заросшая кустарником, им и воспользовались, приближаясь для того, чтобы осмотреться. Хоть и шли мы весь день, но я не мог понять, где мы есть. Карта давно была ненужной, у нас просто не было этой части, трофей захватывал наш лесной лагерь только по краю.

– Как думаешь, кто в городе? – спросил я у Ивана.

– Да черт их знает, Андрюх, – наш большой пулеметчик пожал плечами, – надо идти на разведку, может, узнаем что-то.

Каково же было удивление, когда мы обнаружили, причем ночью, красноармейцев, суетящихся от желания порвать всех и вся. Городок, а это действительно оказался небольшой населенный пункт, представлял собой муравейник. Не став прятаться, мы потопали прямо по дороге, ожидая, когда нас заметят и остановят. Вот блин, халтурщики, даже документы не спрашивают. Интересно, когда же все эти бойцы и командиры сюда пришли, участвовали уже в боях или нет? Вопросов много, а толку...

– Андрюх, какие-то здесь все малохольные, – удивленно подал голос Бортник.

– Думаю, это свежий призыв. Собрали где-то по окрестностям и кинули закрывать прорыв, правда, его тут и нет пока, сейчас ближайшие к нам основные силы противника южнее воюют. Ладно, вон, бойцы стоят, чего-то охраняют. Пойду, узнаю, где тут штаб, да и вообще... – Что вообще, я не стал договаривать, просто двинул к стоявшим неподалеку бойцам. Мой вид их удивил, сверху на нас были гимнастерки красноармейцев, а вот на ногах штаны от немецкой формы. Уходя на поиски аэродрома, мы захватили свои гимнастерки, на всякий случай.

– Ты кто такой? – вопрос был простым, но он и сбил меня с толку.

– Дед Мороз... – ляпнул я и тут же в душе улыбнулся своему афоризму. А ведь и правда, как дед Мороз. Щетиной зарос серьезно, да и фамилия моя Морозов, если что.

– Чего-чего?

– Блин, ребят, вы глухие, что ли? Где у вас тут командование находится, мы из окружения вышли.

– А, дезертиры, – усмехнулся было один боец, презрительно сплюнув в сторону. Только он даже не успел глаза на меня поднять вновь, как полетел на землю от удара в ухо. Я не люблю таких шуток. Остальные не успели налететь, появился старший сержант, с петлицами малинового цвета и гаркнул:

– Что здесь происходит? Прекратить немедленно! – это он уже мне, так как я стоял с поднятыми руками, готовым к драке.

– Здравия желаю, товарищ старший сержант, разрешите обратиться? – выдохнул я.

– Обращайтесь, боец...

– Сержант Морозов, товарищ старший сержант. Часть назвать не могу, мы из окружения вышли, последнее время воевали в составе подразделения освободившихся из плена бойцов и командиров Красной Армии. Мне бы к кому-нибудь из командиров надо, да и вообще, не знаю, что нам делать...

– Зачем бойца избил, сержант? – строго спросил старший сержант.

– За дело, – отрезал я.

– Так, бойцы, – приказал он своим подчиненным, – оружие забрать, задержать этих гавриков и на гауптвахту пока. Я докладывать.

Я подозвал парней, и мы принялись неохотно сдавать нажитое непосильным трудом. У злых бойцов даже глаза на лоб полезли, когда они увидели наш арсенал. У каждого было по пистолету, ножи, винтовки, автоматы, гранаты, в общем, мы были хорошо вооружены.

– Часто дезертиры в таком виде выходят? – бросил я тому бойцу, который нас обозвал. – Ты их хоть раз видел вообще? Если б видел, такую хрень не брякнул бы. – Тот ничего не ответил, лишь обиженно отвернулся.

Сдав все имущество, я проследил, чтобы все записали, нас повели куда-то по улице. Чуть позже я аж обалдел. Гауптвахтой был обычный отдел милиции, а нас спрятали в камеры. Причем, суки, в разные. Ну, ничего, посмотрим, как тут живут. Мне досталась несильно забитая, человек двенадцать было в помещении пять на четыре метра, приемлемо.

– Здравия вам желаю, граждане, – вспомнив один фильм, произнес я чисто автоматически, больно уж ситуация была похожая. Получив в ответ различные взгляды, причем не было ни одного презрительного или злобного, я чуть кивнул головой.

Контингент был разным. Тут и откровенного вида уголовники, и красноармейцы с сорванными петлицами, и вроде приличного вида люди. Взгляды, что были сейчас устремлены на меня, выражали скорее безразличие, особенно у урок, красноармейцы кивнули уважительно. Привалившись к стене в двух метрах от входа, тут было единственное свободное место, я стал ждать. Никто не выделялся, не нападал, ну и я расслабился.

Да, когда там, в окружении, мы думали, что попадем на фильтр, это мы оптимистами были. На деле же было куда как хуже. Нам предстояли самые настоящие допросы. Лишь бы пристрастия не добавили.

– Звание, должность, номер части... – первый допрос состоялся через пару часов. Мент, или кто это, я не понимал, спрашивал вполне спокойно. Я так же спокойно объяснял, кто я и откуда выполз. На рассказ у меня ушло минут двадцать, меня не перебивали до той поры, пока я не начал называть командиров. Услышав фамилию комиссара Рыкова, мент встрепенулся.

– Где ты видел дивизионного комиссара?

– Он выдал нам последнее задание, – решив сразу уточнить о своем звании, я добавил: – Да, звание тоже он присвоил. Это было четыре дня назад. Задание мы выполнили, нашли немецкий аэродром и хотели доложить, но на вызов рации никто не отвечал. Мною, как старшим группы, было принято решение о возвращении. На подходе столкнулись с группой противника и, вступив в бой, отошли в глубь лесного массива. В лагере тем временем был бой. Немцы атаковали танками и применяли авиацию, думаю, что подразделению пришел конец... – Мы эту легенду обговорили с ребятами.

– Значит, вы не убедились, что кто-то остался жив?

– Нет, мы не имели возможности это сделать, гражданин следователь. Вы можете себе представить атаку противника численностью до полка пехоты, с танками и при поддержке авиации? А мы это на себе ощутили. Так что да, мы именно не имели возможности.

– Это... – он чуть замешкался, – похоже на трусость. Тебе не кажется? – Больно уж он какой-то спокойный и осторожный, не бросается обвинениями, а лишь делает выводы, причем осторожные.

– Называйте, как хотите, только трусами ни я, ни мои бойцы никогда не были. Я воюю с конца июня, повестку на руки получил двадцать четвертого. Был ранен, удалось восстановиться, находясь на излечении в одной деревушке, где меня оставил командир нашего подразделения, шел к фронту, встретил других таких же, как и я. Вместе мы проделали все то, что я сообщил.

– То есть сам ты в плену не был? – чуть прищурив один глаз, спросил следак.

– Не был, гражданин следователь. Мои документы у вас, включая справку о ранении, это легко проверить, осмотрев меня. Ранения были тяжелыми, следы остались такие, что вряд ли затянутся.

– Сделаем, не переживай. А что по остальным? – Вот тут вопрос был скользкий. Я просто сомневался, мы как-то вообще забыли оговорить с пограничниками о том, как они у нас оказались. Но делать было нечего, нужно говорить правду, иначе спалимся на мелочах. Да и как я буду их выгораживать, когда они сами могут рассказать совсем другое, не, не пойдет.

– Два бойца, Бортник и Мельников, были встречены мной при налете на одну деревню.

– Эту ту, что ты в одиночку разгромил? – вновь хитрая ухмылка.

– Ну да, а что тут такого? Была ночь, немцы спали, закидал гранатами дом и встретил тех, кто смог убежать, из пулемета. Повезло, наверное. Ребят встретил там же, они, так же как и я ранее, находились на излечении после ран. Да, их ранения я подтвердить не могу, не знал бойцов ранее и не ведаю, что там и как было. Но впоследствии ребята проявили себя очень достойно. Их тогда было четверо. Одного мы потеряли, когда совершили налет на первый лагерь военнопленных, из которого освободили наших бойцов, в том числе и капитана Фролова. Он стал командиром нашего отряда. Еще одного товарища ранили при налете на склады. Остались в строю только эти двое. Пограничники были приданы мне комдивом Рыковым, для поиска аэродрома противника.

– А где их взял комдив?

– Они были в том же лагере, где и сам дивизионный комиссар.

– А как такое вообще возможно, чтобы такой человек, как дивизионный комиссар, попал в плен?

Тут я и «сломался», кончилось терпение. Следака-то понять можно, ведь попадание в плен командира такого ранга, действительно, штука невозможная, их стреляют сразу. Но я взбрыкнул.

– А вы на фронт поезжайте, там и узнаете, гражданин следователь, – добавлять о том, что проживет этот следователь на фронте пару часов, не стал.

– Не зарывайся, сержант! – О, злой, а обратился ко мне по званию.

– Виноват, гражданин следователь. Мало ли как можно в плен попасть. Кто без сознания попадает, кто раненым. Есть и такие, что сами руки поднимают. Там война, гражданин следователь, и очень страшно, – заключил я. Я не плакался, накипело, вот и сказал то, что в голову пришло в тот момент.

– Ясно. Пока иди, попробуем что-то разузнать...

– Гражданин следователь, а что плохого в том, что мы вышли из окружения? Ведь мы же к своим шли...

– Пока, сержант, – было видно, что следаку самому не нравится этот разговор, – неизвестно, кто для вас СВОИ. – Произнеся это, следователь явно озвучил то, чему учили, а не свое мнение.

– Вот тебе бабушка, и Юрьев день! – подытожил я.

В камере я провел следующие три дня. Извелся весь, без остатка. Уж лучше бы шлепунули, чем так мурыжить. Разговорился с блатными, было тут трое таких. Вообще-то они тоже были бывшими военнослужащими, да только попались на воровстве и разбое. Рассказали, что, оказывается, здесь хорошие следаки и просто так не стреляют. Это чуть успокоило, но не до конца. На четвертые сутки обо мне все же решили вспомнить.

– Ну что, Морозов, подтвердились твои данные, нашли того врача, что тебе справку выписал. Повезло! – с порога огорошил меня следак.

– Я рад, – просто заметил я. Да ладно, правда, что ли, доктора искали? Как и смогли-то так быстро...

– Да ладно тебе, не злись. Знаешь, сколько отребья приходится на чистую воду выводить? Не пытайся представить, гораздо больше. Пока, к сожалению, никаких данных о комиссаре Рыкове у нас нет, так что пока идешь в запасной полк, он тут рядом находится, километрах в двадцати. На базе разбитого, но вышедшего из окружения полка, сохранившего свое знамя, будет собран новый состав. Я к чему о Рыкове... Пока я не могу подтвердить твоё звание. Образования подходящего у тебя нет, срочную службу ты окончил простым красноармейцем, так что звание сержанта тебе пока вернуть не смогут. Я все же надеюсь, что останется хоть кто-нибудь из вашего партизанского отряда, чтобы могли подтвердить твои данные.

– А что, ребят не хватает?

– Да с ними самими не все гладко. А о тебе, – пояснил следователь, – я ведь имею в виду то, что кто-нибудь мог прихватить документы штаба вашего отряда, а в них, если ты правду говоришь, должно быть указано, кому и когда присваивалось какое-либо звание.

– О, кто ж потащит какие-то бумаги, когда в него стреляют из танков и вдалбливают в землю авиацией! – брякнул я, но спохватившись, заявил: – Готов воевать простым бойцом, да мне и не привыкать. Я сержантом-то пробыл всего несколько дней. А до этого в группе разведчиков меня и так за старшего принимали и слушались.

– Тем более. Если ты такой хороший боец, как про тебя рассказал военврач, который тебе справку выдавал, то думаю, легко опять заслужишь свои треугольники.

Вот блин, видимо, и правда доктора нашли.

– Гражданин следователь...

– Товарищ!

– Что? – не понял я.

– Я говорю, товарищ следователь, а не гражданин, – пояснил следак.

– Виноват, товарищ следователь. Как все-таки с моими ребятами?

– Ну, пограничников отправили дальше, ими будет заниматься свое ведомство. А Бортник и Мельников пока еще задержаны. Сам понимать должен, у них-то таких справок, как у тебя, нет. Но вроде как не похоже, что они предатели и трусы, особенно один, который на вид уж больно здоров!

– Товарищ следователь, я ручаюсь за них, это же отличные бойцы, готовые разведчики. Да хоть бы и обычные стрелки. На фронте от них только польза будет, кому нужна их смерть? Только фрицам.

– Не зарывайся. Чего-то ты уж больно говорливый да жалостливый?

– Так они для меня верными товарищами стали, мы многое пережили вместе. Как же быть-то? Неужели нет никакой возможности их оправдать?

– Ты, судя по документам из личного дела, кандидат в члены партии?

– Да, подавал документы, – ответил я. Я знал об этом факте из своей жизни. Но знал и то, за что меня до сих пор не приняли. В Ярославле, где я и появился, заменив прежнего владельца этого тела, у меня были проблемы с представителем партии, руководителем местной ячейки. Вот именно тот козел и приостановил решение вопроса по мне. Говоря по-простому, я назвал того *члена* партии старым козлом, вот он и обиделся. Сделать мне что-то плохое он просто не успел, война началась, а мог и хотел.

– Напишешь бумагу, где, как кандидат в члены партии, поручишься за этих бойцов. Но учти сразу. Если только они хоть в чем-нибудь провинятся, малейший и незначительный проступок... – Я даже насторожился. – Им, может, и будет тюрьма, а вот тебе...

– Что, вышка? – грустно спросил я.

– Партия будет решать, что с тобой делать. Сейчас иди, свободен. Боец возле двери извещен, он тебя проводит и передаст документы. Доедешь до нужного места, там с тобой определятся.

– Отлично, товарищ следователь, – я, расстроенный потерей друзей, а ребята действительно стали мне друзьями, вышел в коридор. Там меня увлек за собой один из конвойных. Отвели на какой-то склад. Это была небольшая комната, забитая армейским имуществом.

– Красноармеец Морозов, – я назвался, когда служащий на складе боец спросил мои данные.

– Нет у меня таких, – спустя пару минут изучения журнала ответил охранник.

– А попробуйте посмотреть на имя сержанта Морозова. – Ага, а как я докажу, что это я и есть?

– Есть такая опись. А как вы подтвердите ваши данные?

– Вот мои документы. – Следак отдал их мне, но только в красноармейской книжке нет фотографии, поэтому эти «бумажки», по идее, может предъявить за меня кто угодно. Хоть документы мне и вернули, но звание сержанта в них подчеркнуто и стоит знак вопроса.

– Чего-то я не понимаю, – еще больше начал сомневаться кладовщик.

– Звание дали недавно, оно не фигурирует широко в документах, – пояснил я, рассказывая, как так получилось. В действительности вышло так, что сдавал вещи я еще сержантом, а сейчас красноармеец.

– Ладно, но сразу говорю, забудь о пистолетах и ножах. Гранаты также ушли отправляемым на фронт бойцам. Не положено обычному красноармейцу иметь такое оружие.

– Я понял, а где моя винтовка? У меня с оптикой была! – кивнул я на обычную «убитую» в хлам «мосинку».

– Какая винтовка? – сделал такое наигранное лицо завхоз, что в него хотелось плюнуть. – Сказано винтовка, вот и получи!

– Ясно, обокрали... – проговорил я и, сгребая свои вещи, удалился со склада под недовольные вопли завхоза. Кстати, винтовку пока оставили у завхоза, нечего с ней болтаться. Так и сказали.

Как-то все выходило уж очень невесело. Вернут ли в строй парней, вместе ли нас оставят, одни вопросы. О звании я не думал, пофиг стало. Конечно, было приятно, когда Рыков мне его присвоил, но не в звании дело. Главное, это, конечно, то, что меня вообще отпустили.

На сборном пункте царил хаос. Кто-то все время приезжает, кто-то уезжает, командиры и представители партии снуют туда-сюда, выбирая себе лучших людей, покупатели, б... Лавируя между начальниками, еле пробился к лейтенанту, который вел регистрацию вновь прибывших. Получил назначение в войсковую часть 06708, стрелком. То есть тот, от кого зависела дальнейшая моя жизнь, даже не взглянул на записи в документах, которые я привез с собой. А там, кстати, стояла красивая надпись – разведчик-снайпер.

Часть была тут же, на территории сборного пункта. Это был очередной, тысяча, хрен запомнишь какой, стрелковый полк, меня сразу отправили во второй батальон, указав, где он

находится. Сколько с начала войны было уже этих полков, батальонов и рот, я как-то со счета сбился. Добравшись и туда, был шокирован. Во-первых, в батальоне было человек шестьдесят, а во-вторых, они были стариками. Нет, не старослужащими бойцами, а именно стариками. Мужики, самому молодому на вид лет сорок, смотрели на меня равнодушно и без интереса. Узнав у них, где тут можно разместиться, нарвался на грубость. Тут было что-то вроде огромного сарая, в нем и располагался будущий батальон.

– Да кому какое дело, где тебе сидеть, отвали и не суетись тут, – рявкнул один такой дедок.

– Не груби, папаша, я тебе на любимую мозоль не наступал! – буркнул я в ответ.

– Ты чего, щенок, оборзел? – взревел тот и вскочил.

– Отдыхай, папаша, стариков и детей не быю, – ответил я, усаживаясь на землю, подложив шинель под задницу. Тепло было, на удивление, вот и снял. Мужик уже хотел было рвануть ко мне, но его остановили его же друзья.

– Микола, сядь, чего привязался к мальцу? – О, этот дядька с умом дружит.

– А чего он, – кивнул дерзкий на меня, – сопли еще жует, а нарывается? – Мужичок то ли с головушкой не дружит, то ли просто не хочет идти на фронт. Его призвали, а он теперь зол на весь белый свет. Чего, думаете, таких не было? Я вас умоляю, да встречались уже не раз за эти месяцы.

– Сопли я обычно кулаком по вражеской морде размазываю! – бросил я. Ей-богу, уважаю возраст, но ненавижу наглецов.

– Ты откуда, парень? – спросил еще один мужичок. Этот на вид был приличным человеком. Хорошо одет и чисто выбрит. Да, не сказал, тут по большей части все в гражданку одеты. Видимо, только призвались.

– Из окружения вышли недавно. Сейчас с фильтра сюда направили. Сказали, что здесь будут формировать новую часть для отправки на фронт.

– А зачем тебе на фронт, ты там уже был, зачем сбежал?! – вновь подал голос тот первый, недовольный.

– Дядя, – я бросил сидор возле ноги и распрямился, – уймись, ей-богу! Ты хоть вообще представляешь, что такое ФРОНТ? Меня сейчас сдерживает только твой возраст, да еще то, что из-за тебя, идиота, меня расстреляют. Потому как будешь дальше выступать не по делу, я тебе голову откручу, ясно? – тот все-таки был неполным дураком, как я подумал. Молча отвернулся и ушел в дальний угол.

– Чего, сынок, хреново на фронте? – спросил вновь хорошо одетый мужчина.

– Хорошего мало, – вздохнув, кивнул я и протянул руку, – Андрей.

– Ростислав Павлович, – пожал мне руку мужчина.

– Давно вас здесь держат?

– Кто-то уже неделю, я всего второй день.

– Блин, а чем вы питаетесь-то неделю? – удивился я.

– С кормежкой тут беда, это точно! – выдохнул еще один мужичок-с-ноготок, сидевший под стеной.

– Понятно, – покачал я головой и решил тоже присесть.

– На фильтре-то как, били? – вновь обратился Ростислав Павлович.

– Да нет, – честно признался я, – следовательно так и вовсе нормальный человек. Да и не было бы здесь меня, если бы там хреново было.

– Да разное говорят, вот и спросил. Михалыча вон так отоварили, что теперь на всех огрызается! – Вот и прояснилась ситуация. Оказывается, этот грубиян, что докопался до меня, тоже был с фронта, но сюда попал уже после того, как побывал в плену. Ясно теперь, почему такой злой.

– Слышь, дядя, – решил я все же поговорить с ним. – Михалыч, кажется? – Тот нехотя обернулся. Я подошел к нему и протянул руку. Тот стоял неподвижно, но я ждал. – Забудем, оба погорячились?

– Ты ж мне только что голову отбить хотел? – выдавил из себя злой Михалыч, но уже как-то мягче.

– Извини, переборщил. На допросах держался, в камере держался, а тут сорвался. Меня Андреем зовут, Морозовым.

– Николай Михайлович я, – бывший злой мужик протянул руку и крепко стиснул мою.

– Вот и правильно! – заключил Ростислав Павлович. – Не хватало еще между собой тут собачиться, немцам на радость!

– Точно, – подхватили все разом. Поднялся небольшой шум, и все начали знакомиться со мной. Расспросили, где воевал, что видел, где немцы, много ли у нас гибнет, обо всем помаленьку. Всем было очень интересно слушать о наших похождениях. Кивали, переживали, было даже приятно. Чувствовал себя таким Пушкиным, с поправкой на время. Остаток дня прошел незаметно, но хотелось ЕСТЬ!

На поиски еды отправился я. Никто не просил и не заставлял, сам пошел. Найдя кухню, был удивлен ответом служащего:

– Ничего у нас нет, вон, сухарей хочешь? Можешь взять мешочек, – повар указал на один из десятка небольших мешков, что стояли возле стены кухни. Размером тот был с дамскую сумочку. Не ту, что кошелек только и вмещает, а нормальную женскую сумку, куда, если нужно, и зонтик войдет, и буханка хлеба.

– Вообще, что-нибудь известно о питании?

– Едят у нас только перед отправкой на фронт, – начал разговор повар, чуть усмехнувшись, – за пару дней до отправки к месту службы начинают нормально кормить. А так в основном остатки, обрезки и прочие крошки.

– Хреново, – кивнул я своим мыслям, – может, подскажешь, любезный, где все же еды раздобыть. Я после выхода из тылов противника несколько дней уже нормально не ел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.